

1
1967

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

● Приключения
и фантастика

● Рассказы
бывалых людей

● Мечты
современников

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

● Занимательное
краеведение

● Следопытские
дела

● Даем адреса
романтикам

● О подвигах,
о доблести, о славе

В ПОИСК СЛЕДОПЫТЫ!

Восемь лет назад, в 1959 году, на второй год своего существования, наш журнал учредил приз «Лучшему отряду следопытов Урала». Следопытское движение на Урале (да и вообще в стране) тогда только еще начиналось.

Сначала десятки, а потом и сотни отрядов пытливых искателей вступили в соревнование. Отряды следопытов возникли в Средней Азии (БАРС — Боевой Авангард Разведчиков-Следопытов), в Ленинграде (Клуб красных следопытов), в Чите и Сыктывкаре, в Минске и Кемерово, на Украине и на Алтае... А теперь, пожалуй, трудно найти школу, город, поселок, где бы не было своего следопытского отряда. Пусть не всегда в названии его стоит слово «следопыт» — то это «Кружок юных краеведов», то школьный клуб «Белка», «Кристаллик», «Костер», то целое общество — «Глобус», «Зеленый океан», — дело не в названии.

С 1962 года редакция журнала стала проводить всеуральские слеты. Свердловская, Челябинская, Курганская, Пермская и Тюменская области, Оренбуржье и Башкирия, Удмуртия и республика Коми направляли на эти слеты по одному-два лучших следопытских отряда, завоевавших это право в трудном соревновании среди сотен других отрядов. Главным на этих слетах был следопытский форум, где ребята отчитывались в своей работе, делились планами, спорили, мечтали.

Добрые воспоминания остались у ребят о наших слетах, немало полезного принесли они следопытскому движению. Но жизнь ведь не стоит на месте. Развивается вширь и вглубь, обретает новые формы и новое содержание и следопытское движение.

Посоветовавшись с друзьями журнала, с руководителями краеведческих кружков и клубов, с читателями-активистами, редакция решила впредь не ограничиваться рамками Урала и установить новый порядок соревнований за приз журнала.

В соревновании может принять участие любой следопытский отряд страны: школьный ли кружок краеведов, краеведческий клуб при Дворце пионеров, при ОДЭТС, СЮН, СЮТ, заводской, сельский или студенческий коллектив. Или просто отряд ребят одного двора. И число участников его может быть любое.

Отряд сам выбирает себе тему для поиска, исследования, какого-то общественно полезного дела. Эта тема может быть взята и со страниц нашего журнала.

Например: напечатал «Уральский следопыт» очерк о юных героях гражданской войны на Урале и призвал читателей восстановить в памяти народной забытые имена мальчишек и девчонок, отдавших свою жизнь за счастье человечества. А следопытский отряд подхватил этот призыв и после старательного коллективного поиска установил историю краткой, но замечательной жизни нескольких своих земляко-героев.

Или — прочитали ребята статью ученого о пользе кедра и необходимости охраны его. И, прочитав, решили: взять под свою охрану остатки гибнущего припоселкового кедровника, дополнить его своими посадками и сделать его школьным общественным заповедником.

Или — узнав со страниц журнала о том, что в некоем отдаленном районе обнаружены следы ценного лекарственного растения, очень нужного нашей фармацевтической промышленности, отряд юных разведчиков отправляется на поиски его — в трудный, но интересный поход.

Но это — одна половина задачи. Другая — окончив поиск, самим рассказать о своих находках и добрых делах на страницах журнала.

Итак, если вы задумали принять участие в ежегодном конкурсе «Уральского следопыта», выбрали тему поиска, исследования, похода — напишите об этом в редакцию. Сообщите в письме подробно о своей задумке, о составе отряда, о том, кто и какую роль будет исполнять. И время от времени, но не реже раза в месяц, хотя бы коротенько сообщайте о себе, о ходе работы. А закончив поиск, шлите в редакцию подробный отчет о своих успехах и неудачах, о находках и приключениях в задуманной и проведенной вами «операции» и о ее добрых последствиях. Шлите отрывки из дневников, копии документов, фотографии, схемы и образцы. Приложите, если есть, отзывы о том, как оценена ваша работа хозяйственными, научными и общественными организациями.

Материалы, присланные в редакцию в течение года, будут публиковаться по мере поступления. Потом, после 31 декабря, их рассмотрит авторитетное жюри. А в день рождения «Уральского следопыта» — 29 апреля — будут оглашены результаты и вручены призы и премии победителям.

Итак — в путь, следопыты! В трудный и интересный поход по тропам родного вам края, в кропотливый и увлекательный поиск! Доброго вам пути, больших успехов!

НОВОЕ О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ

Вскоре после того, как на XV съезде ВЛКСМ Николай Островский был назван первым лауреатом премии Ленинского комсомола, наш постоянный автор Леонид Большаков отправился в путь по местам жизненного подвига писателя-бойца. В результате этих поездок и родилась представленная здесь подборка. В ней — путевые заметки, рассказы о находках новых документов, связанных с именем писателя, интервью с близкими ему людьми. Давайте продолжим этот поиск, юные следопыты Урала!

История одной находки

В Оренбургский областной краеведческий музей пришла Вера Петровна Брусиловская, техник «Оренбургэнерго», и принесла старый, видавший виды томик.

— Заглянула в букинистический магазин, и вот... — сказала она, раскрывая книгу. Это было одно из изданий романа «Как закалялась сталь», выпущенное в 1935 году в Ростове-на-Дону.

Прижизненные издания выдающихся писателей уже сами по себе вызывают трепетный интерес книголюбов. Тут же было нечто большее и по особому волнующее: письмо Николая Островского.

*«Уважаемый т. Тузилин.
Посылаю Вам настоящие книги, по которым прошу делать набор для Вашего издания. Одновременно с этим, спешным, письмом посылаю Вам предисловие Г. И. Петровского к настоящей книге и перечень опечаток и искажений, которые необходимо исправить. Ваше издание будет двадцатым, о чем необходимо сделать указание в издаваемой Вами книге...
С ком. приветом
Н. Островский».*

Письмо было отправлено из Москвы в Оренбург 13 февраля 1936 года.

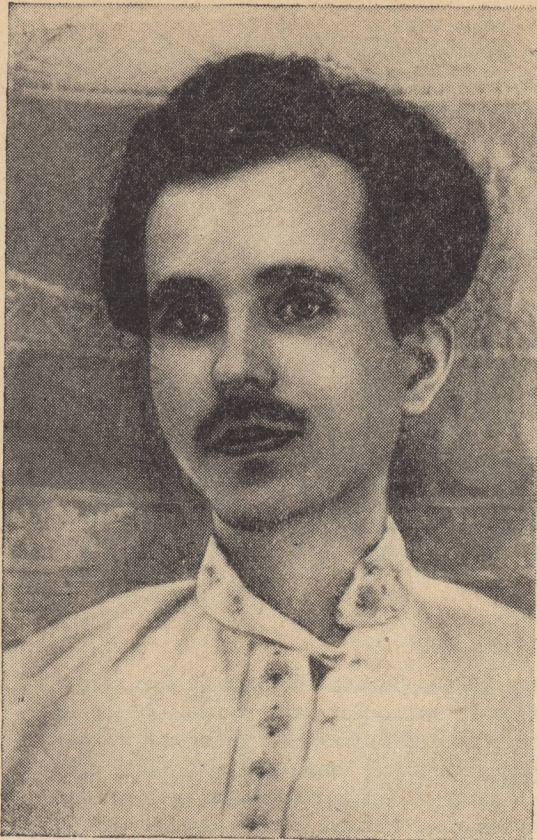
Каждое новое издание «Как закалялась сталь» живо интересовало и по-настоящему волновало Николая Алексеевича. Ведь оно прибавляло книге читателей — тех, ради кого им и вершился беспримерный жи-

зненный подвиг... Письмо Григорию Степановичу Тузилину — старейшему издательскому работнику Оренбуржья, который руководил в то время всей полиграфией области, — еще раз подтверждало такую заинтересованность.

Вера Петровна передала свое приобретение в дар музею.

А вскоре рядом с экземпляром, присланным в Оренбург самим автором, стал еще один том — издание, осуществленное в 1936 году типографией газеты «Оренбургская коммуна», с портретом писателя и тем самым предисловием, которое посылал Островский.

«По просьбе издательства, — начинал его Григорий Иванович Петровский, — с большой охотой берусь писать вступительную статью к роману молодого орденоносного писателя Н. А. Островского «Как зака-

Н. Островский. 1929 год.

Мы смело идем за старой гвардией

Николай Островский собирался в Москву, навстречу большой и упорной работе над «Рожденными бурей». До выезда оставались считанные дни. Один из них он посвятил приятному семейному торжеству — новоселью.

Еще в мае Николай Алексеевич поселился в доме, построенном для него правительством. Но только в октябре смог он созвать друзей — ранее мешали то занятость литературным трудом, то ухудшение здоровья. Очень хотелось ему, чтобы на новоселье присутствовал глубоко почитаемый им человек — испытанный боец ленинской когорты Григорий Иванович Петровский, который годом ранее вручил Островскому орден Ленина. И вот председатель Центрального Исполнительного Комитета Украины Г. И. Петровский вновь приехал в Сочи. Новоселье состоялось 18 октября 1936 года.

Такова, коротко, история не публиковавшегося прежде выступления писателя-бойца, которое печатается ниже с небольшими сокращениями. Оно было записано его секретарем А. П. Лазаревой и хранится в фондах Государственного музея Николая Островского в Сочи, в том самом доме, где и проходило новоселье...

— Если Григорий Иванович разрешит, то я скажу несколько слов собравшимся здесь друзьям.

лялась сталь», ибо значение этой книги для героического, коммунистического воспитания советской молодежи огромно...».

* *

На Урал Островский пришел уже двадцативосьмилетним.

Его привел к нам Павка Корчагин...

Уже в те самые дни, когда в города и села Урала начали прибывать номера журнала «Молодая гвардия» с главами романа «Как закалялась сталь»,

наши земляки получили возможность по достоинству оценить светлый, жизнеутверждающий талант и несгибаемое мужество безвестного дотоле писателя.

За немногими экземплярами журнала записывались в очередь. Газеты перепечатывали наиболее яркие эпизоды. «Как закалялась сталь» вошла в обязательную программу радиопередач...

— Даешь книгу!

— Корчагина!

Издания Николая Островского обгоняли одно другое и все-таки не поспевали за спросом...

В фондах Музея Н. Островского в Сочи хранятся две записные книжки, в которые, по просьбе Николая Алексеевича, заносились сведения обо всех изданиях романа.

Из них мы узнаем, что первым на Урале книгу «Как закалялась сталь» выпустило в

1936 году Свердловское областное издательство. Это было одно из первых изданий книги Островского вне Москвы, но — уже десятое по счету с начала печатной истории произведения.

Оренбург выпустил книгу «Как закалялась сталь» несколькими месяцами позднее, а на титульном листе значилось: издание двадцатое.

Год 1936-й продолжается, и растет счет изданий, растут тиражи.

Издание двадцать третье — Башкирия...

Издание двадцать четвертое — Челябинск...

Шествие Павки Корчагина было широко, победно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы он вошел в каждый дом, в каждое сердце.

Есть такая старая традиция. При закладке дома в фундамент его заложить бутылку с бумагой, где указана дата закладки. Прошлый год такая бутылка была заложена в фундамент этого дома Григорием Ивановичем, нашим вождем и другом, воспитателем комсомольского племени, в том числе и своего приемного сынишки, который старается быть достойным его забот, старается оправдать огромное его доверие.

Прошел год с тех пор. Год жизни, полной страстной и напряженной работы всей страны, полной изумительных побед. Мы стремительно движемся к новой, радостной, чудесной жизни. Вся страна и каждый из нас в отдельности живем с большим духовным размахом.

...Вернувшись в Сочи, я накинулся на работу. Поскольку у парень очень ненадежный, а «Рожденные бурей» должны быть во что бы то ни стало написаны, я не даю себе никакой отсрочки в работе и успокоюсь только тогда, когда книга будет закончена.

Ведь для меня делается все. Товарищи, мы только еще идем к коммунизму, а для меня уже созданы такие условия в жизни, какие будут в коммунистическом обществе. От меня по способности, а мне дается по потребности. Для меня уже настала та жизнь, которая для всех является прекрасным будущим...

Самый счастливый человек это тот, кто, засыпая, может сказать, что день прожит не напрасно, что он оправдан трудом.

Недавно мне исполнилось тридцать два года. Из них восемнадцать лет отданы комсомолу и тринадцать лет — партии.

Я буду стараться жить как можно дольше и как можно лучше...

Я должен жить, чтобы написать книгу, которая бы зажгла сердца молодежи.

Я еду в Москву и начну там работать еще стремительней, чем раньше. Я буду работать

в три смены, чтобы к двадцатой годовщине Октября «Рожденные бурей» были бы полностью закончены. Это огромная и трудная, но небывало радостная работа. И я никогда не думал, что жизнь может быть такой чудесной. Я со всей страстью чувствую это.

Этой жизни мы добились потому, что у нас были чудесные, могучие люди, которые научили юношей бороться с врагами, воспитали в них любовь к прекрасному будущему и научили за него бороться.

Без них, без этой старой гвардии, не было бы нас, не было бы комсомола. И мы им за все это безмерно благодарны. Григорий Иванович Петровский — один из достойных представителей этой нашей героической и славной старой гвардии большевиков.

Да здравствует старая гвардия!..

А мы отдадим всю кровь своего сердца по первому их слову. Мы смело идем за ними, мы верим, что с ними победим!..

* * *

Это впервые публикуемое здесь выступление является одной из последних речей Николая Островского.

Четыре дня спустя, 22 октября, он выехал в Москву и там, через два месяца — 22 декабря 1936 года — умер.

Островский умер как боец, со штыком-пером в руке, и речь его служит новым подтверждением величия духа настоящего коммуниста, не сложенного никакими тяжелыми жизненными невзгодами.

По следам недописанных судеб

Интервью дает
Александра Петровна
Лазарева —
секретарь писателя

КОГО не взволновала судьба героев «Рожденных бурей»? И закрывая книгу, каждый читатель с горечью думает о том, что ему не узнать уже, как сложилась жизнь Олеси и Андрия, что стало с Раймондом, Франциской, с юным Васильком. Роман остался недописанным: писатель умер на пороге на-

пряженной работы над второй его частью.

Он любил своих героев, и жизнь их была ему известна до конца. Может, рассказывал об этом, делился с друзьями, с близкими?

— Рассказывал, и много, — говорит Александра Петровна Лазарева, бывший секретарь Николая Островского.

Она начинает с Олеси.

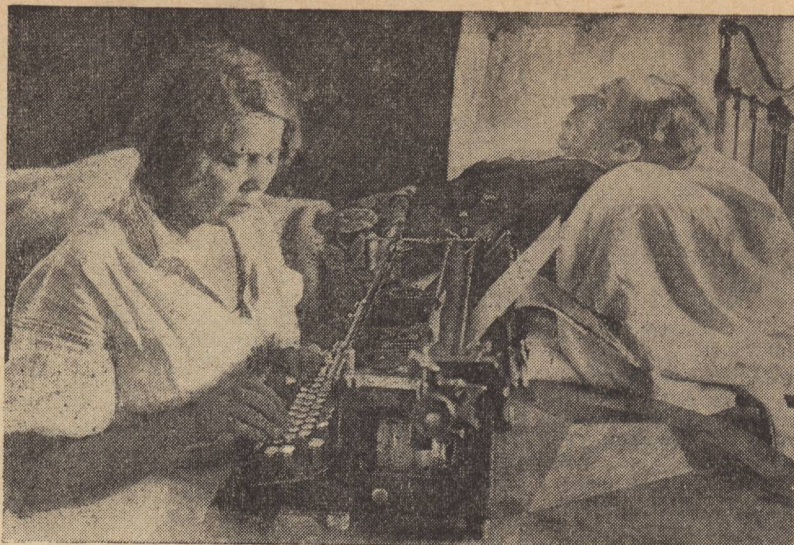
Не прост ее дальнейший путь. Не задумываясь, обрезает девушка свои чудесные косы и, надев обмундирование кавалериста, становится отчаянным бойцом-рубаккой. Во многих сражениях участвует она под началом комдива Щабеля.

В огне боев зарождается их любовь. Олесья согласна стать женой отважного командира, но... после освобождения Украинны. Большое, чистое чувст-

во помогает ей переносить все трудности походной жизни. И можно представить себе горе любящей девушки, когда она узнает, что Щабель нарушил слово верности. Для него это только «случайность», для нее — измена, которой она не прощает.

После войны Олесья возвращается в родные места. Проходит какое-то время, и туда же приезжает Андрий Птах. Грозные события разлучили его с милой сердцу девушкой, но даже в самых сложных условиях не мог он забыть Олеси, и случайно долетевшая до него весть о любви ее к Щабелю принесла с собой душевные муки.

Геройски воевал Андрий с врагами, не было предела его храбрости, и в свой город он вернулся с боевым орденом — знаком высшей доблести. Но дорожке любых наград оказывается для него возможность

Николай Островский диктует роман «Рожденные бурей». Печатает А. П. Лазарева. Снимок 1936 года.

Сибирская находка

Украина... Побережье Черного моря... Москва... Вот, пожалуй, и все места, где приходилось жить Николаю Островскому. Крупнейшая же находка последних лет — находка, имеющая самое прямое к нему отношение, — связана с Сибирью.

молодая партийка скоро завоевала симпатии Николая, и между ними возникла дружба. Прямо и откровенно пишет Островский Марии о своих горестях и надеждах, тревогах и радостях. В дружбе он не терпит недоумков. И письма (большинство из них относится к 1925—1926 годам) убеждают в этом.

«Очень жаль, Муся, что мне не придется тебя видеть. Да и, может, больше никогда не увидимся. Все может быть. Кто знает — куда жизнь свернет. Только родился друг, славный товарищ, и опять нет. Разве может письмо к тебе передать все то, что я хотел бы тебе на прощанье

Речь идет о двух десятках писем Н. А. Островского к Марии Родкиной и ее мужу Ивану Пташинскому. Много лет спустя они обнаружались среди бумаг и книг новосибирского пенсионера Е. Я. Гатушкина.

Как они туда попали? Какими судьбами? Это еще предстоит выяснить. Важно то, что теперь все письма в руках исследователей...

С Марией Родкиной Островский повстречался на одном из трудных своих «перегонов» двадцатых годов: скорее всего в Харькове.

(О судьбе Родкиной и ее мужа пока ничего неизвестно, потому-то так и сложно раскрыть обстоятельства их знакомства).

Из писем ясно одно:

встретиться с Олесей. Не сразу находят они счастье. Тем полнее оно, тем глубже...

— Николай Алексеевич особенно любил рассказывать об их дружной, во всем ладной жизни, — улыбается Александра Петровна, вспоминая.

— А каким он представлял себе путь Василька?

6 — В Васильке Островский видел самого себя — свое детство, свои юные годы. Так

же, как автор «Рожденных бурей», его герой убежал в Красную Армию и стал любимцем кавалеристов. Андрий, конечно, очень тревожился о судьбе своего братишки. Встреча их представлялась Островскому так. Птаха получает задание немедленно переправиться с группой бойцов через реку, но, подскочив к мосту, видит, что тот запружен проходящей кавалерийской частью. Как быть? Андрий решает не ждать и пойти напролом. С трудом прокладывает себе лихой воин путь вперед, как вдруг чувствует на спине нагайку. В гневе оборачивается, готовый отомстить обидчику, однако им оказывается... Василек. Встреча братьев была хоть и мимолетной, но радостной. А затем они снова расстаются, теперь уже на годы: Василек навсегда связывает свою жизнь с Красной Армией, становится авиатором...

— Теперь, Александра Петровна, о Раймонде...

— О нем я могу сказать меньше: не все было ясно еще и самому автору. Одно не вызывало в нем сомнений: сын революционера рос революционером, и никакие преграды, никакие трудности не могли заставить его свернуть с этого пути.

— Большой симпатией Островского пользовался Леон Пшеничек, — продолжает А. П. Лазарева. — В самом начале гражданской войны он лишается ноги и выбывает из строя. Больно переживает Леон свою неполноценность. От горя забивается в глушь и начинает работать на водяной мельнице. Тут он встречается с Франциской, которая убежала от деспота-мужа. Но любовь Леона и Франциски счастья им поначалу не приносит. Франциска сдается, что все ее жалеют:

сказать, Муся? Знаешь, я тебе скажу — теперь самое тяжелое для меня время... Кто знает, выкарабкаемся ли мы из того окружения, что имеем... Муся, милый друг мой хороший, что я тебя считал и считаю родным, хорошим человеком. Точка. На черта, скажи, иметь друзей, чтобы потом они уходили, а ты оставался один? Передай от меня привет Ване. Ты ведь будешь писать о всех твоих поворотах в жизни, Муся?..»

Это написано в Славянске, 11 сентября 1925 года. Тогда Островский еще и не помышлял взяться за литературный труд. Мучительно тяжело протекала борьба Островского за возвращение в строй. Он шел на все, лишь бы побороть болезнь, переносил невероятные страдания, лишь бы вырваться из когтей смерти.

«Грязь было трудно терпеть, падал в обморок, но окончил. Сейчас измучился, нет сил...» (Славянск, 30 сентября 1925 г.).

«Мне сделали операцию правого колена, вырезали всю дрянь, располосовали все колено, а теперь я лежу и помаленьку начинаю приучаться движениями ноги. Есть надежда, что что-нибудь из этого получится. Посмотрим. О всем том, что я перенес, говорить неинтересно, во всяком случае — не стонал и не выл, это да, а держался как парень». (Харьков, 25 октября 1925 г.).

«Главное, важно, кто останется победителем — болезнь или я. Я думаю, что я. Кто знает? Муся, я борюсь молча. Слышишь? Никто здесь не услышал от меня ни одного слова жалобы и не услышит никогда». (В том же письме, но продолженном, вероятно, несколько дней спустя).

«Я хожу уже на костылях, поправляюсь. Хотя еще хвороба вся не вышиблена, еще много операций. Скучно и тяжело порой, но все проходит...» (Харьков, 19 ноября 1925 г.).

«У меня, к сожалению, нет ничего светлого,

чтобы я мог тебе похвалиться. У меня ко всей бузе бывшей прибавилось следующее: правая рука, которую я вывихнул в Славянске, срослась с плечом и теперь неподвижна. Это для меня очень тяжело, потому что отнимает последнюю возможность ходить, хоть на костылях... Теперь я лежу и не двигаюсь...» (Харьков, 13 февраля 1926 г.).

«Дела мои идут по нисходящей, вниз. Я куда слабее тех времен, как ты меня знаешь. Ходить я теперь и на костылях даже не могу. Точка. Лежу день и ночь в постели, не слазя. Руки в плечах срослись и не поднимаются, как одна, так и другая. Не могу сам даже зачесать волосы и т. д. В общем, неладно. В моральном отношении все по-старому. Молча переношу боли... Но надо сказать, что такое непрерывное состояние, когда ни черта нельзя делать, меня иногда доводит до тупика...» (Харьков, 30 декабря 1926 г.).

Велики страдания, но Островский не может думать только о себе, не хочет быть в стороне от большой жизни партии, страны, от борьбы, которую ведут его товарищи.

Он забывает о собственном горе, когда видит, что в беду попал другой. Так получается и сразу по приезде его в Харьков, когда Островский встречает неизвестного нам Шурку — общего знакомого его и Родкиной.

Письмо от 4 октября 1925 года:

«Шурка шатается без дела, безработный, ночует где попало, даже в сквере. Я ему говорил, чем ему помочь насчет работы? Он сам не знает, что делать».

как же, связалась с безногим. Леон понимает состояние любимой. Он не удерживает ее, но уходит и сам — на фронт. Сначала кашеварит, а затем становится пулеметчиком. Да еще каким! Только после войны происходит новая его встреча с Франциской: многое пережившие, возмужавшие, они приходят друг к другу, чтобы не разлучаться уже никогда.

— Несколько слов об образах расов...

— Эдвард не должен был погибнуть на войне. «Было бы неправильным угробить Эдварда, — сказал мне как-то Николай Алексеевич. — Пусть молодежь знает, что еще остаются в живых такие вот «эдварды» — враги опасные, беспринципные, непримиримые, готовые буквально на все, лишь бы вернуть свои по-

местья и капиталы. Пусть молодежь знает, что с ними еще предстоит жестокая схватка». А вот Казимиру и Владиславу Могельницким Островский уготовил смерть от руки тех, над кем они в свое время жестоко издевались. Они гибнут как трусы. Что касается Людвиги, жены Эдварда, то она во многом прозревает, но... дальше разрыва с мужем не идет. Ее возмущения хватает лишь на то, чтобы уехать в Англию, бежать от страданий народа, от ужасов войны...

— О многом мечтал сказать Николай Островский во второй книге романа, — говорит Александра Петровна. — Его планам не суждено было осуществиться. Но уже первой своей частью «Рожденные бурей» навсегда вошли в золотой фонд советской литературы, завоевали (и завоевывают) миллионы читателей.

Заканчивая беседу, бывший

секретарь писателя просила передать сердечный привет читателям «Уральского следопыта» и вообще всем уральцам, которых Островский по праву считал своими искренними друзьями.

То, что Николай лежит, что он разбит, не видит и т. д. — это все внешнее; сущность — это силач, доблестный парень, боец... В нем чувствуется красная армия...

МАТЭ ЗАЛКА.

Ничего Островский не пишет о своих хлопотах ради приятеля, но три недели спустя с удовольствием отмечает:

«Шурка к нашей общей радости работает истопником, получает 55 рублей денег, значит кончились его мотания. Может, парень действительно станет на хорошую дорогу».

И еще не раз повторяется в письмах последующих: «Шурка работает». Своего подопечного он из виду не теряет...

Измученного болезнями, но духом не павшего, Островского радует рост близких ему людей, в которых он видит себе замену.

«Работает брат (речь идет о Дмитрии Алексеевиче Островском) хорошо. Он теперь предгорсовета Шепетовского. Будет за меня замена. Куц (он пишет о своем друге) был здесь несколько дней назад. Плохо ходит на костылях, но занялся активной работой в КСМ, секретарь ячейки на селе. Славный парень».

Среди найденных в Новосибирске нет писем за 1927—1933 годы. Между тем переписка продолжалась, Мария Родкина и Иван Пташинский оставались близкими друзьями Островского.

Вторая пачка вновь открытых писем Николая Алексеевича переносит нас в 1934—1936 годы.

Старые товарищи помогают вновь родившемуся писателю добыть пишущую машинку. «Большое спасибо Мане за ее энергичное усилие, — пишет он, точнее диктует, 8 сентября 1934 года. — Маня в этих делах не превзойдена». Друзья принимают участие в решении жизненно важных для Островского пенсионных дел. К ним он обращается и по вопросам творческим.

«...Начал новую работу, только в большом затруднении нахожусь в связи с недостатком материала. Если у тебя, Ваня, есть какие материалы и литература о борьбе с белополяками,

вышли мне, буду благодарен». (Сочи, 1 декабря 1934 года).

Родкина и Пташинский в курсе всего, чем заполнены дни Николая Островского. С ними он делится новостями литературными и житейскими, им пишет о планах.

Пишет... Если письма 1925—1926 годов написаны его рукой, то эти он сам писать не мог — диктовал своим добровольным помощникам.

«Хоть бы годочек настоящей силы, сколько полезного можно бы сделать... Да что говорить!» — восклицает Островский в мартовском письме 1935 года.

Здоровье к нему не вернулось. Но и в том, тридцать пятом, и в следующем, тридцать шестом, — до последнего дня своей жизни — он работал в полную меру «настоящей силы». По-другому Николай Алексеевич жить и не мог.

Вопросы коммунисту

Много, очень много должен знать активный строитель новой жизни. Немыслим он и без знакомства со всем тем лучшим, что создано писателями — классиками и современниками.

И когда в 1935 году Сочинский горком партии поручил коммунисту Островскому принять участие в проверке знаний членов городской партийной организации, он на какое-то время отложил все свои дела и продумал — продиктовал «Вопросы коммунисту».

**Ваш
вечно юный
товарищ**

**Слово
Раисе Порфирьевне
Островской**

„Жива ли Тая Кюцам? Где она, что с ней?..» Этот вопрос читатели романа «Как закалялась сталь» задают, пожалуй, особенно часто.

И их интерес оправдан: речь идет о верной подруге Павла Корчагина.

Теперь прочтите фамилию Кюцам с конца.

Мацюк...

Это девичья фамилия Раисы Порфирьевны Островской, жены писателя. До недавнего времени она возглавляла музей-квартиру Н. А. Островского в Москве, а сейчас — персональный пенсионер.

Впрочем, и поныне каждый день и час своей жизни Раиса Порфирьевна посвящает Николаю Островскому. С особым вниманием слушает молодежь выступления той, которая рука об руку прошла с писателем

через самые тяжелые — и самые счастливые — его годы. Такие встречи придают сил и ей.

— В ряду многих встреч с молодежью я особенно ярко помню одну — на фронте, в 1942 году, — говорит боевая подруга Н. А. Островского. — В блиндаже собрались бойцы и офицеры, которым на рассвете предстояло принять не легкий бой за село, где окопался моторизованный полк фашистов. Я рассказала солдатам о жизни Николая Алексеевича. Слушали они как-то особенно сосредоточенно. А потом один молодой боец спрашивает:

— Скажите, были ли у Островского минуты, когда он чувствовал неудовлетворенность собой, жизнью или боялся смерти?

Я пошла, что у паренька,

Это не статья и даже не письмо. Но как точно, метко характеризует составленная Николаем Алексеевичем анкета круг литературных интересов и Островского, и Корчагина!

Итак, «Вопросы коммунисту».

1. Что Вы читали из следующих книг советских авторов:

«Мать» — М. Горького.
«Мои университеты» — его же.
«В людях» — его же.
«Дело Артамоновых» — его же.
«Поднятая целина» — М. Шолохова.
«Бруски» (три тома) — Ф. Панферова.
«Станица» — В. Ставского.
«Разбег» — его же.
«Ненависть» — И. Шухова.
«Железный поток» — А. Серафимовича.
«Чапаев» — Д. Фурманова.
«Мятеж» — его же.
«Цусима» — А. Новикова-Прибоя.
«Тихий Дон» — М. Шолохова.
«Петр Первый» — А. Толстого.
«Капитальный ремонт» — Л. Соболева.
«Человек меняет кожу» — Б. Ясенского.
«Время, вперед» — В. Катаева.
«Я люблю» — А. Авдеенко.
«Разгром» — А. Фадеева.
«Россия, кровью умытая» — А. Веселого.
«Степан Разин» — А. Чапыгина.
«Рассказ о простой вещи» — Б. Лавренева.
«Неделя» — Ю. Либединского.
«Цемент» — Ф. Гладкова.

2. Какие произведения советской литературы читали Вы еще, кроме перечисленных выше?

3. Какие из следующих произведений русских классиков Вы читали:

«Война и мир» — Льва Толстого.
«Анна Каренина» — его же.

«Воскресение» — его же.

«Мертвые души» — Н. В. Гоголя.

«Старосветские помещики» — его же.

«Тарас Бульба» — его же.

«Обломов» — Гончарова.

«Обрыв» — его же.

«Отцы и дети» — Тургенева.

«Дворянское гнездо» — его же.

«Преступление и наказание» — Достоевского.

«Братья Карамазовы» — его же.

«Пошехонье» — Салтыкова-Щедрина.

«Рассказы» — А. П. Чехова.

4. Укажите, что еще, кроме перечисленных произведений, читали Вы из русской классической литературы?

5. Какие из следующих произведений мировой литературы Вы читали:

«Овод» — Войнич.

«Спартак» — Джованьоли.

«Джимми Хиггинс» — Эптона Синклера.

«Джунгли» — его же.

* * *

Конечно, многим вопросник покажется не полным. Еще бы — со времени его составления минуло более трех десятилетий, и круг чтения намного расширился.

Но как бы там ни было, а «Вопросы коммунисту» будят мысли, вызывают на раздумья. И если бы по ним, скажем, провести конференцию читателей... о, это была бы, уверяем, очень активная, даже горячая конференция. Сомневайтесь? А вы проведите!

видимо, сложилось представление о писателе, как о сверхчеловеке, которому все нипочем. И вспомнила, как однажды, в 36-м году, вернувшись с работы домой и нашла Николая необычно печальным, молчаливым. Расспрашиваю его, что с ним, тормошу. А он говорит грустно:

— Слышал я по радио — сегодня Мадрид бомбили. А меня они уже доканчивают. (Он иной раз называл свои болезни «фашистами»).

Отговариваю его, уверяю, что все еще будет хорошо. Он усмехнулся на все мои неловкие усилия и вздохнул:

— Я ведь не о том. Мне обидно, что я ухожу, не расплатившись с главными долгами. И особенно перед молодежью: книгу-то мне, видно, не закончить. (Он имел в виду «Рожденные бурей»).

Говорю я это солдатам и ви-

жу, как разгораются глаза, руки сжимают автоматы. А тот паренек, что задал мне вопрос, встал и обратился ко всем, кто был в блиндаже:

— Слышали, ребята? Островский считал себя должником перед нами. Что же нам нужно сделать, чтобы считать себя чистыми перед следующим поколением?!

На другой день они ушли в бой. И многие кровью заплатили свой долг отцам и выдали великий аванс всем, кто остался на земле...

— Откуда Островский черпал силы, чтобы превозмочь страдания, причиняемые болезнью?

— Этот вопрос мне задают часто. В таких случаях я напоминаю его слова: «Я органически, злобно ненавижу людей, которые под беспощадными ударами жизни начинают выть и кидаться в истерику

по углам». Выдержка, стойкость — это уже от характера, от внутренней убежденности, что человек, а тем более коммунист, не имеет права усложнять жизнь окружающих, если с ним судьба обошлась жестоко. В этом было проявление его высокой человечности, гуманности.

— Особенно, наверное, это чувствовали его близкие?..

— Да. Поэтому меня даже обижало сочувствие, которое пытались высказывать мне иные люди, мало знавшие Николая: «Вот, мол, тяжкая участь выпала женщине — быть сиделкой у больного мужа!». В таких случаях мне хотелось крикнуть: «Не жалеете вы нас, товарищи! Мы счастливы!». И это не рисовка, не поза. Представьте себе семью, в которой муж, умный, чуткий, тонкий человек, постоянно озабочен тем, чтобы его подруга была всег-

Николай Островский с Л. Н. Берсеневым.

Снимки рассказывают о дружбе

Эта фотография уже сама по себе рассказ.

...Человек играет на гитаре. Вот-вот он запоем негромкую песню их молодости. Слушает Островский — внимательно, задумчиво, и все в нем обращено к этой музыке. Невидящие, слепые глаза устремлены вверх. Как много мыслей и чувств может пробудить гитара в руках друга!..

Фотография, которую вы сейчас видите впервые, сделана в последние годы жизни Николая Островского. Писатель снят с Львом Берсеневым, имя и фамилия которого известны каждому, кто читал «Как закалялась сталь».

«Лев уходил от нового приятеля... с таким чувством, будто нашел брата, потерянного много лет назад». Так описывает Островский первую их встречу. Коммунист с 1917 года, Берснев с честью прошел сквозь все бури гражданской войны, а после ее окончания отдал немало сил строительству юной Советской республики. Болезнь сделала его пенсионером, однако не смогла сломить неукротимого революционного духа. «Хоть у него одного легкого нет, но трудно поверить, что он больной, — читаем мы в романе. — От него брызжет энергией. Он и умрет-то где-нибудь на бегу из райкома в суд». Именно так и умер Лев Николаевич Берснев, пережив Островского всего на четыре года.

Вот кого видим мы сейчас вместе с Николаем Островским на фотографии, впервые публикуемой здесь.

да в гуще жизненной бучи, чтобы она духовно росла, обрела свое подлинное место в ряду сражающихся, строящих сверстников-коммунистов. Чтобы она вкусила всю радость сознания своей пользы людям. А кроме того, он никогда не забывает доставить ей маленькие житейские радости, помнит о ее вкусах и привычках. Как это важно и дорого каждой женщине! И потом, не было в нашем доме тяжелой атмосферы больного. Наоборот, вечный коловорот молодежи, веселые сборища, песни, шутки. Пока Николай мог, он играл на гитаре, а я пела. Позднее стала аккомпанировать я, он названивал веселые мотивы.

— Николаю Островскому, — говорит Раиса Порфирьевна, — было бы сейчас за шестьдесят. Сколько успел бы написать, сделать... Но хоть и прошло со дня его смерти три десятилетия, — он жив. Миллионы

молодых считают его своим, вечно юным, товарищем. К молодым и обращаю я свой призыв:

— Дорогие друзья — читатели журнала «Уральский следопыт»! Мне хочется пожелать: не принимайте Павку Корчагина и его создателя только как гранитный монумент стойкости, мужества, воли. Еще пристальнее приглядывайтесь к нему, подумайте над его жизнью. И вы откроете в нем для себя новые человеческие, душевные свойства. Он вам станет еще понятнее, доступнее, ближе.

Закрывая тетрадь...

Мы знаем, что много наших земляков-уральцев писало Николаю Остров-

скому. Близкие к нему люди говорят, что он старался — хотя бы коротко, но непременно — на все эти письма отвечать. Давайте поищем такие письма-ответы, порасспросим комсомольцев тридцатых годов, пороемся в местных газетах этих лет — наверняка найдется немало интересного. Это относится, конечно, не только к уральцам. Наш журнал читают по всей стране, и поиск может быть поистине всесоюзным.

Собрать все, что написано Н. А. Островским, — благородное дело и почетный долг перед его памятью. Представляете, как расширятся, насколько полнее и глубже могут стать с нашей помощью тома будущего собрания сочинений любимого писателя советской молодежи!

Еще не собраны воспоминания тех, кто знал Николая

Зина Островская.

Будьте знакомы: Зина Островская

Николай Алексеевич знал ее маленькой, смешной девчушкой. А она тогда и не задумывалась, какой замечательный жизненный подвиг свершает этот неподвижный, прикованный к кровати человек — «дядя Коля».

Он и впрямь доводился ей дядей. И на фронте, кто бы ни узнавал о родственной близости Зины к писателю Островскому, каждый старался побольше выспросить о нем, побольше разузнать о его жизни.

Здесь, на войне, Зина Островская смогла по-настоящему оценить все величие духа автора вдохновляющих на подвиг романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Она стала их активнейшим пропагандистом среди советских воинов, вместе с которыми сражалась за победу над фашизмом.

Умелая радистка, отважная разведчица, Зина Островская погибла в самом конце войны — в феврале 1945 года. Ее боевые заслуги отмечены высокой наградой — орденом Отечественной войны первой степени.

Вспомните в этот снимок. И запомните ее — племянницу Николая Островского, человека, близкого по духу и самому писателю, и его героям.

Островского в разные годы его жизни, бывал у него в Сочи или в Москве. Выступления некоторых вы могли слышать на пионерских сборах или комсомольских собраниях. Кто-то вспоминал о прошлом в мимолетном разговоре. О ком-то упомянули в газете. Не поленитесь отыскать таких людей, расспросить их, а если надо, то и помочь записать свои воспоминания.

А разве не важны, не дороги свидетельства первых читателей «Как закалялась сталь» и «Рожденных бурей», рассказы тех, кто встретился с этими книгами на фронте или в партизанском отряде, на дрейфующей льдине или в далекой экспедиции, воспоминания, реликвии корчагинцев военных и мирных лет?

Друзья — следопыты, мы ждем ваших находок, писем, сообщений.

Сочи. Дом Николая Островского — подарок Советского правительства писателю-бойцу. Снимок 1986 г.

Вы останетесь для мира благородным, вызывающим примером победы духа над предательством индивидуальной судьбы.

РОМЭН РОЛЛАН.

Человек большого таланта и беспредельного мужества.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

РАЗНЫЕ бывают тропинки. Одни тихие, скрытые зеленью, как бы крадущиеся в тенистой нависши черемух и краснотала; другие — торные, хорошо заметные, устремившиеся в дальнюю даль; третьи — задумчиво неторопливые, медленно текущие по росным лугам к реке и дальше по берегу, туда, где сходятся все дороги.

Я люблю бродить по тропинкам. И по тем, что в лугах, и по лесным, и по узким стежкам, которые по меже пересекают наизволок хлебные поля. Эти, полевые, самые прямые и самые длинные, мне нравятся больше всех. И не потому, что, когда идешь по ним, перед тобой с поклоном расступаются тяжелые колосья; не потому, что радостно рассыпаются под твоими ногами синие звездочки васильков, и даже не потому, что тебя приветствуют из поднебесья переливчатым трезвонном жаворонки.

Полевые тропинки я люблю за прямоту, за всегдашнюю их устремленность. Им не пристало кривлять, не пристало юлить. Они не праздничны и не прогулочные. Они для того, чтоб скорее пройти их.

И вот тут мелькает мысль: отчего бы нам не спрямлять тропинки? Те, что неудобны — не по пути. Ведь мы ходим по ним в силу привычки, в силу того, что они кем-то, когда-

то проторены, может быть, просто случайно. А сделать первопутюк, срезать лишние петли — никому и в голову не приходит.

Я всегда стараюсь прокладывать свои прямые тропинки. Вижу лишний крюк, бездумно округленный, и смело лезу вброд, в сырую траву или нетоптанный снег. Увидит мой след другой человек, прикинет, что так покороче, и идет по нему. Потом еще и еще люди проходят, глядишь — новая тропинка народилась. Прямая, удобная.

За деревней на пологом холме среди ржи стояла сосна. Высокая, прямая, что тот дуб, о котором поется в песне. В комле эту сосну и три богатыря, взявшись за руки, не обхватят. И старая была — никто не помнит ее иной, поменьше, потоньше.

Ствол у сосны снизу серобурый, опаленный солнцем. Кора — хоть челн из нее вырубай — такая крепкая да толстая. И обглажена, залощена вся: тут и коровы терлись, и просто прохожий топор свой бездумно втыкал в ствол... Но только сильнее от этого становилась сосна, янтарной живицей затягивала раны; на месте сбитой, обшорканной

коры бородавчато нарастала новая.

Ветки у сосны сохранились лишь на самой макушке — густые, курчавые. Они как шапка, сквозь них и неба не увидишь. Когда с полей дул холодный, порывистый ветер, дерево вздрагивало и покачивалось, выгибая еще могучий, полный упругости ствол. И тихонько, будто на губных гармошках, пело, шелестя пленками отставшей у вершины коры.

Далеко было видно сосну. Возвышалась она на холме среди ржи, как маяк. Пашет ли поле тракторист — прокладывает борозду к сосне, летит ли птица над полем — к сосне воротит. А для путников она стала вехой, каким-то мерилком расстояний. Так и говорят: «До сосны дойдешь, а там до деревни — рукой подать». Или, выйдя наизволок, с облегчением вздохнут: «А вон уж и сосну видно...».

Полевая дорога пролегла как раз по холму, и люди часто приходили к сосне отдохнуть, а то и просто посидеть, посмотреть на поля. Все от мала до велика в округе знали старое дерево.

И я давно, пожалуй, с той поры, как стал глазеть по сторонам и мало-мальски осмысливать мир, помнил эту одинокую сосну. Она была чем-то родственно неотделимым от наших полей и деревни, от всего того, что окружало здешних жителей и казалось для всех вечным явлением как небо и солнце.

Однажды вышел я в поля и почувствовал, что чего-то не хватает. И деревня вроде бы на месте, и дорога, окаймленная хлопущими да васильками, все та же, и жаворонки по-вчерашнему сыплют в хлеба серебристые трели, а что-то ушло, изменилось. Глянул на холм — нет сосны. Бабка Федора, шагавшая по дороге, сказала, что ночью ее спилили бензопилой — иная не брала.

Я вернулся в деревню и рассказал об этом мужикам. И хотя им было некогда, они все же пошли со мной за околицу и меж собой глухо стали ругать того человека,

ПРИРОДЫ

который погубил сосну. Они называли его вредителем.

А скоро об этом узнали все. И повалили на холм к пеньку бабы и ребятишки, старухи и старики. Припелся даже на деревянной ноге колхозный сторож Никифор...

Пишу я это сейчас и сравниваю нашу людскую жизнь. Живет, живет человек, делает свое незаметное дело и за этим повседневным как-то сам остается в стороне. Но наступит час, и человек уходит от нас. И тогда все разом спохватятся, понесут тревожную молву, пожалеют, что мало ценили его раньше.

ЗИМОЙ в болоте вырубил березняк — место это предназначалось под осушение — и распиленные деревья свалили в кучу. До весны дрова вывезти не собрались, и они остались лежать до будущей зимы.

Как-то в начале лета я пробрался на болото и остановился у небольшой спиленной березки: она продолжала жить. Так же, как у случайно уцелевшей соседки, нежно зеленели и кудрявились ее ветки, так же запашисты и трепетны были ее листки. Больше того, она пустила новые побеги, с тонкими прутиками-жилками, с мелкой морщинистой листвой на них. И все-таки чувствовалось, что бьется она из последних сил.

Я направился к одной из куч и еще больше удивился: и эти расщепленные бе-

резки живы. Они жадно протягивали к солнечному теплу свои худосочные побеги, бережно расходуя влагу, которая сохранилась в иссохших стволах и под корой.

С годами я становлюсь не в меру жалостливым человеком. Меня уже давно перестали радовать меткие выстрелы по летящей птице, забыл я и бахвальную цену охотничьим трофеям. Да что трофеи! Я испытываю физическую боль, когда вижу, как валят лес. Никому ненужная эта жалость, сам понимаю, но от этого мне легче не бывает.

Вот и сейчас, я обошел воскресшие бревешки, потрогал глянцевитые прутьи, сухие шершавые листочки. И вдруг с такой пронизывающей силой почувствовал это страшное желание жизни, что снял шляпу и низко поклонился бессмертным русским березкам.

РАСТЕТ же такая диковина — длиннющая, как шпагатина, гибкая, как змея, да еще и с запахом, прямо не выразишь каким. Хмель. Бывает, сядешь на бережок удить рыбу, не заметишь, что тут хмеля полно, на нюхаешься его, и на всю ночь разболится голова. Это особенно, когда он цветет.

Но я не о том. Один хмель сам по себе, как, например, лабазник или другая такая трава, не растет. Он обязательно там, где мелкие деревья, кустарник. Чаще селится по берегам речек, в черемухниках, смородинниках. От деревьев, от тесноты, он — ни на шаг. Потому как без них хмелю не прожить. Вьется вокруг деревьев, так и путает без того спутанные ветви и все вверх, вверх лезет. То же к солнышку охота, даром, что сам ни на что не похож. И правда, какая уж такая персона, чем он больше других заслужил солнца? Черемухи,

те хоть отвоевывают себе право на жизнь, гибнут от тесноты, к свету выбиваются лишь сильнее. А хмель не из таких, чтобы гибнуть. Он лучше потихоньку, без драки. Проклюнется листок из сырого подзоля — и пошел дурить. Растет не по дням, а по часам. И откуда только прет такая силища! Все вокруг ствола, да вокруг ствола — там свободнее. За неделю вымачивает выше своего покровителя. И тогда начинает распускать листья. Сам тощий-претощий, а листья — что у чертополоха, широкие, на три языка разделенные. Это для того, чтобы испытать больше солнца.

Как только окрепнет, разрастется нахальный хмеленок, сразу же начинает пускать побеги — этакие цепкие завитушки, все равно что щупальцы у того же спрута. Глядишь — и хмель уже живет господином на черемухе.

Но случись такое, что упадет черемуха — и хмеля как не бывало. Тут же погибнет, как беспомощный пасынок.

Не люблю я за это ни хмель, ни ему подобных вьюнов. И на балконы за это не высаживаю. Потому, что один, без подпорки, жить он не может. Хоть веревочку, хоть ниточку да подай ему. А дело ли это, всю жизнь за других держаться?

ОДНАЖДЫ поздно вечером я пробирался густой уремой лесной речки. Никак не мог найти тропинку, на которой час назад оставил рюкзак, закрытый от

дождя полиэтиленовой пленкой. Раздвигал руками упругие ветки черемух с гирляндами зелено-бурых, твердых, как горох, созревающих ягод; ошаривал глазами мрачные проходы под лиственной завесью, надеясь увидеть белую, а потому заметную пленку.

И наконец увидел.

Но каково же было мое изумление когда, подойдя ближе, обнаружил, что это вовсе не пленка, а буйно цветущая ветвь черемухи. Это в конце июля! И сразу, заглушая окрест все запахи, сладостно потянуло ее тонким весенним ароматом. Да тут еще и ветер подул.

Я стал рассматривать дивную ветвь. Что же случилось с ней, почему с таким опозданием зацвела? И понял: давно, еще зимой, видно прошел этим местом сохатый, наступил в глубоком снегу на развилку деревца и сломил. То ответвление, что осталось нетронутым, весной распустилось, отцвело положенное под майским солнцем и теперь спело ягодами. А отломанный ствол долго хворал, лежа на сырой, скрытой от солнца земле, и загиб бы, может, совсем. Но сила жизни взяла свое. По узкому лоскуту уцелевшей на сломе коры поверженная ветвь капля по капле пила земной сок и медленно поправлялась. К середине лета кора ее обрела прежний влажный оттенок, набухли маленькие почки. И ветвь, исполняя вечный непреложный закон бытия, зацвела. Торопливо и даже несколько бесшабашно.

С волнением я смотрел на сломенную черемуху. Только сильные так могут жить. И человек вот так же спешит завершить свои земные дела, когда у него остается немного времени...

Леонид ФОМИН
Рисунки Ю. Григорьева

Юрий Трифонов

* * *

Есть у природы собственные
часики:
цветы. Обыкновенные цветы!
Раскроются — на просеке,
на пасеке —
то — утром,
то — в разливе темноты.

Кудрявый усик выпорхнет
из семени.
И прежде, чем ударит в свой
звонок,
по пруту отмеренного
времени
на сантиметр
поднимется вьюнок.

Тугая почка выстрелит
листочками,
потянет горьким запахом
в окно.
Я предпочту любым часам —
цветочные:
они напоминают днем и ночью
мне,
что жизнь и время,
в сущности, одно!

* * *

Постель из листьев постелю,
Грачонок в доме поселю,
Коротким выучу речам,
Пускай картавит по утрам.
Пускай не «плачь» кричит,
А «прячь».
Я спрячу слезы, милый грач!
...— Не плачь! — сказал он
И ушел.
Шел снег,
А после дождик шеп.
И словно черная звезда,
Грачонок выпал из гнезда.
Крыло грачонок подлечу,
Речам коротким поучу,
Пускай не «плачь» кричит,
А «прячь»!
Все заживет,
Мой добрый грач...

* * *

Вот — заскукавший воробей...
Вот — телка без надзора...
Вот девочка —
Из-под бровей
Два синих разговора...
Я только
Сном своим спала,
Но только
Рассветало,
Чужими жизнями жила,
Своей мне было мало.

Ирина Лисянская

* * *

У мечты — пьедесталы:
неприступные скалы,
островершие пики,
пожелтевшие книги;
древних амфор осколки
и вагонные полки;
вековые курганы
и лихое сомбреро;
и пачанга Гаваны,
и причалы Венеры.

У мечты безотчетной,
у мечты без оглядки,
может, двойка в зачетке
или в классной тетрадке.

Но я верю в такую,
что, почти безоружна,
в лоб миры атакует,
в рост встает,
непоплушна.

У ребячьей отваги
богатырская поступь...
Голубок из бумаги
устремляется к звездам!

* * *

Топографы! Фантазии полет
у вас, друзья, увы,
не беспределен.
И как бы новизны вы
не хотели —
названья ваши видишь
наперед.

Лужок у речки станет —
«Безыменный»,
лесной увал — сто первой
высотой.

Ваш хлеб не легкий. Труд
ваш не простой.
Но кто сказал,
что он не вдохновенный!

Земля не обезличена.
Земля
хозяина, историю имеет.
Крестьянин не одну рубаху
сменит,
пока расчистит место под
поля.

Нет безыменных у него лугов:
была сначала малая кулижка,

между густых кустов травы
не лишку,
ивняка, сухой камыш у берегов.

Но человек излуку обживал,
ухаживал за ней, как мать
родная.
И, сам того, быть может,
и не зная
фамилию свою покосу
дал...

Прислушайтесь — и в тысячу
имен
заговорят поляны и елани.
На карты ваши истые названья
посыплются тогда со всех
сторон!

Берите их!
Фантазии полет —
какой бы ни была — ничто
пред ними.
Народ легко бессмертье
не дает,
весомо у него любое имя!

РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ

Шел 1887 год. Через огромную Россию, с редкими остановками в тюрьмах, гнали жандармы группу политкаторжан из Варшавы в Сибирь. Только что вступил в силу закон «О высылке в административном порядке лиц, вредных для государственного и общественного спокойствия, в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России».

В колонне ссыльных были руководители первой польской рабочей партии «Пролетариат». Среди них Михаил Вильфрид Войнич. На его счету числилось к тому времени много «грехов» — пропаганда нелегальной литературы, переписка с русскими революционерами Плехановым и Верой Засулич, приобретение шрифтов для подпольной типографии...

Полгода продолжался этот путь по тюрьмам и этапам. Лишь в январе 1888 года Михаил Войнич был доставлен в село Тунки Иркутского округа Восточно-Сибирской губернии. Но и здесь отважный революционер не терял надежды найти дорогу к свободе. С группой товарищей ему удалось перебраться в Иркутск, а оттуда бежать в Лондон.

Естественно, что вся жандармерия бросилась на розыски важного государственного преступника — организатора побега. Архивные документы говорят, что портреты Михаила Войнич рассылались в крупные города вместе с описанием его примет. Одна такая фотография, которая здесь воспроизводится, найдена недавно в фондах Иркутского краеведческого музея.

В музеях и архивах Сибири до сей поры находятся все новые и новые документы, доказывающие влияние русских революционных партий на формирование взглядов прославленной писательницы, автора бессмертного «Овода» — Этель Лилиан Войнич, которая стала другом и женой Михаила Войнич через два года после его побега из сибирской ссылки.

Е. РАППОРТ

ХРОНИКА СЛЕДОПЫТСКИХ ДЕЛ

Уже пятнадцать лет в средней школе № 10 поселка Монетного Свердловской области работает следопытский клуб «Чайка». На счету ребят открытие месторождений полезных ископаемых, исследование реки Пышмы, увлекательные походы по стройкам семилетки. Следопыты побывали в тех местах Урала, где жили декабристы, где воевал герой гражданской войны матрос Павел Хохряков. Они изучали пещеры карстового происхождения.

Гордость школы — краеведческий музей, в котором побывали почти все жители поселка.

Сейчас следопытские отряды клуба «Чайка» работают по теме: «Пятидесятилетие Великого Октября».

Красные следопыты Погорского района Брянской области записали воспоминания старожилов колхоза «Путь Ленина» и теперь создают историю колхоза.

В честь пятидесятилетия Советской власти ребята ведут летопись комсомольцев-земляков, погибших в борьбе с фа-

шистами. Особенно интересный материал собран о пулеметчике Владимире Зубове, — комсомольском вожаке партизанского отряда имени Степана Разина.

Следопыты решили установить на здании школы мемориальную доску в память о героях.

В пермской школе № 81 создан музей боевой славы Западного Урала, лучший в области. В нем собраны интересные материалы об отряде братьев Лещевых, который устанавливал Советскую власть в районе Очера. Ребята дважды путешествовали по местам его легендарных походов. Следопытам уже известны имена шестидесяти членов отряда. Сейчас пионерская дружина борется за право называться именем братьев Лещевых.

Нынче в школе открылся клуб «Родина», объединивший всех следопытов.

Свыше трех тысяч следопытов Одессы участвовали в прошлом году в туристских походах по местам боевых рубежей города-героя. Отряды возглавляли ветераны Великой Отечественной войны. Ребята разыскивали имена безвестных героев, подготовили документы для увековечения их славы.

Мемориальная доска, например, установлена в селе Крыжановка. Здесь, недалеко от дороги, находился последний командный пункт легендарного полка морской пехоты полковника Я. И. Осипова. Черноморцы долго удерживали эти рубежи.

Четверть века спустя батальонный комиссар полка Семен Иванович Бондаренко привел сюда рабочих Одесского завода имени Октябрьской революции. Он рассказал им о мужестве и стойкости советских воинов.

УЧИЛСЯ когда-то в школе № 34 Свердловска паренек Коля Васильев. Ничем не отличался от остальных ребят. А сейчас его имя носит пионерская дружина, его памятник стоит перед школой, ему посвятили пионеры свой музей. Здесь вещи Коли Васильева, документы, воспоминания людей, знавших его, письма со всех концов страны от его однополчан, стихи школьных поэтов и много фотографий...

22 сентября 1944 года развернулся бой за деревню Петровка Гомелевской области. Рота фашистских солдат и восемь танков атаковали одно из наших подразделений. Наводчик противотанкового оружия, младший сержант Коля Васильев решил исход боя. Двумя выстрелами он подбил «тигра», взорвал машину с боеприпасами. Вскоре бойца тяжело ранило, и он умер в госпитале. Младшему сержанту с Урала присвоили звание Героя Советского Союза.

Совсем недавно в музее появилось много новых экспонатов: книги, альбомы, фотографии и горсть земли с могилы героя. Все это привезли следопыты, побывавшие летом в местечке Репки Гомелевской области, где похоронен Николай Васильев.

Восемь лет изучают боевую историю кавалерийской бригады Котовского следопыты Тамбовской школы № 32. Ребята прошли по дорогам всех боевых рейдов Котовского в области, установили связь с ветеранами гражданской войны. На Второй Всесоюзный слет в Москву они привезли боевое оружие котовцев, их личные документы, летопись боев кавалерийской бригады.

Почти десять лет работают над оформлением Дворцов культуры на Урале выпускники Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухомовой Виталий Беляев и Леопольд Венкербец. Творческая фантазия, свежее ощущение духа и стиля времени помогают художникам придать неповторимый облик каждому из дворцов, пусть даже построенных по рациональным требованиям современной типовой архитектуры. Их талант и мастерство проявляются в умении создать значительные художественные образы в обобщенных крупных формах, в искусстве находить и интересно использовать новые

строительные материалы, в чувстве ансамбля, без которого невозможно оформить целое здание или монументальный комплекс.

Художники долго изучали художественные традиции Урала. Чеканка по металлу и изделия из него, резьба и выжигание по дереву, камнерезное искусство все подсказывало пути и направление поисков.

Так они нашли интересное решение, оформив в Свердловске первые свои объекты — кинотеатр «Совкино», театры музыкальной комедии и кукол, несколько кафе. Здесь появились и первая в городе современная художественная металлическая решетка.

Мозаичная стенка внутреннего дворика Дворца культуры Белоярской атомной станции. Здесь использованы цветной цемент, уральские камни, нитроэмаль.

Металлические решетки придали Дворцу культуры в поселке Заречном своеобразный облик.

Резная деревянная доска, выполненная по эскизу Н. Грачева.

Талантливым художникам предложили оформить Дворец культуры Белоярской атомной станции — от фасада до внутреннего убранства каждой комнаты. К этому почетному заданию они отнеслись с особой серьезностью. На нашей вкладке мы помещаем фрагменты этого оформления.

Трудно перечислить все новое, что пришло из ма-

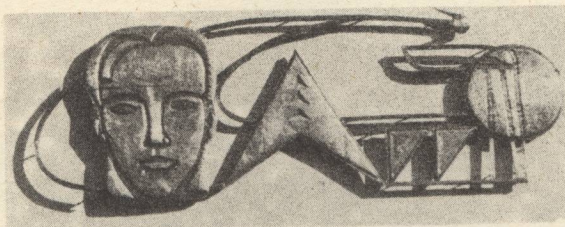
Музы искусства. Барельеф в фойе зрительного зала Дворца культуры Белоярской атомной станции.

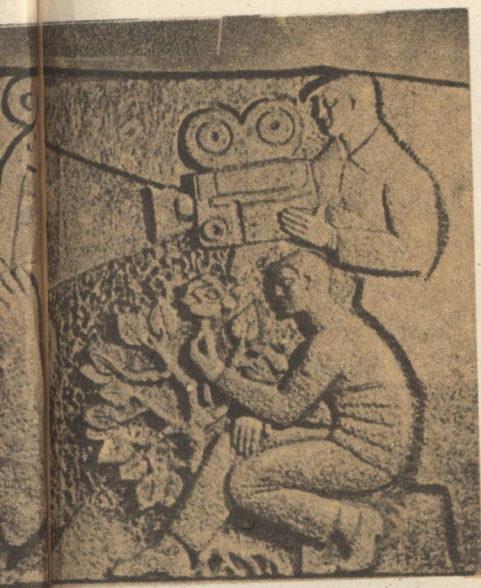
В оформлении Дворца культуры Высокогорского рудника необычно выглядит мозаика в сочетании с резьбой по дереву.

стерской В. Беляева и Л. Венкербеца в наши дворцы и клубы. Но сами художники считают эту работу лишь этапом освоения новых материалов. К 50-летию Советской власти они мечтают завершить многофигурную монументальную композицию, которая художественно завершит мемориальный ансамбль Площади коммунаров в Свердловске.

Г. Владимирова

Чеканка по алюминию, выполненная по эскизам Г. Мосина и М. Брусиловского.

Фрагмент оформления Курганского Дворца культуры.

Севрюга, Серега, Сергей...

СЕВРЮГА

ПРТУХ

КОМАРОВА

МРАЗЕДКИН

ДЫР

ПАПАЙ

✓ Повесть о не совсем
обычных происшествиях,
приключившихся с обы-
чным парнем Петром Мо-
минским, ~~по прозвищу~~
✓ ~~Петух~~, ^с рассказанная
им самим в издании
сверстникам, родителям
и учителям, а прежде
всего и главным
образом себе само-
му.

Знакомство в студеную зимнюю пору...

Погодка!.. Бывает хуже, но редко.

С темного неба сыпят белые мошки, злые и кусачие, словно стеклянные брызги. От ветра нет никакого спасения даже за пузатыми колоннами филармонии.

— Давай наперегонки, — предложил Севрюга, чтобы совсем не замерзнуть. — На одной ноге.

— Неудобно...

— Плевать!

Прохожие не знали, что скачки эти — вынужденные, что мы не хулиганим, и смотрели на нас без особого восторга. А один дядька, тащивший на плече плотно спеленатую бинтами большую елку с желтым, как сыр, косым срезом, бросил зло:

— Ни стыда, ни совести!

Я смолчал. Севрюга нет. Огрызнулся на всем скаку:

— А елку на кордоне валить — это совесть?

Дядька прибавил шаг. Не обязательно потому, что свалил елку на кордоне. Просто, наверное, не захотел с нами связываться.

И вдруг я увидел совсем близко знакомую красную вязаную шапочку.

Галочка-Палочка! Наш классный руководитель!

Ее лицо, исхлестанное ветром, было почти таким же красным, как шапочка.

— Что вы тут делаете, мальчики?

— Мы... Мы... — замычал я, придумывая безуспешно, что бы такое наплести.

Но Севрюга не растерялся:

— У нас культпоход, Галина Павловна.

— Скрипка? — Она удивленно скользнула по афише своими блестящими веселыми глазами. — Вот уж не думала, что ты интересуешься инструментальной музыкой.

— Вы же у нас совсем недавно. Вы просто еще не узнали интересы всех.

Это было здорово сказано! Решительно, и вместе с тем вежливо, — не придерешься. Учительнице, казалось бы, не оставалось ничего больше, как скромно попрощаться с нами и уйти. Ну, в крайнем

случае она могла бы еще сказать: «Не забудьте приготовить уроки на завтра», «Не перебегайте улицу перед быстро идущим транспортом» или еще что-нибудь в таком роде.

Но ветер на минуту стих, и к нам потянулись из-за высоких окон тоненькой ниточкой выматывающие душу звуки, и на такой же тоненькой ниточке повисла вся наша сегодняшняя затея. Галочка-Палочка приподняла правую бровь.

— Там ведь еще играют. — Она посмотрела прямо на меня.

— Играют, — уныло подтвердил я и отвел глаза в сторону.

— Честно? — быстро спросил Севрюга, на что-то решившись, и у меня сердце скатилось в ноги: неужели он ей все выложит?

— Честно!

— Мы ушли раньше. Неохота целый час торчать в очереди за пальто. Знаете, сколько народу! А эти чудики, ну, там, в зале, стали на бис вызывать.

Галочка-Палочка поверила. Глаза опять стали веселыми. Я незаметно перевел дух и сунул в карманы пальто вспотевшие руки. Все хорошо. Молодец, Севрюга!

— Кто сегодня играет? — спросила Галина Павловна.

— Нина Бейлина, — торопливо ответил я. Севрюга стоял спиной к афише и мог напороть.

— И как? Хорошо?

— Честно?

Севрюга, по-моему, переборщил: второй раз не следовало.

— Ну, конечно же, честно! — рассмеялась Галочка-Палочка. — Неужели ты думаешь, я могу сказать: нет, нечестно?

— Мне не очень понравилось, — сказал Севрюга. — А вот ему ничего. — Он мотнул в мою сторону головой. — Даже уходить не хотел. «Останемся, останемся еще».

Я смущенно хмыкнул.

— А что вы сейчас здесь стоите?

— Своих ждем. Они же все там.

— Много вас?

— Полно! Серко, Киреева, Мамлин... — стал загибать пальцы Севрюга.

— Ельцова, — вставил я, почему-то краснея.

— Медведкин, Семенов... Голов двадцать, не меньше.

— Голов, штук, гавриков, — поморщилась Галочка-Палочка. — Как будто нельзя сказать нормально: человек.

— А это еще неизвестно,— сказал Севрюга.

— Неизвестно — что?

— Из всех ли получатся люди.

— Да знаешь, Копыльцов, я тоже как-то насчет всех не уверена,— согласилась вдруг Галочка-Палочка.— Что же вы мне не сказали, я бы тоже с вами пошла... Билеты, смотрите, не выбрасывайте. Собирай их завтра у всех, Копыльцов.

— Лучше Петух,— предложил Севрюга.— Он поаккуратней. А я еще потеряю.

— Ну, хорошо, пусть ты, Томилин. Собирай и сдашь пионервожатой... У нашего класса реальные шансы выйти на первое место. Только бы не подвел кто-нибудь...

Галочка-Палочка опять посмотрела на меня, словно подвести класс мог именно я.

Она попрощалась и пошла, не забыв все-таки сказать на прощанье, чтобы мы застегнули пальто на все пуговицы и поправили шарфы. Мы дружно застегнулись и так же дружно расстегнулись, когда красная вязаная шапочка поплыла, покачиваясь, на гребне людского потока.

— А здорово она тебя! — Я хихикнул.— «Насчет всех не уверена».

Севрюге не понравилось.

— Пользуется своим служебным положением. Я бы ей тоже мог сказать.

— Нет, а все-таки здорово, сознайся... Что им там неймется?

За окнами долго громыхали, даже вроде бы кричали хором, и я ждал, что вот-вот снова потянется скрипичная ниточка. Но нет, концерт окончился. Начиналась наша работа.

В дверях появилась первая пара. Старик под руку со своей старушкой. Остановились, подняли воротники, напуганные буйным ветром. Севрюга к ним со всех ног:

— Билеты у вас остались? Отдайте, пожалуйста.

Эти отдали безропотно. Даже ничего не спросили. Другие любопытнее:

— Зачем вам билеты?

Ответ был заготовлен заранее:

— Собираем коллекцию. Как марки. Или как монеты, знаете?

— Марки — знаю. Монеты — знаю. Даже наклейки со спичечных коробок знаю. А вот про коллекцию билетов впервые слышу.

— Новая мода такая... Ну, отдайте,— кланялись мы.

Удивлялись, смеялись над нами, но все равно отдавали — кому эти бумажки нужны? Только один молодой, лет, наверное, семнадцати, пожадничал:

— Я сам собираю.

Севрюга толкнул меня в бок: слушай!

— И много у тебя?

— Штук четыреста.

— А двойники есть? Давай меняться,— предложил Севрюга.— Три симфонических на один цирк.

Я не выдержал, приснул. Жадина сообразил, что его разыгрывают, разозлился, обругал Севрюгу и пошел, задрвав подбородок...

Пришлось побегать, не у всех ведь были билеты, многие успели выбросить.

Последними вышли Ельцовы, наши соседи по дому: мама Ельцова, Катька Ельцова — она учится в нашем классе, и Зочка Ельцова, ее младшая сестренка. Все в платках и серых шубах, все толстенькие, румяньикие, страшно похожие друг на друга, одна большая, вторая поменьше, третья совсем маленькая, как набор матрешек.

У них я билеты просить не стал, только шепнул Катьке, чтобы притащила завтра в школу.

— Зачем? — удивилась она.

— Нужно.

Катька больше ничего не спросила. Раз нужно — принесет.

Она девчонка свойская, уж тут проверено.

Мы сосчитали свои трофеи. Девятнадцать штук. И еще Катькиных три. Двадцать два.

— Считай, лира есть! — обрадовался Севрюга.— Не зря все-таки подвергали риску свое молодое здоровье.— Он передал все билеты мне: — На, вручишь завтра Главбуху. Пусть нам припишут.

— Куда теперь?

— К шоферу.

— Насчет металлолома?

— Ага.

— Думаешь, выйдет?

— Пятиклашки обскочут, если не выйдет. Они знаешь сколько натаскали — страх!

Мы зашагали в центр. Ветер швырял в глаза целые пригоршни снега, приходилось все время отворачиваться.

— Зайдем на почтамт, погреемся,— предложил Севрюга.

Мы сели на скамью возле необъятного стола с десятком разбросанных на

нем ручек, похожих на маленькие, аккуратно отесанные бревнышки, особенно, если на них смотреть сверху, вроде как с самолета. А чернильницы-невыливайки, тоже когда смотришь на них сверху, наоборот, похожи на бензохранилища...

— Ты уже летал? — спросил я.

Себряуга покачал вытянутыми ногами.

— Детский вопрос! Какой у нас век?

— А все-таки?

— Тысячу раз! На «АН-2», на «Иле». На реактивных. На вертолете. Хватит тебе?

— А на вертолете как? — попытался я его поймать. — Они разве не военные?

— Во-первых, не все. Во-вторых, у папы полно друзей — военных летчиков.

— А кто твой папа?

Себряуга у нас в классе с начала учебного года, мы с ним вроде как друзья, а что я знаю про его родных? Он вообще редко говорит о себе.

— Что молчишь? Секрет?

Себряуге не понравился. Бровями задвигал, скривил рот. Но все же сказал:

— Он тоже летчик.

— Здесь?

— В Заполярье.

Врет? Нет, не похоже. К тому же, я знал, что Себряуга живет не дома — у тетки.

— И мама твоя там?

Он ни с того ни с сего взял да и поднялся.

— Пошли, хватит рассиживать. Ты домой?

Я хотел сказать — да. Куда же еще, не в пионерскую же комнату домоуправления, где на всех ребят двора одни только шахматы без белого короля. Но тут вспомнил, что у меня недалеко от почтамта родственники завелись.

— Нет, к братцу заскочу, к Кириллу. Племяншка у меня там растет, — пояснил я. — В январе четыре стукнет. Старушечья!

Конечно, персональная племяншка не папа — полярный летчик и даже не самолет-вертолет. И все-таки... Себряуга мог бы не пропустить мою племяншку так безразлично, мимо ушей, хотя бы из вежливости.

Но он молчал. Это уже было обидно, и я двинул напролом:

— Мне еще за десяток только перевалило, как я стал дядей. Не у каждого так, верно?

— Верно, — согласился Себряуга без

капли зависти. — На, держи. — Он вынул из кармана свою теплую шершавую руку. — Мне сюда...

Мы расстались, и я нырнул в узкий, набитый снегом переулок.

Мой старший брат Кирилл уходил от нас трижды. Первый раз очень давно, я тогда совсем еще маленьким был. Но все равно хорошо помню, потому что два дня дом ходуном ходил. Мама плакала, папа ее утешал. То и дело приходили незнакомые люди, из школы Кирилла, с маминой работы. Спрашивали: «Ну как, не нашелся?». А потом приехал из соседнего города дядя Миша, папин брат. Втолкнул в комнату Кирилла и пропищал: «Развели тут культ личности! Весь мир существует, видите ли, только для него!»

Дядя Миша большой и грузный, как медведь, а голосок у него тонкий-тонкий.

Оказывается, Кирилл что-то попросил у папы, а папа не дал. Кирилл сильно обиделся и убежал к дяде Мише.

А потом Кирилл ушел от нас, когда женился на Лене. Правда, ушел недалеко, всего-навсего в соседнюю квартиру на нашей же лестничной площадке. Там как раз освободилась заводская комната, и папа договорился, чтобы ее выделили Кириллу: он окончил политехнический институт и потом должен был работать на папином заводе. Но Кирилл с Леной, хотя и переехали, все равно целые дни пропадали у нас, особенно после того, как у них родилась Дашка. Лена не знала, что с ней нужно делать, боялась даже на руки брать, и мама обучала ее всяким пеленочным приемам. Они у нас и завтракали, и обедали, и ужинали. Кирилл располагался в большой комнате со своими чертежами, а меня, несчастного, с учебниками и тетрадками загоняли на кухню. И я не понимал, зачем Кириллу с Леной понадобилось от нас уходить? В своей комнате они только ночевали, а уж спать-то не все ли равно где. Вполне можно было у нас на раскладушках.

Зато после того, как Кирилл ушел в третий раз, два месяца назад, он вообще перестал у нас появляться. Лена с Дашей еще заходили, больше днем, когда я был в школе, а Кирилл за все время так и не выбрал свободной минуты заскочить к нам. Да и не в свободных минутах дело, хотя мама и твердит, что мальчик (так она называет Кирилла) очень занят на работе.

Кирилл сменил квартиру, поскандалив с отцом. От меня это тщательно скрывали,

говорили, что просто Кирилл нашел более удобную жилплощадь, но я все равно догадался. Они очень смешные и наивные, мама с папой, когда хотят что-нибудь утаить. Переглядываются многозначительно, перемигиваются, и только привлекают внимание. А мне много ведь не надо: где услышу слово, где намек, где сам додумаю — и все.

Одного только я не узнал: из-за чего именно Кирилл с папой поругались. Спросил у мамы напрямую, но она только вздохнула и сказала:

— Очень плохо, Петух, когда отец с сыном в одном месте работают.

Значит, что-нибудь по работе. Они и раньше, бывало, спорили о всяких там винтиках и шайбочках и о том, как что лучше сделать. Но тогда до ссор дело не доходило. Поспорят, покричат, помашут руками и мирно усядутся ужинать. А теперь вот...

Мне кажется, папа немного завидует Кириллу. Папа на заводе уже больше двадцати лет, сразу как с войны пришел, а работает простым конструктором. Правда, его очень ценят, выбирают на праздники во всякие президиумы, почетных грамот у нас дома целый ворох. Но вот не стал же он за все эти двадцать лет хотя бы главным конструктором завода, не говоря уже о директоре.

А Кирилл очень способный, все схватывает на лету. Не успел прийти на завод, как сразу же попал в старшие инженеры. А еще чуть позже его назначили заместителем главного технолога. Но заместителем Кирилл только числится, на самом деле его работа совсем другая. Он ходит по цехам и присматривается, где что можно усовершенствовать, улучшить, ускорить. «Расшивляет узкие места производства», — говорит папа. Кирилл уже много сделал, не зря ведь его называют на заводе светлой головой.

В школе Кирилл был круглым отличником, с первого до последнего класса, и эта его слава тяжелым камнем висит на моей шее. Потому что я далеко не отличник и дома мне постоянно напоминают о былых подвигах старшего брата. Хорошо еще, что я учусь совсем в другой школе, не там, где учился Кирилл. Из всех наших учителей его знает одна Зинаида Романовна, наша литераторша, сил никаких не хватает слушать ее упрёки:

— Кирилл твой брат? Никогда бы не поверила!

И все-таки брат. И все-таки я его люблю, хотя его слава мешает мне жить. И все-таки, пусть у меня не сплошные пятерки, как у него, даже не сплошные четверки, я тоже хочу стать инженером, как он. И даже не обязательно сразу старшим. Пусть просто инженером.

А вот Лена инженером не стала. Она была на курс моложе Кирилла, когда они поженились. Сначала она тоже сидела над чертежами, и Кирилл, смеясь, рисовал на них карандашом чертиков, которых она тотчас же стирала резинкой. Потом родилась Дашка, и Лена взяла отпуск. Чертежную доску поставили на время в кладовку, и так она там стоит до сих пор, заставленная ломаными лыжами, деревянным самодельным чемоданом, который наш папа привез с войны, и прочей рухлядью. Об этой доске даже не вспомнили, когда переезжали на новую квартиру, и я понял, что отпуск Лены затянулся на долгие годы.

Я не знаю, какой из Лены получился бы инженер — Кирилл говорит, что ей не хватает широты мышления. Но товарищ она, что надо. Наша дружба началась в первые же минуты знакомства. Я как раз мучился над задачей с двумя трубами, из которых никак не хотело выливаться нужное количество воды. Лена тоже воды не прибавила, но зато заставила взяться за трубы самого Кирилла, чего мне никогда не удавалось, и он решил задачу.

Мы стали с ней такими друзьями, что Кирилл начал приставать ко мне с дурацкими вопросами, вроде — не знаю ли я, за кого Лена собирается замуж?

На их свадьбе мне разрешили выпить целую рюмку вина, насовали полный карман грецких орехов. Я отыскал молоток и отправился на лестницу, чтобы быстро разделаться со скорлупой. И там я вдруг наткнулся на Лену. Она стояла, прислонившись к стене, и плакала.

Я спросил:

— Из-за Кирилла?

Она молча кивнула.

Тогда я разозлился, почувствовал себя сильным, заявил очень грозно, что раз так, то вот сейчас пойду отыщу Кирилла, отлуплю принародно и заставлю разжиться.

Лена засмеялась, поцеловала меня и сказала:

— Дурачок, я плачу от счастья.

Чем страшно меня удивила. Плакать от счастья? Разве возможно такое?

Во всяком случае, я еще никогда не видел, чтобы человек получил пятерку — и разревелся от радости. Или забил решающий гол — и пошел лить ручьи. Или проник в кино на фильм до шестнадцати — и в слезы от счастья...

На мой звонок к двери кинулась Дашка. Я слышал, как она с грохотом подтащила стул, повернула ключ в замке, сняла цепочку и лишь потом спросила:

— Кто там?

Я просунул в щель ногу и сказал басом:

— Серый волк!

Но Дашка нисколько не напугалась, наоборот завизжала от радости:

— Заходи, заходи, пожалуйста, серый волк!

И даже разочаровалась, когда вместо волка увидела меня:

— А-а, Петух...

— Не Петух, а дядя Петр, — строго поправил я. — Ну, скажи, дядя Петр. Получишь конфетку.

— Сначала покажи! — потребовала Дашка: у нее уже был житейский опыт.

— Потом, — сказал я. — Завтра. Я дам указание, чтобы тебе в детском саду выдали дополнительно.

— А у нас детский сад карантинном заболел, — объявила Дашка, довольная, что не проглотила мой пустой крючок.

Вышла Лена. В переднике, руки в муке.

— Здорово, Петушок. Снимай пальто, поможешь нам пельмени стряпать.

— Кирилл дома?

— Нет.

Не очень-то мне понравилось, как она ответила. «Нет» — и все.

— Скоро придет?

— Не знаю.

Так. Что-то у них случилось...

Я пошел на кухню, стал вместе с Леной лепить пельмени. Дашка сначала тоже помогала, вернее, мешала, потом ей надоело, и она побежала в комнату перебирать елочные украшения.

Видно, не в первый раз: в мусорном ведре сверкали красивые разноцветные осколки.

Лена все молчала. Это было на нее не похоже.

— Поссорились? — покосился я.

Она покачала головой и отвернулась. Но я успел заметить слезы на глазах.

— Опять ты скажешь, что плачешь от счастья.

Она снова покачала головой, но ничего не сказала.

— Он ударил тебя?

— Ты что! — она даже удивилась, подняла голову.

— Тогда чего плачешь?

— Не так все просто, Петушок.

Вот это мне уже совсем не понравилось.

— Петушок не поймет, да? — я долепил последнюю пельмешку и встал. — Пе-

тушок дурачок, да? Совсем еще маленький? А, между прочим, Петушок уже давно дядя! Хочешь, я сам тебе скажу?

Комната на середине была перегороджена большим книжным шкафом; в нижней части его лежали скатанные в рулоны чертежи. Я порылся в них и быстро нашел то, что искал: две пустые бутылки из-под водки. У Кирилла была привычка заворачивать их в чертежи.

Я вынес бутылки на кухню.

— Это?

Лена кивнула.

— И это тоже. Но главное, он стал другим. Ну, как тебе объяснить? Чужой какой-то. Шутит зло... Как будто он все-все на свете понял, как будто раскусил всех людей. И как будто теперь он знает, что они все недорого стоят... Понимаешь?

Я пожал плечами:

— И понимать нечего. Ты его почаще критикуй и не корми пельменями.

Лена вздохнула.

— Хорошо, Петушок, попробую... Ну, ждем еще пять минут — и за стол. Даша, помой ручки!

Что-то тут было не так — я же понимаю, не хотела она мне всего рассказывать. Я пошел в комнату, включил репродуктор — может, музыка хорошая?

Музыки не было: кто-то выступал. Голос показался мне знакомым: басовитый такой, немножко с хрипотцой. Подумал я и вспомнил: писатель Звягин! Я видел его однажды на встрече в детской библиотеке. Он забрал у всех бумажки, по которым ребята готовились выступить, и стал въедливо выпрашивать, что нам нравится и что не нравится в его книжках и почему нравится или не нравится.

Тогда, на встрече, писатель Звягин говорил интересно. Я сел против репродуктора и стал слушать. Писатель рассказывал о человеке, который лежит недвижно вот уже сколько времени, зрение почти совсем потерял, а все равно мужественно борется с болезнью и даже книгу стал писать о своей жизни...

Тут ввалился Кирилл. От него пахло водкой, но пьяным он не был, только слегка навеселе. Мне он обрадовался:

— О, кого я вижу! Родная кровь! — Он взъерошил мне волосы и потянулся к репродуктору. — Сезам, заткнись!

— Погоди! Это писатель Звягин. Про человека одного рассказывает.

— Все мы люди...

— Без глаз, а книгу пишет,

Кирилл рассмеялся:

— Треплется, а ты уши развесил. — Он выключил репродуктор.

Лена внесла тарелку пельменей. От них шел аппетитный пар.

— Нет, нет, Лен, пельмени ему не давай, сначала яичницу, — Кирилл все еще смеялся. — Ты ведь любишь глазунью, да, Петух?

— Ну и что? — Я приготовился к подвоху. У него не поймешь, когда он шутит, а когда всерьез.

— Не надо, Кирилл, — сказала Лена.

— Лен! — Он сжал губы.

Лена встала, ушла на кухню. А Кирилл подсел ко мне, стал расспрашивать, как дома, как мама с головной болью.

— А что сам не заходишь?

— Запарка, Петух, такая запарка. Но на днях забегу непременно. Обнаружилась тут крабоносная жила в одной торговой точке. Ну, а Новый год, салат и прочее — сам понимаешь. Закину вам тройку банок. Старушке будет приятно, как ты думаешь?

— Особенно, если ты такой заявишься, — сказал я строго.

— Это? — Он дыхнул. — Сегодня премию за рационализацию получил. — Вытащил из кармана пачку десятирублевых, швырнул небрежно на стол. — Лен! — крикнул он на кухню через открытую дверь. — Можешь завтра отправляться за стиралкой.

Вошла Лена, внесла на тарелке глазунью. На деньги она даже не посмотрела. Кирилл снова сжал губы, сузил глаза:

— Лен!

— Что ты к ней прицепился? — спросил я. — Лен да Лен.

— Ничего! — отрезал Кирилл. — Знай себе наяривай!

Я ткнул ложечкой полужидкий желток, но он лишь спружинил под нажимом. Я нажал сильнее — ложечка погнулась, а яичнице хоть бы что. Чудо!

— Может, этим? — Кирилл, уже улыбаясь, протянул нож.

Но и нож не брал эту странную яичницу.

Кирилл теперь не просто улыбался, а хохотал.

— Не старайся зря, Петушок, — сказала Лена. — Она из сверхупругой пластмассы.

— Зачем ты! — Кирилл стукнул кулаком по столу. — Обязательно надо навредить, что за характер... Ладно, каюсь, Пе-

тух, пошутил. Привез тут один тип из Италии. Но грех свой искуплю... Хочешь винограду?

Но теперь я знал, что это будет за виноград.

— Тоже из Италии? Ешь сам!

— Ну-ну, обиделся... Давай, Лен, пельмени, только погорячей...

Мы поели пельменей, настоящих, не пластмассовых. Кирилл вдруг вспомнил, что у него где-то припрятана четушка водки. Устроил шумные поиски, включил в них Дашку, а потом взял да и выволок бутылочку, как фокусник, из своего же кармана. Дашка смеялась взхлеб.

Кирилл выпил, повеселел еще больше. И так как Дашке было уже время укладываться спать, принялся за меня. Вот скажи ему, как я учусь! Достаточно ли высоко держу знамя отрочества, врученное старшим братом? Правильно ли использую передовой опыт, накопленный человечеством?

— Чего-чего? — не дошло до меня на счет опыта.

— Знаешь, где хранятся мои школьные тетради?

Я — и не знаю! В сундуке, конечно, в кладовке. Раньше я тайком нередко заглядывал в них, надеясь извлечь практическую пользу из семейной святыни.

— Вот и пользуйся.

— Спасибо! Попробовал! Хватит!

— А что?

— Пара — вот что.

— Не может быть! — не поверил Кирилл.

— Может... По литературе сочинение. Образ кого-то в чем-то, уж не помню. Списал, а у тебя слово в слово, как в учебнике.

— Мстишь за яичницу? — Кирилл обиженно выпятил нижнюю губу. — Я из учебников никогда не сдувал, ни до седьмого, ни после. Из брошюр всяких, из малоизвестных журнальных статей — это пожалуйста. А из учебников... Что я, сам себе враг?

— А я тебе говорю: слово в слово. Хорошо, Витька Серко заметил — мы с ним тогда на одной парте сидели. Я и тетрадь не стал сдавать. Пара — и все. А так верный кол, да еще родителей в школу за наглость.

Кирилл долго не хотел верить, а потом все-таки сообразил:

— Наверное, в мое время была брошюра, а потом ее автор написал учебник.

Ему слава и почет, а тебе пара. Диалектика! — рассмеялся он. — Одному гадость, другому радость... Лен! Лен, ты слышишь! — крикнул он. — Премия за четвертый квартал, считай, в кармане. Директор сегодня на совещании сказал.

Лена не отозвалась, возилась с Дашкой, племяншка моя что-то раскапризничалась, не хотела укладываться, все требовала, чтобы ей подали в кроватку картонную коробку с елочными игрушками — еще не все переколотила.

— Между прочим, — вспомнил я, — тебе пакет пришел, от твоего Вальки Горбунова.

Кирилл встрепенулся.

— Как! На ваш адрес?

— Ага! Его жена прислала. «Валя срочно уехал в командировку, просил от править, а я нашла только старый адрес...» — прочитал я на память.

Удивительное дело: всякие никому не нужные пустячки я запоминаю отлично, зато какое-нибудь необходимейшее «не лепо ли ны бяшетъ» дольше суток у меня в голове не держится. Вызовут в течение суток — хорошо, а поднимут на вторые — пропал!

Кирилл вскочил, лицо злое-презлое:

— Ах, дура она, дура! И Валька тоже хорош, нашел кому доверять! А ты зачем пакет вскрыл? — вдруг накинулся он. — Что за привычка?

— Да ты что! — воскликнул я. — Соседи так принесли. Их Маруся случайно раскрыла.

— Случайно, случайно! Знаем мы эти случайности! До чего же все-таки пакостные людишки... Отец тоже видел?

— Нет, он уже на работу ушел.

— А сейчас дома?

— Не знаю. Вообще-то говорил — партсобрание.

Кирилл выбежал в переднюю, набросил синее пальто с серым каракулевым воротником — новое; раньше он носил демисезонное.

— Ты к нам? погоди, я с тобой.

Но он не стал ждать. Сильно хлопнула дверь.

Как же! Пакет от Вальки!

Валька Горбунов учился вместе с Кириллом в политехническом, они дружили, и никому в нашем доме их дружба не нравилась. Папе — потому, что Валька имел привычку одалживать и не возвращать самые ценные книги, маме — потому, что Валька, как она говорила, дурно

влияет на Кирилла, хотя я так и не понял, в чем проявилось его дурное влияние. Валька не курил, не пил, не хулиганил, не ругался, наоборот, был очень вежливый и тихий. Я даже удивлялся: почему он не нравится маме, такой положительный? Ведь моих друзей-приятелей она как раз гоняла за то, что они сильно шумели и громко смеялись.

Что касается меня, то я не любил Вальку Горбунова только за одно: он никогда не выполнял своих обещаний. Вот, например, раззадорит, раззадорит меня рассказами о том, какая у него дома на столе лежит великолепная польская марка, специально для меня приготовленная, пообещает завтра же принести — и не принесет, ни завтра, ни послезавтра, никогда. Или возьмет с собой условие запутанной задачи по арифметике, скажет: «Решу» — и с концом. А я ведь на него надеюсь, я ведь сам не решаю. И в результате неприятность. Не у него, конечно, — у меня.

Когда они закончили политехнический, Валька Горбунов плюнул на назначение и махнул на берег Черного моря, устроился там по благу на родственник нашему завод. Некоторое время он не давал о себе ничего знать. А потом однажды приехал в командировку, жил у нас целых две недели, и вот с тех пор они с Кириллом снова сдружились, еще крепче, чем прежде. То и дело шлют друг другу письма и пакеты — такие, как сегодня. Ничего интересного, я не раз смотрел. Какие-то рисунки, какие-то чертежи, технические тексты. А вот Кириллу интересно. До того интересно, что вот сейчас он, как узнал о пакете от Вальки, так сразу за ним и помчался.

Двинул домой и я. Дашка спит, Лена сегодня какая-то кислая.

Лена сунула мне леденцов на дорогу. Оставив открытой дверь, вышла на лестницу.

— Ты маме не рассказывай, ладно? — лицо у нее было виноватое.

— Про что не рассказывать? — не понял я. — Про бутылки?

— И про бутылки тоже.

— А что ты боишься? — искренне возмущился я.

— Все равно, Петушок, не надо. Она расстроится.

24 — Ладно! — Мне стало Лену жаль. Видно, с Кириллом ей не сахар.

— Взяла бы и ушла к нам. У нас как раз две раскладушки: одна тебе, другая Дашке. Пусть сам себе сочиняет свои обожаемые пельмени.

Лена улыбнулась, натянула мне шапку на глаза:

— Советчик!

Я фыркнул...

На улице носом к носу столкнулся с Севрюгой.

— Давненько не виделись! — воскликнул я. — Что-то ты потолстел за эти десятилетия.

— Годы! — ответил Севрюга мне в тон. — Старость не радость... К старости даже коты толстеют.

— Как шофер? Договорились?

— Носит его где-то.

Мы прошли вместе квартала два, сгрызли в два рта все Ленины леденцы.

— Где ты живешь? — спросил я.

— Моя хата с краю. — Он показал на новый дом из крупных блоков.

— Забрести к тебе, что ли? Дома делать нечего.

Севрюга замотал головой.

— Не, не! Тетка поднимет шум.

— Мы тихо.

— Все равно. Шизофреничка!

Он торопливо попрощался и забежал в первый подъезд. А я шел и думал: почему же все-таки Севрюга не захотел, чтобы я к нему зашел. Ведь у меня он был, — правда, недолго, — уже раза три.

В шизофреничку-тетку я не очень-то поверил.

Дома, как и следовало ожидать, никого не было. Мама на курсах кройки и шитья, папа еще не вернулся с завода. Я зашел к соседям за ключом. Тетя Нюра сняла его с гвоздя, подала мне.

— Кирюша ваш прибежал.

— Знаю, — буркнул я. Сейчас начнется допрос — тетя Нюра без следствия не может.

— Пьяненький. Что он?

— Вам показалось. — Я незаметно отступил к двери.

— Ну да, я два года на свете прожила, тверезого от кирного не отличу. Как они с Леночкой-то?

— Здорово! Как голуби. Сидят на подоконнике, воркуют, зерна клюют.

— Погоди, Петь... Ну и ребенки пошли!..

Больше я не слышал. Выскочил на лестницу.

Едва войдя в переднюю, я почувал запах хвои.

Елка! Мама купила елку к Новому году. Зажег свет. Так и есть! Даже целых две. Довольно жалкенькие, общипанные, лапы редкие. Но из двух вполне можно соорудить одну приличную.

Я взял на кухне нож, пошарил в шкафу, обнаружил шпагат. Взялся с увлечением за работу. Пусть мама не говорит, что я ничего не делаю для дома.

Одна елка быстро превратилась в кривоватую палку, зато другая стала разлапистой и густой. Не стыдно игрушки вешать на такую.

Сюрприз так сюрприз! Слазил на антресоль, выволок ящик с елочными украшениями. Но развесить их не успел. На лестничной площадке загромили ключи. Мама. У нее одной их целая связка.

Она вошла, всплеснула руками:

— Какая прелесть! Папа принес?

— Ну да, папа!—я самодовольно улыбался.—На никого другого ты, конечно, не можешь подумать.

— Неужели ты?

— А вот представь себе такой фантастический случай. Твой сын из двух палок выстроил одну елку.

Мама переменялась в лице.

— В передней стояли? В этом углу?... Ой, Петька, опять ты набезобразничал! Елки ведь не наши.

— Как не наши?

— Одна Раскалюкиной, другая провизорши из третьего подъезда. Они побежали в очередь за мукой и поставили их к нам на время...

С ума сойти — какое невезение!

Впрочем, все обошлось. Провизорша получила от Раскалюкиной два килограмма муки и отреклась навечно от своей доли гибридной елки. Раскалюкина, очень довольная, тотчас же уволокла мою елку, а заодно остаток веток на четвертый этаж.

Ручаюсь, она тоже, как и мама, считала, что я просто набезобразничал.

Я так расстроился, что лег спать раньше времени. Уже сквозь сон услышал, как вернулся с завода папа, как стал рассказывать на кухне приглушенным голосом о своем собрании. Там очень хвалили Кирилла, и папу почему-то это беспокоило.

Странные люди родители. Ругают нас — они беспокоятся. Хвалят — тоже беспокоятся.

Сами себе заботы придумывают.

Мы, которые обалтусы...

Утро началось с мелких неприятностей. Проснувшись, я не обнаружил на стуле своей коричневой вельветовой куртки на молнии. Вместо нее висел серый школьный френч, который еще в самом начале учебного года я с умыслом запытал в недра стенового шкафа под старые папины пиджаки и пальто.

Я схватил френч и босиком побежал на кухню. Мама там жарила яичницу.

— Не надену я это форменное ба-
рахло!

— А что наденешь?

— Куртку.

— Мокрую? Я ее замочила. Надо же когда-нибудь выстирать.

Пришлось натянуть ненавистную се-
ратину, расцвеченную на самых видных
местах фиолетовыми чернилами.

Потом долго не было автобуса. В све-
женькие чистенькие сугробы возле оста-
новки прямо из своих дымоходных спа-
лен ныряли черные, перепачканные во-
робьи. Трепыхались в снежной ванне и
выбирались оттуда такими же закопчен-
ными.

Подождал автобус, прекратил воробыи-
ное купанье. Шофер вылез из кабины,
хлопнул дверцей и отправился любезни-
чать с киоскершей «Союзпечати». Я тихо
злился. Не мог выбрать какой-нибудь
другой день для своих ухаживаний, имен-
но сегодня, когда до начала уроков у
меня еще столько дел!

— Чего не едешь? — наконец крик-
нула шоферу кондукторша.

— Пусть побольше пятаков набегит.

Ах так, мы тебе не люди, а пятаки! В отместку я не стал брать билет. Так и ехал почти до самой школы. Потом все-
таки взял: вдруг на остановке контроль? Как тогда? Доказывай, что я не от жадно-
сти, а по идейным соображениям. Все
равно не поверят.

Катка Ельцова уже сидела за своей
партой и, заткнув уши, чтобы не слышать
шума, зубрила теорему по геометрии.
Я отдернул ее руку от уха:

— Принесла?

Она отдала мне три билета, я присоединил их к остальным, пронумеровал быстро красным карандашом, подшил в тетрадку и понесся к Главбуху.

Главбух — это никакой не бухгалтер, даже не счетовод, а просто наша пионервожатая Валентина Александровна. Новая пионервожатая.

Вот до нее у нас была вожатая, так вожатая! Такая же, как мы, и никто ее никаким начальством не считал, звали просто Верой, и ей даже в голову не приходило обижаться. А какие у нее были крученые подачи — ни за что не взять, отлетает мяч в сторону и все. И по шести лазила — будь здоров, и стометровку бежала лучше всех в городе... А потом девочки пошли шушукаться, что Вера наша кого-то полюбила, куда-то уезжает... Мы зябли и прямо спросили ее по-мужски.

— Да, ребята, — так же прямо ответила Вера. — Выхожу замуж, а он из другого города.

— Замуж?! — поразились мы. — Так ты же еще маленькая.

— Дорогие мои, мне скоро двадцать два...

А мы ее совсем своей считали!

Валентина Александровна по шести, понятное дело, не лазит, стометровку не бегают, на «ты» себя называть не разрешает — впрочем, не знаю, кому может придти в голову сказать ей «ты». Но положительные качества у нее тоже есть. Вот, например, она очень аккуратная сама и приучает к аккуратности нас. Все пионерские дела разложены у нее по папкам, все мероприятия регистрируются в толстой книге со страницами, разделенными на всякие графы. Она в любое время может точно сказать, какой класс на первом месте по проценту опозданий, какой пионерский отряд идет впереди по сбору металлолома или по количеству членов общества охраны природы. Мы зубоскалим, но Главбуху, наверное, иначе никак. В ее руках все нити школьного соревнования за право поездки на Красноярскую ГЭС во время зимних каникул. А в этих запутанных нитях без цифр как разберешься?

В прошлом году мы тоже соревновались. Победителей обещали на лето отправить в Крым, и вся школа очень увлеклась этой идеей. Наш класс нажал активнее всех, мы даже стали аккуратно выполнять все задания по рисованию, чтобы набрать побольше очков. Образцова нас

очень хвалила — в прошлом году она

была нашей классной руководительницей, — Дир тоже. Мы из кожи лезли вон. И вылезли! Заняли первое место — и остались вот с таким носом. Кто-то каких-то денег не дал. Лопнуло наше Черное море, как проткнутый шар.

Поэтому мы не очень поверили в Красноярскую ГЭС. Решили не напрягать свои физические и умственные способности, как в прошлом году. Пусть побеждают другие, а мы посмотрим, короче или длиннее их нос, чем у нас. Но тут в наш класс пришел новенький — Серега Копыльцов, Севрюга, и сразу придумал, как победить в соревновании, не слишком напрягаясь, малой кровью. Что требуется для победы? Только одно: побольше эмблем. И чтобы их добыть, пошло в ход все. «Цель оправдывает средства», как сказал кто-то из учебника истории.

Главбух устало горбилась за пишущей машинкой, выстукивала одним пальцем какие-то столбики цифр. Раньше она работала в секторе учета райкома комсомола, потом у нее что-то сделалось с глазами, и на время лечения, пока зрение не восстановится полностью, ее послали на укрепление нашего боевого пионерского духа...

— Чего тебе, Томилин?

— Вот. Билеты принес. Вчера у нас был культпоход в филармонию. Эмблема причитается, лира.

— Давай сюда.

Она не спросила, что мы слушали, понравилось или нет. Лишь послонявила пальцы и пересчитала билеты. Быстро-быстро, как кассирша в гастрономе.

— Двадцать два... Безобразия!

— Почему? — поразился я. — Двадцать два из тридцати пяти — это же хорошо! Почти шестьдесят три процента.

— А я говорю: безобразия! Галстук твой где?

— Ой, забыл!

Ни к чему так не придирается наша вожатая, как к галстуку. Без галстука ты для нее не только не пионер — даже не ученик и почти не человек.

Я вытащил из кармана пионерский галстук и стал торопливо прилаживать к шее.

— Безобразия! — не унималась Главбух. — Для чего, интересно, дается пионерский галстук?

— Чтобы носить, — сказал я уныло.

— В кармане?

— На шее.

— Вот именно!—она подняла палец.— На шее, как символ принадлежности к пионерской организации. А если в кармане, то какой же это символ? Какой, интересно?

— Никакой,—выдавил я, раз ей так интересно.

— Вот именно — никакой... Запомни!

Главбух вывалила на стол, рядом с пишущей машинкой, груды папок, нашла нужную с надписью «Лиры» и сунула туда мои билеты.

Все! Будет нам эмблема!

Класс жил своей обычной размеренной жизнью. Витька Серко торопливо сдвигал с чьей-то аккуратной, обернутой в блестящую бумагу тетради домашнее задание по алгебре. Печевин взахлеб доказывал веснушчатой хохотушке Вале Комаровой, что книги про шпионов не врут. Севрюга вместе с бывшим двоечником Борькой Лопатой, которого мы всем классом взяли на поруки и дружным нажимом на Галочку-Палочку вытащили из прорыва, занимались предчетвертной математикой: сосчитывали общую сумму всех Борькиных отметок и делили их на количество. Получилось что-то около трех с половиной. В воздухе ощутимо пахло четверкой.

Две девочки корпели над одной газетой, разорвав ее для удобства на две половины. Вообще, считалось, что мы все ежедневно читаем газеты и не хуже дипломатов разбираемся в международных делах. Даже эмблему специальную нам выделили. И верно, первое время приходилось читать: Галочка-Палочка могла поднять в любую минуту. А потом мы придумали: на каждый день в классе по тайному списку выделялось двое дежурных по международному положению; они специально готовились и добровольно вызывались рассказывать о событиях в мире. Такая рационализация позволяла нам читать газеты не ежедневно, а только два раза в месяц, в день дежурства, и очень облегчала жизнь.

Оставалось только неясным, знает ли Галочка-Палочка про нашу выдумку или нет. Мнения расходились. Севрюга, например, считал, что знает наверняка. А молчит только потому, чтобы не лишать свой класс шансов на первое место в соревновании — ей ведь тоже выгодно, если мы победим. Я допускал, что Галочка-Палочка может ничего и не знать; она ведь еще совсем молодая учи-

тельница, преподает только второй год, и где ей предвидеть все трюки такого бывалого народца, как наш седьмой «б»!

Первый урок начался, как всегда, с опоздания Митяя. Он совершенно классический враль, в жизни никогда не встречал другого такого. Он врёт, и сам верит в то, что выдумывает тут же, у нас на глазах. В младших классах, когда мы его еще как следует не раскусили и были подовчерчивее, Митяй водил нас за нос, как хотел. То сообщит под страшным секретом, что он сын французского графа, потомок д, Артаньяна, отданный временно на воспитание в советскую семью. То, опоздав на первый урок, вдруг сочинит потрясающую историю о том, что ночью в доме был обыск и их соседа по квартире — мы все его хорошо знали, он работал киномехаником в «Форуме», — арестовали контрразведчики, — он оказался шпионом одной иностранной державы. А когда после большой перемены прибежали с улицы возмущенные ребята и кричали, что вот, только что, видели собственными глазами Митиного соседа, он с ходу сочинял, что того уже выпустили: жена его сходила в милицию и обещала, что больше шпионить ему не даст.

Позднее мы Митяя раскусили, и он стал выдумывать более правдоподобно. Но все равно ему уже никто не верил. Даже в тех редких случаях, когда он говорил правду.

Вот и сейчас, только он ворвался в класс, язык на плече, мы все заулыбались. Кроме, конечно, Галочки-Палочки. Она спросила очень серьезно:

— Почему опоздал?

— Трамвай с рельс сошел, — выпалил Митяй.

Галочка-Палочка покачала головой.

— Не оригинально. Уже вчера было.

Класс сдержанно хохотнул. Митяй вытаращил глаза, но сразу же нашелся.

— Вот именно! — подтвердил он. — Два дня подряд. И что самое удивительное — на том же месте!

— Есть простое средство предотвратить эти бесконечные аварии. — Галочка-Палочка открыла журнал и сняла колпачок с авторучки. — Получай тройку за поведение. Надоело твое вранье слушать.

— Галина Павловна! Галина Павловна! — зашумели мы все. — Вы же снизите нам процент!

— Так и быть, — она снова надела колпачок. — Садись, Митя. Но в новой четвер-

ти пощады не жди... Отвечать пойдет...— Она повела пальцем по списку в журнале, и в классе установилась жуткая тишина.— Копыльцов Сергей.

Все украдкой перевели дух, а бедный Севрюга затопал к доске.

Вообще, в этот день ему не везло, его то и дело вызывали. Но он ничего, отбивался на славу.

— Смотри, как здорово стал отвечать! — сказал я ему на перемене, после четверки по химии.

— Я что, думаешь, я слабак? В Красноярске до прошлого года я ходил в твердокаменных хорошистах.

— А потом?

— Суп с котом... В милицию попал — и каюк! Стали мне колы лепить, пары — сначала один директор старался в поте лица, а за ним и другие. Ведь главное не как ты знаешь, а какая у тебя слава. Директор сказал на собрании, что я школу подвел, что я хулиган и с жульем связался — и покатился с горы снежный ком. А сюда приехал — кто я такой? Кадровый второгодник, да еще вот такой бумажный хвост за собой приволок.

— Как ты в милицию попал?

Севрюга нахмурился.

— Длинная история.

— Расскажи, а, расскажи!

— Не канючь, не интересно... Дай лучше литературу подзубрить, а то как бы еще литераторша Зина не вытащила.

Севрюга словно в воду глядел. Зинаида Романовна первым вызвала именно его. Мы рассмеялись. Она поджала свои тонкие губы.

— Почему смех?

Стали объяснять, но она даже не улыбнулась.

— Значит, долгов наделал. Вот у меня тоже. Не могу ведь я выставить четвертную по одной устной оценке... Копыльцов, быстрее, не тяни!

— Не Зина, а Образина, — прошипел Севрюга, вставая.

У наших учителей в общем-то нет прозвищ. Зовем мы их больше по именам или по специальностям. Ну, иногда добавляем к имени еще тетю или бабу: Тетя Люда, Баба Таня. Литераторша же у нас — когда Зина, а когда и Образина. И вовсе не потому, что она какая-нибудь там уродина. Просто, у нас две Зины — она и ботаничка тоже. Можно запутаться. А у литераторши фамилия подходящая —

замучила: образ Гринева, образ Маши Мироновой, образ Савельича. До того довела, что однажды Витька Серко даже сочинение написал: «Образ лошадей в «Капитанской дочке». «Сначала лошади бежали дружно, потом они пошли шагом и скоро стали. Стояли, понутив голову и изредка вздрагивая. Потом лошади тяжело ступали по глубокому снегу». Зина влепила Витьке единицу и потащила к директору на проработку.

Вот тогда мы ей в отместку и сообразили, что Обра+Зина=Образина.

А так она даже красивая, когда, конечно, не вредничает.

К Севрюге Зина явно придиралась, долго гоняла по старому материалу: ехидничала, как могла. Но он держался молодцом, почти на все вопросы ответил. И класс прямо ахнул, когда она за такое старание наградила его тройком.

Севрюга не выдержал:

— Это несправедливо, Зинаида Романовна.

— Ты где научился учителям замечания делать? — вскипела Зина. — Уж не в детских ли приемниках милиции? Смотри у меня!

Севрюга побелел весь, и я испугался, что его сейчас понесет. Но он сдержался. Сказал глухо:

— Вы просто меня провоцируете.

— Вот как? Очень мило. Почему ты так думаешь? Скажи! При всех!

— Не скажу. Трешку схватил — и ладно. А так еще припишете мне нарушение дисциплины, и классу будет большой минус в соревновании. Вот дайте слово, что не припишете — скажу.

Ой, как он здорово! У Зины лицо пошло пятнами.

— Ну, скажи.

— Даете слово?

— Хорошо, даю.

— В прошлом году вы обещали ребятам Крым, если ребята победят. Они победили, а ваш Крым оказался самой настоящей липой. Вас за это сняли с классного руководства, и вам обидно. Вот вы и стараетесь нам снизить оценки, чтобы мы и теперь не поехали никуда.

В классе стало тихо-тихо, словно уроки уже кончились и все ушли.

И вдруг Зинаида Романовна заплакала. Не рев подняла, конечно, как наши девчонки, когда их стукнешь, а просто в глазах у нее появились слезы, она схватила журнал и выбежала из класса.

Сразу поднялся шум, все заговорили, загалдели:

— Что ты наделал, Севрюга!

— Все! Нет больше Красноярска!

— Разве ей можно верить на слово?

Одна только Катя Ельцова сказала:

— Ребята, вот как хотите, а мне Образиначку жалко.— И сама чуть не плачет.

И что самое странное — мне тоже было ее немножко жаль. В голову лезли всякие ее добрые дела: как она однажды весной, еще в пятом классе, отменила урок и повела нас в парк; как Людке Синицыной двойку зачеркнула, когда узнала, что у нее день рождения... Но, с другой стороны, ведь и Севрюга не виноват. Она поступила несправедливо, и он молодец, сказал прямо, что весь класс про нее думает.

Теперь мы ждали, что Зина вернется к нам с Диром. Или, если Дира нет в школе, с Папой Вторым. Лучше бы, конечно, с Папой. Тогда, может быть, еще обойдется.

Выслали разведчиков к учительской и к директорскому кабинету. Но они тотчас же влетели обратно с шипеньем:

— Идет!

Зинаида Романовна пришла одна. Совершенно спокойная. Вроде и не она вообще только что плакала.

— Давайте продолжать урок.

И стала рассказывать про свои любимые образы. А мы с Севрюгой тихонько гадали, что же произошло:

— Дира нет.

— И Папы Второго тоже.

— Нет, он здесь — я видел на перемене. Просто Папа уговорил ее не подымать шума. Думаешь, если шум, им приятно?

— А, может, она не сказала?

— Ну да!

Как бы там ни было — обошлось. Но все же интересно: сказала она или не сказала?

Следующим уроком была геометрия — снова Галочка-Палочка. Она вошла в класс явно расстроенная и сразу спросила:

— Что вы наговорили Зинаиде Романовне?

— Ничего, — ответили мы, изобразив простодушное удивление. — Она разве жаловалась?

— Нет, просто сказала, что вы — ужасный народ. Что бога в вас нет.

— А мы и в самом деле атеисты, —

повел в сторону Севрюга. — Галина Павловна, откуда такое слово — атеист?

Но Галочка-Палочка не поддавалась.

— И все-таки, что у вас тут произошло?.. Не хотите сказать? Вот ты, Копыльцов.

Севрюга встал нехотя.

— Так, поговорили по душам.

— Может, и со мной поговорите?

— Повода нет, — Севрюга сел, и она отступилась.

Но напрасно мы думали, что этим все завершилось. Только началась последняя перемена, в класс втиснулся Папа Второй. Поправил завитушки, которыми маскировал посадочную площадку на макушке, откашлялся, как перед длинной речью, но сказал — короче не придумаешь:

— Дураки!

Катя Ельцова замерла с открытым ртом. Она нас всех гоняла, когда мы в классе обзывались, и тут, видно, чуть-чуть не сделала замечания самому Папе Второму.

Папа был большим и толстым, в узкие входные двери школы он пролезал только боком, и малыши-карандаши из первого класса хлопали в ладоши и орали в восторге: «Эй, ухнем!». А когда Папа хмурил свои брови, он становился таким грозным, что у тех, кто его еще не знал, перехватывало дыхание. Но мы уже были с ним отлично знакомы и не боялись ничуть. Несмотря на весь свой бармалейский вид, завуч не раз выручал нас из всяких бед, больших и малых. Папой Вторым прозвали его тоже не зря: он сам говорил, что в школе завуч замещает пап, и к нему можно обращаться решительно со всеми делами.

— Да, да. — Папа Второй совершенно серьезно посмотрел на Ельцову. — Я констатирую печальный факт. Гайдар в шестнадцать лет командовал полком, а вы...

Он водрузил на свой рыхлый нос очки в тонкой оправе, вынул из книги, которую принес с собой, сложенный вдвое лист, и стал читать, торопливо, без всякого выражения, проглатывая окончания слов:

— «Директору школы такой-то от учительницы Образцовой Зинаиды Романовны заявление...»

— Нажаловалась, — прошептал Севрюга.

Он не угадал.

— «...Я обещала своему классу поездку в Крым в качестве премии за победу в соревновании. По известным Вам об-

стоятельствам деньги на поездку не были выделены, я потеряла в классе всякий авторитет, почему и прошу освободить меня от классного руководства...» Вот так!

Мы молчали. Значит, она сама. Значит, ее не сняли...

— А какие известные обстоятельства? — спросил кто-то.

— Вам знать не полагается. Только Зинаида Романовна здесь совсем не при чем. Ясно?

— Ясно! — ответили мы.

— Что будете делать?

— Извинимся, — опять прошумели мы.

— Вот это мужской разговор! — Папа Второй снял очки, покосился на Катю Ельцову и добавил: — От слова «мужество».

Он вложил лист обратно в книгу и шагнул к двери. Половицы сгибались под его гигантскими ногами. Говорили, что он носит сорок шестой размер и выписывает ботинки из специального московского магазина для великанов.

Что ж, извинимся, раз надо. Мы народ не гордый.

Но я лично почувствовал себя как-то неважно. Да и Севрюга, кажется, скис...

На следующий день Витька Серко вошел в класс с убийственной новостью:

— Мальки готовят свой личный новогодний утренник с концертом!

Даже верить не хотелось. Вот до чего додумались наши главные соперники из пятого «а»! Свой концерт — верная лира, и еще какая — высшего сорта! А если пятиклашки обскажут нас по лирам, да плюс еще их преимущество по металлолому — плакал тогда наш Красноярск горючими слезами.

Разумеется, мы расстроились. Один Севрюга не растерялся, вспрыгнул на парту:

— Люди, без паники! Витька, бери бумагу и карандаш.

— Зачем?

— Будем выявлять таланты. Мы тоже свой утренник проведем.

— Что мы — маленькие? Не утренник, а вечер, — тут же внесли девчонки важную поправку.

— Правильно! И с танцами!

— И объявление напишем: «Лицам старше шестнадцати вход воспрещен», — заработала творческая мысль класса.

Витька разграфил лист.

— Таланты — в очередь на регистрацию!

Я фыркнул:

— Будешь ждать до вечера. Какие у нас таланты?

— Номер один, например, — указал на меня пальцем Севрюга.

— Я?!

— На губной гармошке дуешь? Вот тебе сразу целый концертный номер.

— Да ты что! Одну только «Полечку» и ту плохо.

— И хватит! А плохо ли, хорошо — кто разберет.

Витька Серко провозгласил:

— Выступает заслуженный артист республики Петр Томилин. Венгерская полька. Музыка народная. На губной гармошке исполняет автор... А? Здорово?!

Все зааплодировали. Я представил свой шумный успех на сцене и поклонился важно.

— Бис! Бис! — закричали девчонки.

— Да, а как если и правда на «бис»? — спросил я.

— Сыграешь свою полечку по второму кругу, только помедленней, — посоветовал Севрюга. — Пиши, Витька... Первый номер: Петух на губношке.

Вторым номером записали, конечно, Галку Ходоренкову. Она на всех школьных вечерах читала стихи. Читала, помоему, плохо, просто никудышно, завывая и закатывая глаза. Я, сидя в зале, краснел и бледнел, боясь что вот сейчас кто-нибудь расхохочется, а за ним и все остальные. Но никто почему-то не хохотал, а наоборот, всем Галкино воющее чтение очень нравилось и ей всегда хлопали.

— А третьим пусть выступит Митяй, — предложил Витька.

Митяй рот раскрыл:

— А что я могу?

— Наплетешь что-нибудь с ходу.

Так и записали: показательное выступление чемпиона мира по вранью в в полусреднем весе.

Митяй сиял...

Наша музыкантша Ира Сереброва милостиво согласилась сыграть на пианино.

— Как вы думаете, что лучше: Лист или Шопен? — томно спросила эта ломака.

— На собственный выбор, — великодушно разрешил Севрюга. — Только чтобы не очень длинно и не очень нудно. Чаще пальцами по клавишам вот так, — он провел ногтем большого пальца от края до края парты.

— Тогда, пожалуй, Лист...

В прошлом году Ира мне нравилась больше всех наших девчонок. Но потом Галка мне сказала по-секрету, что она на переменках натирает губы зубной щеткой, чтобы покраснее были. Я сперва думал, Галка треплется, но потом сам увидел: точно, у Ирки в портфеле зубная щетка. Зачем, спрашивается? Зубы в школе чистить?..

Нашлись у нас и певцы и танцоры. А Витка Серко взялся показать фокус с грецкими орехами.

— Только, смотри, опять пожара фокусами не наделай, как в прошлом году на елке,— сказал я ему в отместку: пусть не называет заслуженным артистом.

Все рассмеялись, а Витка насупился:

— А кто виноват, если мне вместо керосина бензин подсунули? Я как почувствовал, сразу выплюнул — он же ядовитый бывает.

Сколотили программу. Вот только сценки драматической у нас не нашлось, но мы и это повернули себе на пользу, придумали для нашего вечера оригинальное название: музыкально-вокально-танцевальный концерт с сюрпризом. Сюрприз мы добавили из-за Витки: его греческие орехи ни в музыку, ни в вокал, ни даже в танцы не укладывались. А так даже интереснее: сюрприз!

С рисования Севрюга сбежал. Риса никакого, потому что в кабинете было темно: художник весь урок показывал нам через проекционный фонарь всякие греческие и римские храмы и статуи. Храмы нам понравились, а статуи нет. У них то руки отбиты, то ноги, то головы, а то и все сразу. Мы так и сказали живописцу: неплохо бы их реставрировать, теперь ведь не то, что камням,—людям конечности приживляют. Он в ответ назвал нас юными варварами, взволнованно стал говорить про точность и достоверность, но все равно меня, например, не убедил: какая уж там достоверность без рук и без ног! И я решил про себя так: все дело, наверное, в том, что современные скульпторы не могут мрамор подобрать — ведь нужен точно такой же. Но лучше уж другой мрамор или даже деревяшка крашеная, чем показывать статуи безрукими и безголыми.

Севрюга вернулся на перемене и сразу объявил:

— Сегодня вечером в шесть собираемся у красного гастронома.

— Что случилось?

— Зачем? — посыпалось сразу со всех сторон.

— Металлолом грузить. Со знакомым шофером договорился: треть наша, за погрузку. А в квитанции вроде как будто мы собирали.

— Я не приду,— заявила музыкантша.— Опять какой-то обман.

Борька Лопата скорчил рожу:

— Ах, мадам Доньша-Кихотша!

— Агитировать никого, в том числе и гениев, не собираюсь. А кто не явится, в том числе и гении, тому — во! — Севрюга помахал в воздухе костлявым кулаком.

Последним уроком шла спокойная, без всяких взлетов и падений, ботаника. Но пришел Папа Второй и объявил, что расписание меняется и сегодня вместо ботаники будет физика.

Только в школе физкабинет на ремонте.

Все сразу оживились. На уроках физики не поскучаешь. Физик рассказывает интересно, задает нам хитрые устные задачки с подвохами, решая которые надо все время быть начеку. Вот, например, как измерить высоту небоскреба с помощью будильника и секундомера? Мы мучились всем классом целые пол-урока, пока он нам сам не открыл глаза:

— Залезть на крышу небоскреба, сбросить оттуда будильник и засечь секундомером время падения.

И поставил классу коллективную двойку. Это означало, что после уроков десять человек — он их называл пленниками — должны явиться в кабинет физики стирать пыль с бесчисленных приборов и схем. Охотников в пленные всегда находилось достаточно, потому что Физик во время уборки рассказывал всякие забавные вещи и демонстрировал опыты с электричеством.

Иногда на него находило, и тогда он начинал к нам придирааться. Но так как в остальном Физик был вполне приличным малым, мы прощали ему эти мелкие чудачества. А девчонки так те даже находили им оправдание. Придумали, что наш Физик безнадежно влюблен в литераторшу Зинаиду, страдает и мучается, бедный, и, когда муки становятся особенно невыносимыми, начинает рычать на нас. По каким-то своим признакам — любезно или сухо поздоровалась Зина с Физиком, улыбнулась ему при встрече или

не улыбнулась и по всякой другой чепухе — девчонки даже предсказывали, как он будет вести себя на уроке. И самое удивительное, что их прогнозы иногда сбывались.

Физик пришел в класс расстроенный — все сразу это заметили. Неужели из-за своей любимой Зиночки?

Он повернулся к классу боком, спросил:

— Здорово видно?

На его шикарном лавсановом пиджаке, у левого плеча, болтался рваный прямоугольный лоскут.

Мы дружно ойкнули:

— Ой! Где вы так, Петр Антонович?

— Да вот, окно кто-то распахнул в коридоре возле учительской. Я стал закрывать, а там сбоку гвоздь... Ну-ка, Лопаткин, бегом ко мне в кабинет. — Он протянул ключ Борьке Лопате. — Возьми молоток и заколоты, пока еще кто-нибудь не напоролся.

Борька унесся, а Физик все щупал дыру в пиджаке.

— Жалко, Петр Антонович? — сочувственно спросил Ким Медведкин.

— А ты как думал? Пиджак почти новый.

— А новый всегда быстрее порвется или запачкается. Закон всемирного свинства...

— Что? — не понял Физик.

Тут делегатом от девчонок первого ряда, все время возбужденно шептавшихся между собой, встала Ира Сереброва.

— Дайте, Петр Антонович, мы зашьем.

— И не подумайте! Лучше клеим БФ, — посоветовал Севрюга и мрачно предрек: — Они испортят.

Я поддержал:

— Точно — испортят!

— Испортите? — спросил Физик.

— Слушайте их больше! — Ира Сереброва покраснела. — Мы же по труду проходили.

— Ну, раз проходили... — Физик стал снимать пиджак, но тут же передумал. — Нет, я лучше дома.

— Но почему? — не отставала Ирка. — Не верите?

— Да неудобно же перед вами в подтяжках стоять... Ну, ладно, давайте кто-нибудь сюда, ко мне, прихватите прямо на плече, чтобы не болталось.

32 Обрадованные девчонки показали нам язык, облепили Физика и пошли махать

иглами. Он переминался с ноги на ногу, а Ирка командовала:

— Стойте смирно, а то руку пришьем!

— А говорить можно?

— Говорите, только не вертитеесь...

— Так какой же там у тебя всемирный закон? — спросил Кима Физик; ему, наверное, было неловко стоять на виду у класса таким беспомощным, чуточку смешным и ощущать на себе наши развеселенные взгляды.

— Закон всемирного свинства, — охотно повторил Ким. — Вот, например, бутерброд всегда падает маслом вниз. Это один из частных случаев проявления закона, — пояснил Ким ученым языком. — Или вот когда не выучишь урока — обязательно вызовут.

Все рассмеялись.

— Готово, Петр Антонович.

Девчонки отгрызли нитки, отступили на несколько шагов, любясь своей работой.

— Спасибо. — Физик ощупал рукав. — В самом деле, держится... Ну что, как вас отблагодарить?

Все сразу загалдели:

— Не вызывайте!

Он согласился.

— Хорошо, не буду. — И тут же признался со смешком. — Я и не собирался. Есть новый интересный материал. Приготовьте тетради, будете записывать.

Мы опять завопили.

— Это нечестно, Петр Антонович! Снова вы сверх учебника!

— Мы вам пиджак починили, а вы...

— Вот она, людская благодарность!

— Я говорил — закон! — тяжело вздохнул Ким Медведкин.

Физик поднял руку, и стало тихо.

— А я вот сейчас твой лжезакон опровергну.

— Не будете рассказывать?! — обрадовались мы.

— Раз не хотите...

Вид у него был такой, что мы поняли: прогадали.

— А о чем материал, Петр Антонович? — спросил Севрюга.

— О возникновении звезд. Но вы не желаете...

— Желаем! Желаем! — разом, словно по команде, отозвался класс. — Ну, расскажите, ну, пожалуйста!..

Уроки кончились, и неожиданно, вне всяких графиков, нагрянула к нам Главбух. Разложила на учительском столике

со всеми своими папками, бумагами и процентами.

— Я вас долго не задержу, — многообещающе начала она, и мы, уже наученные опытом, переглянулись обреченно.

Сначала Главбух, как всегда, навалилась на нас с упреками:

— Ваш класс обещался сто книг собрать у местного населения для уличных библиотек. Где книги? — И сама же ответила: — Нет книг!

— Как же нет? — запротестовали мы. — Собрали и отдали. Еще в ноябре.

— А документ где? Пока документа не будет — ничего не знаю... Обществом охраны природы в вашем классе охвачено всего... — Она заглянула в бумагу, — ...всего шестьдесят процентов личного состава. А вы брали обязательство на стопроцентный охват. Что делать будем? — спросила она.

— Возьмем новое обязательство, — Севрюга честно смотрел ей в глаза.

— Какое?

— Выполнить то обязательство.

— Вот именно, — она показала нам

свой указательный палец. Он был в чернилах. — Другие как думают?

— Так же, — ответил Севрюга за всех других.

— Два дня вам сроку... А теперь самое главное. Томилин Петя и... — Главбух посмотрела в бумагу, — и Алла Киреева, выйдите вперед.

Что бы это могло значить? Меня в одну компанию с отличницей-приличницей Аллой Киреевой? Я недоумевал. Вышел вперед, стараясь стать подальше от Алки: она рослая, выше всех в классе, даже выше Севрюги, а уж я — то рядом с ней — пигмей и пигмей.

— Вот они оба перед вами. Оба школьники, оба пионеры...

И я догадался: про галстук она — вот что!

Вожатая стала говорить, что мы не просто школьники, а советские школьники, самые передовые школьники в мире, не просто пионеры, а пионеры седьмого класса, самые передовые пионеры.

— А галстуков не носят, — перешла она, наконец, к сути дела.

Я молчал. В таких случаях лучше не возражать. Но Алка Киреева этому еще не научилась. Она была отличницей, примерной тихоней, не бегала на переменках по коридору, всегда здоровалась с учителями, даже не нашего класса. Ей никогда не приходилось стоять вот так, перед всеми учениками, ей было стыдно, и она стала очень робко оправдываться:

— Я ношу.

На ней, и правда, был галстук. На мне тоже. Я успел надеть его, когда Главбух вошла в класс.

— Сейчас — да, — сказала вожатая змеиным голосом. — А вчера?

— Она в школе всегда носит, — вступились за Алку другие: у нее уже дрожали щеки.

— Вот именно — в школе. — Мы опять получили приятную возможность полюбоваться чернильным пятном на ее пальце. — А не в школе? Я тебя сколько раз примечала — все без галстука. В театре — помнишь? На городских соревнованиях? И вчера — в музее. В школьной форме и без галстука. Почему? Пионер всегда должен быть при галстуке!

— Мне стыдно. — У Алки закапали крупные слезы. — Мальчишки на улице дразнят.

— Что-о? — Главбух даже привстала. — Ты стыдишься пионерского галстука? Ты стыдишься частицы красного знамени, символа принадлежности к пионерской организации? Отвечай сейчас же!

Алка не могла ответить по той причине, что просто редела. Слезы уже не капали, а лились по щекам, прокладывая кривые дорожки, как дождь по стеклу.

На ее защиту вылез Севрюга:

— Вы же видите, какая она здоровая вымахала.

Главбух уставилась на него непонимающе.

— Ну и что? Какое значение играют сантиметры?

— Понимаете, — слезы Киреевой заставили и меня нарушить обет молчания, — ей уже давно четырнадцать, ей пора быть в комсомоле, и когда она, такая дылда, ходит по улице или там в театре с пионерским галстуком на шее, малыши ее дразнят.

— Как? — недоверчиво спросила Главбух.

— «Такая кобыла, а в пионерах». Я сам слышал.

— Они еще обзываются: пионерская

невеста, — выдавила Алка сквозь слезы. — Даже взрослые — и те смеются.

— Что ты реवेशь, что ты все реवेशь? — заерзала на стуле Главбух. — Я же тебя не наказываю, мы просто говорим... Взрослые не могут над этим смеяться. А которые смеются, значит, неосознательные. И ты тоже... Разве сознательному человеку может быть стыдно за принадлежность к пионерам? Вот я! — она дернула себя за обтрепанный кончик пионерского галстука. — Я вам не ровня, у меня дома двое таких оболтусов, как вы, а мне не стыдно. Или пенсионерам республиканского значения. Им разве стыдно, когда им пионерский галстук повязывают? Наоборот, они гордятся. А вы?

— Мы тоже будем гордиться, — сказал негромко Витька Серко, и я прыснул.

Хорошо, что Главбух не расслышала или не поняла.

— Вот именно! А в комсомол вступим организованно, к Первому мая... Какие будут предложения?

— Можно мне? — Севрюга поднял руку.

— Ну, говори, — подозрительно покосилась на него Главбух. — Только без глупостей, как тогда, с водой этой.

— Не с водой, а с анабиозом, — поправил Севрюга.

— Все равно жидкость.

В начале учебного года это было, на показательном диспуте: «Как я представляю себе школу будущего». Диспут готовило какое-то школьное начальство для пионервожатых всего города, и нам предназначалась на нем роль подопытных кроликов. Каждый получил листок с текстом выступления на диспуте, и все тексты начинались так: «Я согласен с Витей (Вовой, Маней, Катей)» или «Я не согласен с Витей (Вовой, Маней, Катей)». Три дня на зубрежку, два дня на репетиции, все идет блестяще, и тут в самый неподходящий момент ко всеобщему ужасу на трибуну залезает внеплановый, не отекстованный Севрюга и начинает молотить несусветнейшую, интереснейшую чепуху:

— В будущем детство у людей будет продолжаться долго. Лет так до тринадцати или даже до четырнадцати. Потом всех направят на исследование умственных способностей, усыпят и положат на год в анабиоз. А пока человек будет спать, магнитофон начитает ему разные науки, которые нужны для будущей специальности. Год прошел, человек проснулся,

диплом в зубы — и шагай на завод инженерить.

— А учителя? — спросили из зала, когда Севрюга кончил описывать заманчивое будущее.

— Учителя будут не нужны и постепенно отомрут, — авторитетно заверил Севрюга.

Мы побросали наши пресные тексты и пошли фантазировать, кто во что горазд. Даже сам секретарь горкома комсомола спорил с Севрюгой, Севрюга ему возражал.

Всем нам очень понравилось и секретарю горкома, кажется, тоже. Он сказал, что мы народ с головой и что с нами не поскучаешь. А вот Дир на другой день вызвал Севрюгу к себе в кабинет и учинил нагоняй: что за выпад против учителей, да еще в присутствии стольких приглашенных — учителя отомрут! И вообще, что ему дал право вносить в организованное мероприятие элементы хулиганствующего анархизма? Может быть, в Красноярске это и терпели, но здесь не Красноярск, и пусть Севрюга не рассчитывает, что подобные художества сойдут ему с рук.

Вот о каких Севрюгиных глупостях напомнила Главбух.

Честно говоря, я тоже ожидал, что Севрюга ляпнет сейчас что-нибудь веселенькое, и уже заранее начал улыбаться. Но он предложил серьезно и вполне разумно:

— Давайте сделаем так: кто из пионерского возраста вышел, пусть до вступления в комсомол носит не галстук, а особый значок. На нем даже можно написать «Старший пионер», или «Почетный пионер», или еще что-нибудь такое.

— Вот правильно! — поддержали ребята. — Даже можно праздник такой придумать — день вручения значка.

— И не учиться! — развил кто-то мысль дальше.

На него цыкнули:

— Мы серьезно.

Но Главбух накинута на Севрюгу:

— Ну, анархист! Ну, анархист! Где ты такое видел, чтобы вместо галстуков значки? Может, в твоём Красноярске?

— А почему нам нельзя первыми? — не уступал ей Севрюга. — Должен же кто-нибудь начать!

Так они схватились, что Главбух совсем забыла про меня с Киреевой. А потом ей уже стало не до нас, потому что отвори-

лась дверь, просунулась растрепанная голова какого-то малька и пропищала:

— Валентина Александровна, нам еще ждать вас или можно домой идти?

Главбух взглянула на часы, ойкнула, проворно собрала со стола всю свою канцелярию и исчезла вслед за мальком, крикнув на ходу:

— Будьте готовы!

Мы с Алкой переглянулись и так мило улыбнулись друг другу: я — весело, она — все еще со слезой в глазах.

Севрюгин шофер мне нисколько даже не понравился. Желтые неровные, словно изъеденные по краям ржавчиной зубы. Мокрые и холодные ладони. Я даже дернулся непроизвольно, когда он задержал мою руку в своей и переспросил:

— Как, как? Томилин? Уж не Кирилла ли Юрьевича родственничек? Облицем похож.

И когда узнал, что Кирилл мой родной брат, прямо-таки обрадовался:

— Ну, братан у тебя — что надо! Если у тебя такая ж башка на плечах — будешь раскатывать на своей «Волге». Да, Кирилл Юрьевич — это тебе, брат, не каждый встречный!

Мне почему-то были неприятны его шумные похвалы Кириллу. Может быть потому, что он так и не выпускал моей руки из своих лягух.

— А у Кириллы «Волги» нет, — сказал я, чтобы хоть в чем-то с ним согласиться.

— Нет — так будет, точно говорю. Уж я-то знаю. Я с ним в одном цеху работал, когда он вверх пошел. На тракторишке вкалывал, внутризаводском — видел? Так вот, Кирилл Юрьевич его с шести колес на три переставил. — Он, наконец, отпустил мою руку и начал считать, загибая пальцы. — Маневренность улучшилась — вот тебе раз, вместо шести покрышек три, а покрышки, знаешь, какой дефицит — вот тебе два. И сам хорошую денгу сгреб за рационализацию — три. Нет, голова, голова! Это я тебе говорю — Островский... Моя фамилия — Островский. Очень знаменитая фамилия. Знаешь такого знаменитого человека — Островский! — спросил он самодовольно, словно знаменитым человеком был он сам.

Наверное, он думал, что вот сейчас я растаю от восхищения: как же, знаю, писатель. Но мне не хотелось доставлять ему радости, даже такой ерундовой.

— Композитор, что ли?

— Какой еще композитор? — он уставился на меня выупленными глазами.

— «А у нас во дворе». Ничего песенка!

— А писателя такого не знаешь? Ну, который «Как закалялась сталь» написал? Еще «Бесприданницу»... Мощное кино! Как она этого купца за нос водила...

Подошли другие ребята. Шофер со знаменитой фамилией и потными руками отцепился наконец от меня.

Нам предстояло грузить на машину старые секции батарей центрального отопления, сложенные штабелями и засыпанные снегом в темном дворе возле недавно отремонтированного большого дома. Работа так себе, мы бы управились без особых затруднений, если бы машина остановилась возле штабелей. Но шофер въехать во двор не захотел: у него было что-то не в порядке с путевым листом, и он боялся постового милиционера на перекрестке возле дома. Машина стала с тыльной стороны квартала, в глухом проезде, между складом посудного ма-

газина и гаражом пожарников. Сюда мы и таскали батареи кратчайшим путем. «По гипотенузе», — сказал Севрюга, протапывая дорожку в глубоком снегу.

Секции были тяжелые, килограммов по сорок, не меньше, и мы навалились на них вчетвером. А девчонки так те даже по шесть человек.

Явились все, за исключением Иры Се-ребровой, да еще Митя. Как водится, опоздает и сочинит в оправдание очередную небылицу. Зато Алла Киреева привела с собой лишнюю единицу — голенастого первокурсника из строительного техникума. Вообще-то мы чужаков не жалуем, и девчонкам достается от нас даже тогда, когда они на школьных вечерах танцуют с ребятами не из нашего класса. Но сейчас возражать не стали: чем больше мозолистых рук, тем лучше. Тем более, что Алкин кавалер трудился на совесть: то ли перед нами выпендривался или перед Алкой, то ли по натуре такой работяга.

За каких-нибудь два часа машина сделала шесть ездов. Больше батарей не было.

— Богатыри! — похвалил нас шофер и протянул Севрюге руку.

Я подумал, что сейчас он начнет со всеми нами прощаться за руку, и скорей отступил к машине. Но шофер, оказывается, не прощался, он только отдал Севрюге бумагу с печатью. В ней удостоверялось, что такой-то класс такой-то школы сдал сборщику утильсырья такую-то три тонны бытового металлолома и получил за это восемнадцать рублей с копейками.

— А где они? — спросил я.

— Ого! — шофер смотрел на меня с насмешкой. — Губа не дура — что я говорил! Батареи чьи? Ваши?

— Зато мы грузили.

— Ладно, не вякай! — прервал меня Севрюга. — Не в деньгах счастье. Главное — пейпер.

Он сложил бумагу и сунул в карман.

— А если Главбух спросит, где деньги?

— Скажем, потратили на культпоход или на что-нибудь еще...

А утром Севрюга встретил меня с расстроенным лицом:

— Ты знаешь, шофер ведь батареи украл, гад!

— Как украл? — не понял я.

— Очень просто. Наврал мне, что утильсырье купило их у ЖКО и ему только перевезти на машине. А утром я сегодня проходил там, управдом бегаёт по двору и всех расспрашивает, куда батареи подевались.

— Ой, Севрюга! — испугался я.

— Да ты не бойся, Петух. Управдом побегает до обеда и успокоится. Он ведь тоже так, для порядка. Очень они ему нужны, старые батареи.

— Все равно, мы соучастники.

— Плюнь! Никто ничего не узнает. Иди лучше, отдай Главбуху бумажку... А этому гаду я резину всю проколю, — Севрюга показал мне шило, добытое, наверное, в школьной переплетной мастерской. — Я знаю, где у него стоянка.

— Может не надо, а?

— Нет, надо, надо! Сбегаю после английского и проколю.

На большой перемене Севрюга исчез ненадолго, а когда появился опять, по выражению его лица я понял, что дело сделано.

— Четыре ската! — шепнул он мне.

Провозится минимум до вечера, гад. А на следующей неделе я еще проколю.

— Нехорошо как-то получилось с металлоломом, Севрюга.

Он меня не понял:

— Я же сказал: не трусь!

— Да я не боюсь... Просто неловко.

— Что ты все: неловко, неловко! — вспыхнул, как спичка, Севрюга. — Возьми и порви квитанцию, если тебе неловко.

— Ну что ты сразу...

— А не рвешь, так молчи!

Я и замолчал.

Мореадор,

никадгоры и Дир.

Лена не ходила к нам несколько дней, и мама забеспокоилась: уж не заболела ли Дашка.

— Сбегаю к ним вечером провести.

— Привет Дашке-племяшке. — Я вытащил из своего ящика со всякой всячиной увеличительное стекло, чуть треснувшее сбоку. — На вот, отдашь от меня. Скажешь, волшебное стеклышко дядя Петя присылает.

— Собирайся в школу побыстрее, дядя! — Мама растрепала мой ежик. — Опоздаешь. Уже без двадцати восемь... Все взял? Алгебру?

— Взял, взял.

— А кеды? Сегодня у тебя физкультура.

Ой! Ведь кеды-то я забыл! Но признаться? Пойдут нотации...

— Взял.

А сам побежал в переднюю за кедами. Пока я их запихивал в портфель, в дверь постучали. Нагрянули гости — и еще какие почетные: Лена с дочкой. Дашка-племяшка вся укутана, только носик один из платка торчит да глаз черный виднеется — веселый такой, хитрющий.

— Что такое? — сразу заволновалась мама. — Что случилось, Леночка?

— Ничего особенного. Просто хочу Дашеньку подкинуть вам на часок-другой. Можно?

— Ну, конечно же! Мне сегодня по-позже... Дай я тебя раздену, Дашок, дай

шубку сниму, маленькая... А ты куда, Лена, так рано?

— Хочу к главному архитектору города зайти...

Я вышел из дома вместе с Леной. Поскисился на нее. Какая-то она грустная сегодня. И молчит.

— А зачем к архитектору, Лена?

— Работу мне обещали... Каждый человек должен работать, Петушок. Вон даже Дашка и та работает в детском садике своим. Одна я дома сижу.

— Но ведь ты еще не кончила институт. Кто тебя возьмет?

— Ну, уж чертежницей-то, думаю, примут. Я ведь здорово чертила. И себе, и...— Она замялась на секунду,— ...и другим.

«И Кириллу»,— подумалось сразу мне. Я хорошо помню, как Лена, еще студенткой, приходила к нам помогать Кириллу. Чертил-то он неплохо, а вот всякие надписи у Лены получались красивее.

— Как Кирилл?— спросил я и тут же уточнил, что именно имею в виду:— Выпивает?

Лена вздохнула:

— Уж лучше бы он выпивал.

И побежала через улицу к зданию горисполкома.

После уроков состоялось заседание Совета Справедливых. Совет Справедливых придумал наш директор. Вернее, не придумал, а взял из статьи в газете и перестроил на свой лад. Там, в статье, в Совете Справедливых заседали одни ученики, учителей на нем совсем не было. На наших же заседаниях постоянно присутствует Дир. На Совете решаются важные вопросы: кому дать и кому не дать эмблемы за разные хорошие дела. А каждая эмблема — шаг вперед к победе в соревновании. Понятно, возникают споры, и очень жаркие. Потому что каждому классу хочется взять побольше эмблем себе и дать поменьше эмблем другим. А каждый спор, как говорит Дир, это драка в зародыше. И чтобы не было ни споров, ни драк, Дир ходит на наши заседания. Он не член Совета, а просто арбитр, посредник. Если споров нет, с его мнением мы можем не считаться — так он нам сам объявил. Но как только возникает спор, Дир сразу вмешивается и предлагает свое решение, и тогда все споры кончаются сами собой. Попробуй, не согласишься с мнением Дира! Его вся

школа боится. Не только мы, но и учителя.

Раньше, когда Дир у нас не преподавал, мы боялись его еще больше. Идет он по школьному коридору, строгий такой, важный, ни на кого не смотрит, никого не замечает. И ты жмешься к стенке, и бормочешь «здравствуйте», и трепещешь от страха. А чего боишься — и сам не знаешь. Ну, что он может тебе сделать — Дир? Ну, прочитает нотацию, ну, пошлет домой за родителями. Не так уж страшно, если подумать. Другие учителя то же самое делают. А вот боишься и трепещешь, как кролик перед орлом.

Массовый психоз!

Когда стало известно, что сам Дир будет нам историю преподавать, в классе три дня царил паника. Девчонки так те даже плакали. И правда, первый урок был страшным. Дир ходил по классу, заложив руки за спину, тыкал пальцем то в одного, то в другого и выпаливал: «Ты!». Вызванный говорил свою фамилию, тащился к доске, и Дир начинал короткую, но яростную атаку. Даже отличники не выдерживали больше трех его вопросов.

— Что такое: вени, види, вици?

А черт его знает, что это такое!

— Опиши внешность Гая Юлия Цезаря.

Да кто из нас его в глаза видел, Гая Юлия Цезаря!

— Что произошло бы в Европе, если бы исход Каталаунской битвы был другим?

А каким он вообще был, исход Каталаунской битвы?

Дир наставил кучу двоек, немного успокоился и заявил, что теперь начинается новая эра в нашем обучении. Упор будет делаться на нашу собственную инициативу. Внеклассная работа по истории особо поощряется. Удовлетворительную оценку можно заслужить только плавным рассказом. Первое же «э-э» — и ученик отправляется на место.

Дир говорил долго. Мы слушали, раскрыв рты и холодея от ужаса. Но прошло каких-нибудь три урока, и все стало ясно. Из истории мы знаем, что у великих людей есть свои слабости. И у Дира, к нашему счастью, тоже. Первой это обнаружила Ира Сереброва. Дир вызвал ее. От страха она все напутала и стала плести такое, что класс оцепенел. А Дир сидел и смотрел прямо перед собой, время от времени одобрительно кивая,

Наша музыкантша заработала четверку. И тогда мы все поняли. Он не слушает! Важно говорить быстро и плавно, а что говорить — не имеет никакого значения. Но стоит только остановиться на секунду, как тотчас же следует прицельное: «Каким богам поклонялись карфагеняне?» — и ты падаешь замертво жертвой истории.

Что касается нашей инициативы и внеклассных работ по истории, которые вначале нас так напугали, то оказалось, что это, наоборот, нам на пользу. Вырежешь из старой книги картинку с саблезубым тигром или бронтозавром, приклеишь на картонку и тащишь Диру в кабинет:

— Олег Борисович, я пособие сделал по истории для малышей. — И обязательно надо добавить: — По своей собственной инициативе. — Иначе вся работа впустую.

— Инициатива — хорошо! Как твоя фамилия? Так, записал. Иди, сдай в кабинет истории.

Сдать? Как бы не так! Этот бронтозавр еще на меня поработает. Я его цветными карандашами раскрашу и через недельку снова отправлюсь к Диру за пятеркой.

На Совете Справедливых по три представителя от соревнующихся классов. И от нашего класса трое: я, Алка Киреева и Ким Медведкин.

Меня выбрали сам не знаю почему: в тот день я в школе не был. Алку — полуслучайно: она девчонка, а от каждого класса в Совете непременно должна быть хотя одна девчонка. Ну, а Ким Медведкин — этот избран по достоинству. Такого хитреца, как он, не было на свете еще, наверное, со времен древних греков.

Ким — закоренелый отличник, его школьная биография не запятнана ни единой тройкой. И он, действительно, способный, не то, что иной зубрила, который волочит свое звание отличника на горбу, как туристы рюкзак с консервами и брикетами. Но, вдобавок к способностям, Ким еще блестяще ориентируется в обстановке. У него великолепный нюх на вызов, да и тактик он первоклассный. Вот, например, вызывают его по химии, а он не то, чтобы не знает, но не очень уверен, что будет пятерка. И вот он начинает вывертываться. Первым делом, вопрос к обладателям наручных часов — их у нас всего трое:

— Сколько осталось до звонка?

Если еще много, Ким немедленно заболит. Ему станет плохо, у него даже кровь пойдет из носа — он и это умеет. Химичка Татьяна Михайловна беспокоится, захлопочет, назначит двоих ребят вывести бедного Кимушку в коридор, усадить у открытого окна, чтобы свежим воздухом подышать.

Если же до звонка осталось всего несколько минут, Ким применит иную тактику:

— Татьяна Михайловна, у нас тут спор возник.

Ему ли не знать, что Химичку хлебом не корми, а спорный вопрос задай по ее предмету! Мы даже иногда на перемене специально вопросы сочиняем, чтобы потом, на уроке, время тянуть. Только она за журнал, как мы сразу:

— А вот можно горячей водой пожар потушить?

— Опасен ли фосфор для человека?

И Татьяна Михайловна отвечает.

Конечно, если бы не Ким, а скажем

Загар на камне

Однажды в кабинете начальника одного из горнорудных управлений произошло чрезвычайное происшествие: из шкафа пропал образец редкой руды. Он был не просто похищен, а заменен другим камнем.

Поднялся невероятный переполох. Допрашивали всех, но никто не признавался. Неожиданно кто-то из сотрудников пошутил:

— Может быть, никто ничего не утащил, а просто камень загорел на солнце?!

Главный геолог стал снова рассматривать образец и вдруг воскликнул:

— А ведь он в самом деле почернел!

В свежем изломе камень был почти бесцветным, зато сверху имел густо коричневую окраску. Что же произошло?

Образец представлял редкий минерал кераргирит — соединение серебра с хлором. Мягкий, светлоокрашенный, он под воздействием света быстро темнеет. Подобно тому, как в коже под влиянием солнца выделяется защитный пигмент, так и в минерале выделилось металлическое серебро в тонко рассеянном состоянии.

К. ФЛУГ, геолог

Северюга сказал бы, когда его вызывают: «Татьяна Михайловна, у нас тут с Томиным спор возник», — она бы его и слушать не стала. Отвечай сначала урок, а потом, если еще будет охота, рассказывай про свои споры. Но Ким есть Ким. Учителя души в нем не чают, в том числе и Дир. Ким у них Ученик Номер Один. Чистенький такой, всегда в форме, пионерский галстук у него на шее.

Дневник у Кима заполнен красивым почерком на неделю вперед. Тетрадки невозможно чистые, обернутые в бумагу, и не в простую, а гофрированную, промокашки приклеены ленточкой, и опять же не простой, а шелковой.

И вообще, он улыбочивый, вежливый со всеми, даже с малышами, которых иногда случайно сшибает на катке. Разгонится, налетит, собьет, а потом сам же поднимет, утешит, снег стряхнет, особенно если мама или папа этого малыша поблизости. И никто на него не в обиде, даже, наоборот, восторгаются:

— Ах, какой воспитанный мальчик! Не чета нашим охломонам.

В Совете Справедливых Ким у нас самый незаменимый человек. Я просто не знаю, что бы мы стали делать, если бы не Ким. От пятого «а», наших главных соперников, в Совете три яростных спорщика. Среди них рыжий чертенок со смешной фамилией — Бедуля. Ну, не Бедуля, а прямо настоящий Шерлок Холмс! Он точно чувствует, если у нас что не так, и наседает, и наседает. А Ким раззадорит его, доведет до белого каления, а потом к Диру:

— Олег Борисович, они опять спорят. Решите, пожалуйста, по справедливости.

И Дир, как правило, решает в нашу пользу, вернее, в пользу своего ненаглядного Кимушки.

Вот и сегодня Ким организовал сражение за последние решающие эмблемы. Сначала он сообщил Совету, что мы собрали три с половиной тонны металлолома. Рыжий чертенок и компания сразу же подняли визг, требуя доказательств. Доказательство лежало у меня в кармане, я уже хотел его вытащить и торжественно продемонстрировать, но Ким удержал меня, шепнув:

— Рано! Пусть поорут.

Они орали минут пять:

— Не верим! Вранье! Приписка!

Ким с достоинством защищался, упи-

рая, главным образом, на то, что людям надо верить, особенно, если они старше. А когда пятиклашки, уже уверенные в нашем поражении, обратились к Диру, Ким сказал мне:

— Бумага у тебя, Томилин? Предъяви, пожалуйста, Олегу Борисовичу.

Так рыжий чертенок потерпел первое поражение. Оно не охладило его пыл, и когда пошла речь о нашем культпоходе в филармонию, он, чуя неладное, завопил снова:

— А кто выступал в концерте, кто?

По его тону чувствовалось, что он-то уж раз узнал кто, и ждет только малейшей оплошности с нашей стороны, чтобы придраться.

Я побоялся, что Ким влипнет. Он ведь ничего не знал про Бейлину. Но тут Ким поворачивается ко мне и произносит негромко так, мученически:

— Скажи ты им сам, Петя.

Словно он уже устал с ними спорить... И только теперь, когда бычок на арке не был настолько разъярен, что ничего не видел и не слышал, тореадор Ким приступил к главному. А главным был большой альбом со спортивными картинками, который наш класс подарил подшефным первоклашкам. Подарил, конечно, не бескорыстно. Мы требовали за альбом олимпийские «пять колец», эмблему хоть и не очень важную, но чрезвычайно нужную нам для счета.

— Это старый альбом! — подняли крик наши главные противники. — Ваш класс сделал его еще три года назад для пионерской комнаты.

Как они пронюхали? Правда, альбом претерпел некоторые изменения: мы вклеили в него новые картинки, нарисовали на обложке пять колец, но основа осталась прежней, и трудно было спорить.

А вот Ким сумел! Он произнес короткую, но яркую речь о значении спорта в жизни человека. Дир одобрительно кивал, и тогда Ким сделал ход конем:

— Вот они говорят, старый альбом. Но посмотрите, Олег Борисович, откуда в старом альбоме могли взяться снимки молодого конькобежца Валерия Каплана? Он же тогда был еще никому неизвестен. Или вот таблица достижений советской команды на Токийской олимпиаде. Олимпиада в Токио ведь происходила позднее.

Удар пришелся точно в цель. Бычок был повержен, и тореадор Ким снисходи-

тельно отвечал на бурные рукоплескания толпы. Мы с Алкой Киреевой скромно держались в стороне. Мы были простыми пикадорами, матадорами или что там еще бывает, и нам не полагалось делить славу с блестящим тореро.

Я уже собрался домой, когда ко мне подбежал взволнованный Ким.

— Знаешь что они надумали?

Кто такие они, было ясно.

— Что?

— Выкопали откуда-то наши шефские обязательства помощи пенсионерке. Ну, та, помнишь? В сентябре ходили пилить к ней дрова.

— Зачем им понадобилось? — не понял я.

— Хотят проверить, как мы их выполняем.

Вот тут я по-настоящему испугался:

— Мамочки! Ведь мы у нее с тех пор так и не были... Что делать, а, Ким? Придумай что-нибудь.

— Что тут придумаешь... Черт, обидно, так старались. Красноярск, можно сказать, в кармане... Где хоть ее дом?

— На Пролетарской. А номер забыл... Почти у самой реки.

Лицо у Кима прояснилось:

— Тогда живем! Кажется, выход есть. Он помчался по лестнице вниз.

— Куда ты?

— В канцелярию... Обожди!

Вернулся Кимушка довольный.

— Все! — он потер руки. — Они уже ушли.

— Чему же радуешься?

— А потому, что не дойдут. Понимаешь, там у меня братан двоюродный живет поблизости. Я ему звякнул.

— Ну и что?

— Не понимаешь? — он улыбался спокойно, ясно и, по своему обыкновению, чуть застенчиво. — Свистнет ребят со своей округи и пустит им юшку с носу — закаются ходить по той улице.

— Голова! — одобрил я...

Но голова — головой, а все-таки я почувствовал себя не совсем ловко. И чем дальше я отходил от школы, тем мне становилось гнуснее на душе. Ну что же такое? Они ведь соревнуются по-честному. Металлолом целую осень таскали в школьный двор. По железке, по дырявой мисочке, по консервной банке. И натащали целых три тонны, больше, чем все классы.

Мы же связались с этим шофером-ворюгой...

А теперь их еще бить!

Ноги у меня сами повернули обратно. Скорее туда, на Пролетарскую улицу!

Я прибежал вовремя. Рыжий чертенок со своими шумливыми коллегами из Совета Справедливых стоял, окруженный целой шайкой. Шайка наступала, задиралась, а рыжий, по виду несколько не напуганный, зло отбреживался.

— Который тут двоюродный брат Кима?

Учинять розыск не было время. С рыжего уже сбили шапку.

— Не трогайте их ребята! — крикнул я.

— А ты кто такой? — враждебно откликнулся долговязый в круглой финской шапочке. Я искал в нем хоть какое-нибудь сходство с Кимом и не находил. — Иди, иди, пока самому не влетело..

— Постой, — я старался говорить миролюбиво. — Ты Кима Медведкина знаешь?

Больше ничего сказать я не мог: ведь рыжий чертенок тоже слушал, а он догадливый.

— Знаю — не знаю. Тебе-то какое дело? — К долговязому подошли другие, он охрабрел и без дальнейших разговоров замахнулся на меня.

Мы схватились. Я был сильнее его, но он ведь не один. Кто-то подставил мне ногу, я свалился, успел, однако, сильно стукнуть долговязого в скулу. Они все набросились на меня кучей.

Ходить бы мне неделю с синяками, но тут, откуда ни возьмись, Севрюга. Расшвырял моих противников, дал пинка одному, треснул кулаком другого. Наши пятиклашки тоже расхрабрились. Картина сражения сразу изменилась. Долговязому в финской шапочке не оставалось ничего другого, как драпануть во главе своей шайки. Он еще выкрикивал какие-то боевые лозунги, обещал кого-то еще позвать и тогда расправиться с нами. Но было ясно, что это бессильные угрозы.

Тем не менее, Севрюга сказал мальчикам строго:

— А ну, домой! А то они сейчас вернутся.

Пятиклашки, обрадованные, что дешево отделались, не заставили себя второй раз просить. Сразу дали деру.

— Наломали бока? — Севрюга стряхнул снег с моей шапки, подал мне.

— Не успели. А ты как здесь оказался?

— Встретил Кима. Он похвастал. Вот

42 гад!

— Да... — Я спрятал глаза. Интересно,

кто из моих близких знакомых сказал Киму: «Голова!». — Пошли.

Но Севрюга не торопился:

— Надо бы заглянуть к той старухе. А то ведь они не успокоятся, мальки. Сегодня не получилось, завтра соберутся всем классом и наведуются.

— Пожалуй, верно.

— Знаешь, где она живет?

— Найду, если поискать хорошенько.

Мы пошли, и я все время осматривался. Пятиэтажный дом — его тогда еще только строили. За ним скверик, а уж потом, кажется, ее дом.

Прошли еще немного. Я остановился у зеленого забора. За ним, полузасыпанный снегом, стоял домик с двумя окнами.

— Вроде, здесь.

— Хоть как звать ее, помнишь?

— Ивановна. Или Петрова.

— Хороши шефы...

Мы прошли вдоль забора до калитки, поколотили в нее ногами, чтобы обнаружить нет ли законуренных собак.

— Проверено, — нет! — Севрюга первым вошел в калитку.

Навстречу нам семенила маленькая седая старушка в валенках и сером платке.

— Ко мне, ребята?

— Сейчас выясним, — сказал Севрюга. — К вам осенью приходили школьники колоть дрова?

— Не только приходили, но и кололи. — Глаза у нее были не тусклые, как у многих старых людей, а острые и смешливые.

— Тогда, значит, мы к вам.

— Очень приятно.

— Помогать, — пояснил Севрюга.

— Спасибо, ребята.

— Любую работу, — Севрюга, видимо, думал, что старушка его не поняла. — Мы — ваши шефы, понимаете? Что скажете, то сделаем.

Севрюга, конечно, перестарался. Сейчас она навалится на нас: воду принесите, дрова наколите... Еще, чего доброго, полы заставит мыть.

Но старушка покачала головой:

— Ничего не надо.

Мы растерянно смотрели друг на друга. Как быть? Ведь если завтра прибегут сюда пятиклашки...

— Понимаете, в чем дело, — принялся объяснять Севрюга. — Наш класс участвует в соревновании, и мы, по условию,

должны оказывать помощь престарелым.

— И просто пожилым,— поторопился вставить я.

Старушка по достоинству оценила мою поправку, весело сверкнула в мою сторону своими быстрыми глазами.

— Поэтому нам обязательно нужно вам помочь, — продолжал Севрюга. — Понимаете?

Забавно! Мы, как американские безработные, клянчим хоть какую-нибудь завалящую работенку.

— Прямо не знаю.— Старушка осмотрелась, словно подыскивая нам что-нибудь по плечу.

— Мы работы не боимся, чем грязнее, тем даже лучше,— уговаривал ее Севрюга.— Вот, например, хлев почистить. Есть у вас личкор?

Старушка поняла.

— Личная корова? Что вы! Даже личкош отсутствует... Вот дорожку, может быть, от снега очистить...

— Во-во! — обрадовались мы.

Она приволокла из сарая лопаты и ушла в дом. Мы лихо взялись за дело, взметая облака снежной пыли.

— Здорово она насчет личкош!

— Да, не простая старушка,— согласился Севрюга.— Они только с виду похожие, не разберешь. А так все разные. Одна уборщица, другая директор завода на пенсии, а третья доктор всяких наук.

— А наша кто, как ты думаешь?

— Откуда я знаю...

За полчаса мы проложили на месте

бывшей тропы широкую магистраль, прямую, как меридиан.

Кликнули старушку:

— Принимайте работу, хозяйка.

Она поморщилась:

— Фу, слово-то какое выкопали — хозяйка! Так и тянет ползть в кошелек за двугривенным.

— Но мы же не знаем...—Я не договорил, замялся.

— Констанцией Сергеевной меня звать...

Старушка сделала вид, что восхищена нашей работой, хотя ей, вероятно, было удобнее ходить от дома до калитки по тропинке, чем по нашей автостраде.

— Чудесно! — хвалила она.— Молодцы! Две машины без труда разъедутся... Ну, пошли в дом.

— Зачем?

— Отогреетесь... И потом, надо же мне с вами за работу рассчитаться.

— Вы что! — возмутились мы оба разом.

— Я же сказал: в порядке шефства,— напомнил Севрюга.— Общественная нагрузка.

— Бесплатно,— добавил я.

— А я вам денег и не предлагаю... Пошли, пошли!

На столе в комнате были расставлены всякие вкусные вещи: конфеты, пирожное, мармелад, халва... Я как увидел халву, так больше уже не мог оторвать от нее взгляда. Моя любимая — тахинная.

— Садитесь, ребята. Вам повезло:

вчера внучата ко мне заходили. Они теперь большие, не я их — они меня угощают. Поменялись ролями.

Начали мы с Севрюгой скромно: по конфетке. Потом, вроде бы поддавшись на уговоры, деликатно взяли еще по одной. Потом потянулись за пирожным. Потом, уже без всяких уговоров, принялись кто за мармелад, кто за халву — к счастью, у нас вкусы не сошлись.

— Констанция Сергеевна, а вы кто по специальности были? — благодушно спросил Севрюга, прихлебывая чай.

— Учительницей.

Мы переглянулись.

— А что преподавали?

— Русский... Как вы с ним — в ладах?

— Да ладим, — ответил Севрюга, помешивая сахар в стакане.

— «Корова» в большинстве случаев пишем через «о», — уточнил я.

— А вот как будет множественное число от «дно»?

— Дны, — сказал Севрюга, не подумав.

— Ну, а ты?

— Днища.

Я был уверен, что угадал. Но она покачала головой.

— «Днища» — множественное от «днище». А от «дно» — «донья».

— Смешно! — хмыкнул Севрюга. — «О донья Клара»... Скажите, а вы двойки ставили?

— Еще как! — Констанция Сергеевна зажмурилась, словно от удовольствия. — Вот тебе бы за «дны» тоже полагалось.

Севрюга великодушно признал:

— За это можно.

Констанция Сергеевна сразу же уловила его мысль, и я подумал, что она наверняка была хорошей учительницей.

— А разве с тобой поступают несправедливо?

— Понимаете, несправедливо — не то слово, — принялся объяснять Севрюга. — Отметки вообще сложная формалистика. Ну вот, например, он знает инглиш на троечку. — Севрюга ткнул пальцем в мой живот. — В лучшем случае! А я на четверку. Даже с плюсом.

— От скромности ты не умрешь, — предсказала Констанция Сергеевна. — И не заболеешь.

— Нет, правда! — вступился я за Севрюгу. — Он знает английский лучше всех в классе. Язычница говорит — у него врожденные способности.

— И как вы думаете? — продолжал Севрюга. — Какие у него отметки? — Выждал немного для эффекта. — Не старайтесь зря, все равно не угадаете. У меня три, у него пять. Подтверди, Петух!

— Точно! — сказал я. — Последний раз она ему даже кол вlepила за домашнее задание. Вызвала к доске, а он с пустой тетради весь текст задания прочитал. Наизусть! Все правильно, до последней буковки. И — единица. Пятерку бы за такое, как минимум, а она кол!

— Ну, кол, положим, за обман, — Севрюга хотел быть до конца самокритичным. — А вот с Диром как?.. За одну и ту же схему по истории поставил пять и три. Мне, само собой, — три, Володьке Пасечнику, само собой, — пять. А схема моя. Я ее рисовал, вот этими самыми руками, Володька только и сделал, что стер резинкой тройку и снова понес к Диру. И ему пять. Почему? Потому, что он отличник. А мне три. Почему? Потому, что я, опять же, хулиган. Разве это не форменный формализм?

— Ну, ладно, ладно, — махнула рукой Констанция Сергеевна. — Не положено вам учителей своих обсуждать.

Севрюга как будто даже обрадовался:

— Вот пожалуйста! А это? Не формализм? Не положено!.. А мы обсуждаем! Вы машете руками, не хотите слушать, а мы ведь все равно обсуждаем. Мы же люди, у нас глаза, уши, голова на плечах, а в ней шарики. Мы видим, слышим, шарики крутятся, голова думает... Что, тоже не положено?

— Послушай, почему бы тебе не потолковать с кем-нибудь из своих учителей? Вот так, откровенно, напрямик, как сейчас со мной?

— Сэнкс! Сразу родителей в школу. Я добавил:

— Целый год будут склонять на всякие лады.

— Вы хотите сказать, что у вас ни одного учителя нет, с которым можно было бы поговорить без опаски?.. Не верю! — решительно заявила Констанция Сергеевна.

— С Физиком, пожалуй, можно, — начал я неуверенно.

— С Галочкой-Палочкой, с Папой Вторым...

Но Севрюга сразу же перебил:

— Да ты что! Он без Дира ни шагу! Помнишь, как было с Савчуком?

Еще бы я не помнил! На контрольной

по физике в классе вдруг погас свет. Осмотрели лампочки — целы, пробки в порядке. Минут через пять свет зажегся сам собой. Только уселись за парты — опять темно. И так пол-урока, пока Физик не послал за стремянкой и не обнаружил самодельное реле.

Контрольную перенесли. Притопал Папа Второй, учинил дознание, но так и не докопался. Тогда он пообещал амнистию тому, кто признается добровольно. Виножник поверил и открылся. Мы все ахнули. Это был тихоня Савчук, помешанный на всяких физических и химических экспериментах.

Амнистии не получилось. Савчук заработал выговор перед строем школы и четверку по поведению в четверти. Говорили, что на этом настоял Дир; он даже требовал на педсовете тройку по поведению. Но все равно виноват Папа Второй. Он ведь обещал, что не накажет. Мог бы ничего не рассказывать Диру.

С тех пор кончилась у нас мода на добровольные признания. Нет дураков!

— И вообще, чем меньше дел с учителями, тем лучше, — подвел итог Севрюга. — Вызвали, рассказал, заработал свой трояк — и приветик! Показалось мало — помалкивай, а то в другой раз еще меньше будет. Показалось несправедливо — проглоти, а то еще такое припшут — взвоешь! Словом, три «айся»: не попадайся, не пререкайся, не сознавайся.

— Что-то мне твоя философия очень не нравится, — задумчиво произнесла Констанция Сергеевна.

Севрюга сразу отозвался:

— Само собой! Всем учителям не по вкусу.

Мне стало неловко за него, и я добавил:

— Вас он не имеет в виду, правда, Севрюга?

— Да, — подтвердил Севрюга довольно равнодушно.

Она кивнула, мол, понимаю, посмотрела весело.

— Ну что, думаете, небось, начну сейчас втолковывать, что учителя разные бывают? Да? Есть хорошие, есть плохие, да?.. Не ждите, не буду. Сами ведь знаете... А вот послушайте притчу... Жил однажды человек. Как-то прочитал он

о древнегреческом мыслителе, который подавился ягодой винограда. И этот человек с ужасом и ненавистью отбросил от себя сладкую гроздь, которую собирался съесть. Он разозлился на лето — ведь именно в это время года созревает опасный для жизни человека виноград. Он возненавидел солнце — ведь оно дает винограду сладость, привлекающую людей. Он возненавидел дождь — ведь дождь способствует росту винограда. Даже землю он возненавидел — только за то, что на ней растет виноград..

— Вас понял, — сказал Севрюга. — Но я не чудик — у меня опыт.

Констанция Сергеевна рассмеялась.

— Скажи, пожалуйста, какой умудренный товарищ... Но погоди еще делать выводы, философ. Согласись, ведь все-таки ты немного желторотый.

Домой мы возвращались молча. Я несколько раз пытался заговорить, но Севрюга не был расположен к душевным беседам. Он шагал угрюмый и злой, ничего мне не отвечал. Потом уже, когда я раздосадованно бросил: «Будь здоров» и двинулся к своему дому, окликнул:

— Петух!

Я вернулся.

— Что?

— Слушай, что ты все-таки за парень? — Севрюга смотрел на меня испытующе.

Мне стало смешно.

— Блондин. Пятьдесят третьего года рождения. Не женат.

— Нет, серьезно.

Меня зацепило. Что он? Только сегодня со мной познакомился?

— Не обижайся, — Севрюга вдруг за просто, по-свойски положил мне руку на плечо, и я сразу оттаял. — Просто я видел, как один человек другого предал.

— В киношке, да? Как называется?

— Как называется? — переспросил он. — «Останься с нами», вот как.

Он поднял воротник своего пальто и побежал, чуть косолапя, длинный, худой, сгорбленный, похожий чем-то на голодного ничейного пса. А я шагал домой и думал: что за фильм «Останься с нами»? Что-то я не слышал о таком.

Выдумал Севрюга?..

Рисунки Ю. Ефимова

НА ОСТРОВЕ СОКРОВИЩ

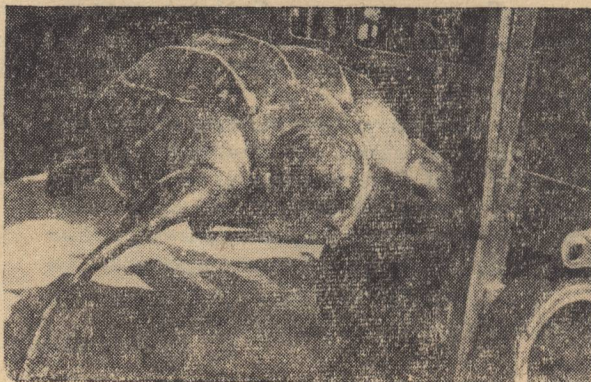
Если проехать Сахалин с юга на север, а заодно побывать на Курильских островах, наверняка почувствуешь, что увидел, если не весь мир, то уж полмира точно! В пути встретятся и бурные горные реки, и снежные вершины сопок, и морские пляжи, полные солнца, и песчаные дюны, и заросли бамбука, и медвежьи берлоги в дикой тайге, и вулканы, пламенеющие в ночи, и нежные бутоны магнолии.

Вас, конечно, удивит вот эта исполинская черепаха, которая приплыла на Курилы за тысячи миль из южных океанских широт. Редкой гостье будет отведено почетное место в музее.

Ученые установили, что самые древние домашние животные — собаки и олени. Их человек приручил, примерно, за восемнадцать тысячелетий до нашей эры. Вряд ли собаки этой ездовой упряжки подозревают о своей столь богатой и древней родословной.

Не отнесешься спокойно и к такой картине, хотя она повторяется каждый год. Бродяга-лосось пробивается на нерестилище, чтобы ценой своей жизни дать жизнь новому поколению. Перед ним последняя преграда. И из последних сил лосось пытается преодолеть ее.

Е. БАБКИН,
фото Ю. МУРАВИНА

УЧАСТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Единственный случай, когда в состав Российской Академии наук был избран ученый, не имевший высшего образования, произошел в 1830 году. Этим человеком был Петр Григорьевич Соболевский.

Нам интересно вспомнить о его жизни хотя бы потому, что она во многом была связана с Уралом.

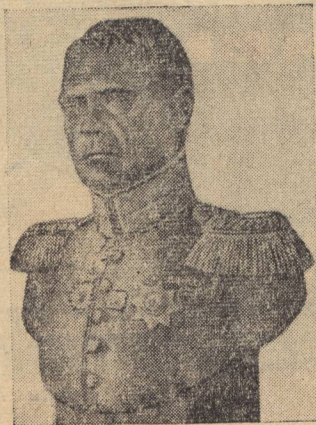
Родился П. Г. Соболевский 4 февраля 1782 года. Окончил шляхетский кадетский корпус, но карьера военного пришлось ему не по душе и он, прослужив в лейб-гвардии шесть лет, вышел в отставку и поступил сначала переводчиком в Коммерц-коллегию, а потом перешел в Комиссию составления законов, возглавлявшуюся М. М. Сперанским.

К этому времени он увлекся техническими проблемами — в 1812 году разработал проект установки для сухой перегонки древесины, так называемый термоламп. (Установка эта предназначалась для освещения и отопления зданий с помощью извлечением продуктов перегонки угля, дегтя, уксуса.) А спустя три года П. Г. Соболевский переехал на Урал, на Пожвинский завод, принадлежавший В. А. Всеволожскому.

Здесь, на передовом предприятии своего времени, где он работал сначала механиком, а потом управляющим, блестяще раскрылся незаурядный инженерный талант изобретателя. Осенью 1816 года им введен в действие термоламп для освещения газом производственных мастерских, то есть было положено начало введения газового освещения в России. В 1817 году — осуществлены первые отечественные опыты по усовершенствованию способа получения железа из чугуна, известного под названием пудлингового. В 1815—1817 годах сооружены первые пароходы Волжско-Камского бассейна.

Возвратившись в 1824 году в Петербург, Петр Григорьевич

поступил в Горный кадетский корпус (ныне Ленинградский горный институт) первоначально помощником архитектора, а затем руководителем соединенной лаборатории — единственного в то время в России научно-исследовательского центра по горному делу.

Здесь, в содружестве с преподавателем металлургии В. В. Любарским, Соболевский разработал новый, широко доступный способ получения ковкой платины, чего не могли достичь ученые многих стран, а также положил начало порошковой металлургии, которая широко применяется и ныне при получении твердых сплавов и металлокерамических изделий.

За разработку метода получения ковкой платины и других оригинальных научных работ в области металлургии драгоценных металлов, Петр Григорьевич и был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук.

В последующие годы П. Г. Соболевский много и плодотворно трудился в различных областях науки и техники. «Кудесником платины» называли его металлурги. «Первым инженером Европы» именовал всемирно известный немецкий

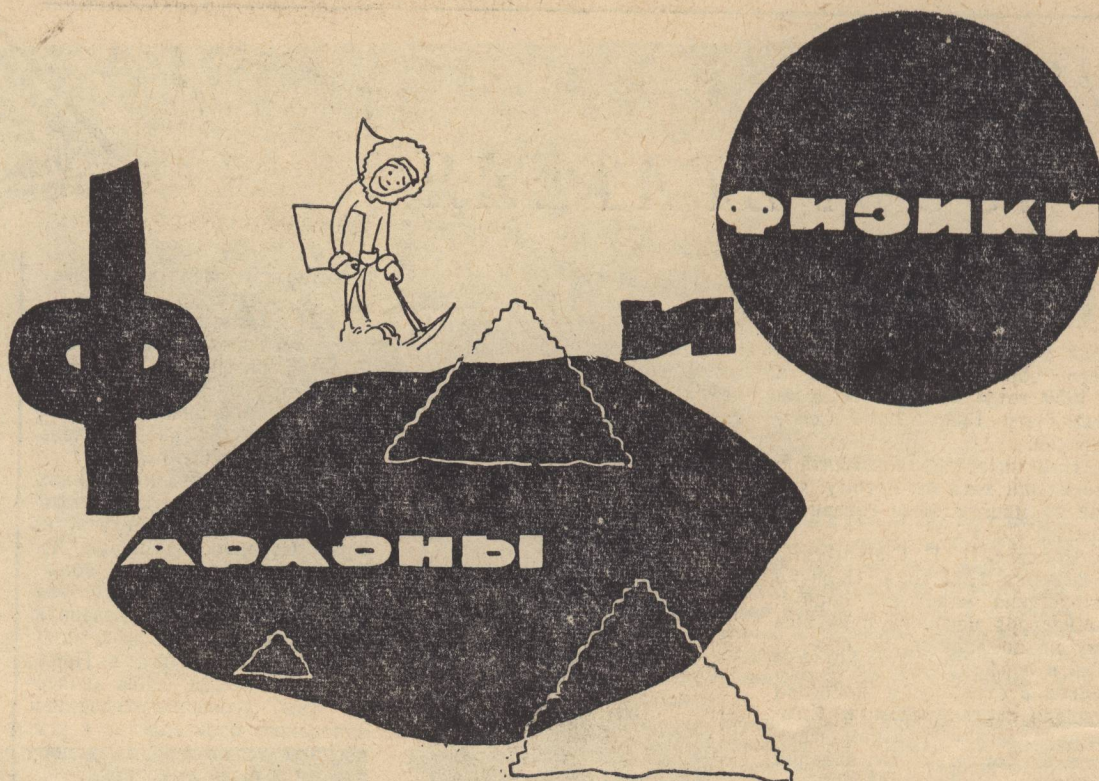
естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт.

В Пермском областном архиве мне посчастливилось обнаружить интересные материалы, — переписку по делу «об обидах», причиненных Петру Григорьевичу заводоладельцем В. А. Всеволожским.

Говоря о целях и причинах, побудивших изобретателя покинуть столицу и переехать на Урал, Соболевский пишет, что Всеволожский «самыми обольстительными обещаниями убедил меня, оставя казенную службу и занятия мои, приехать из Петербурга в Пермские его заводы, дабы заняться там усовершенствованием заводского производства и устройством всякого рода машин», что им и было выполнено.

Видя незаурядный талант молодого инженера, получающего явную выгоду от успехов изобретателя, Всеволожский не скупился на обещания о достойном вознаграждении. «Доколе занятия мои,—указывает Петр Григорьевич в прошении на имя министра юстиции,— не были еще приведены к концу, Всеволожский превозносил меня похваляясь перед всеми, посещавшими заводы его, и не переставал делать мне разные обещания». По окончании же намечавшихся работ в июле 1817 года, когда Соболевский решил покинуть Пожву, Всеволожский оставил изобретателя ни с чем. «Но когда уже все было мною кончено и дело пришло к расчету,—с большой обидой вспоминал Петр Григорьевич,—то он, г. Всеволожский, поступил со мною так неблагоприятно, что я получил отказ даже в одной паре лошадей, принужден был с семейством своим выйти с завода его пешком и без копейки денег». С большими трудностями удалось П. Г. Соболевскому, имевшему на руках малолетних детей, добраться до Перми.

П. КАЗАНЦЕВ

или история о том, как египетский фараон увенчал Нобелевской премией американского физика и что из этого получилось.

Л. КЛЕЙН, археолог

Рисунки Ю. Григорьева

„Прекрасны пути Сенусерта...“

Фараон Сенусерт III царствовал в Фивах, древней столице Египта, почти пять тысяч лет тому назад. Это был пятый фараон двенадцатой династии — сильный, алчный и суеверный. Он приказывал надписывать имена врагов на глиняных горшках, а затем разбивать горшки: фараон верил, что такими магическими приемами скорее погубит своих врагов. Судя по результатам его походов, он, однако, уповал не только на разбивание горшков, но и на хорошо вооруженное войско. За несколько лет он покорил Нубию, отодвинув далеко на юг египетскую границу, и последующие фараоны почитали его как бога в храмах Нубии, ибо именно с тех пор толпы черных рабов и потоки золота

потекли в Египет из «подлой страны Куш», — как называется Нубия в надписях фараонов. Сенусерт повелел пробить канал в гранитных скалах в обход Нильских порогов и на скале острова Сехель высечь: «Прекрасны пути Сенусерта, да живет он вечно». Заклинание не сбылось: Сенусерт был, как и все люди, смертен. Он умер в 1839 году до нашей эры и был похоронен в пирамиде, возведенной на высокой скале над столицей. У южной стены пирамиды были закопаны десятиметровые ладьи, на которых Сенусерту и его свите предстояло отплыть в царство мертвых...

Современный алхимик

Американский ученый доктор Уилард Фрэнк Либби — наш современник, специалист по ядерной физи-

ке. Это человек науки, трезвый и наблюдательный, погруженный в сухие расчеты, далекий от всякой магии, хотя занимается он тем, что в средние века не без оснований отнесли бы к алхимии, — превращением одного химического элемента в другой. Правда, в отличие от прежних алхимиков Либби не пытался найти «философский камень», способный превращать любой металл в золото. Он превращал азот в углерод. В одной из лабораторий Чикагского университета день за днем, год за годом Либби ставил опыты, в которых атомы азота, подвергнутые бомбардировке нейтронами, превращались в атомы углерода, но не обычного углерода, а его радиоактивного изотопа — не с 12 электронами на орбитах вокруг ядра, а с 14 (то есть не C^{12} , а C^{14}). Радиоактивный изотоп углерода, как и всякий радиоактивный элемент, возник-

нув, тотчас начинает распадаться, причем с постоянной скоростью, испуская электроны и образуя вновь азот. Измерениями и расчетами Либби старался уточнить скорость этого распада. Получалось, что каждая порция радиоактивного углерода должна уменьшиться наполовину за 5568 лет (это время называется «периодом полураспада»), оставшаяся часть — снова наполовину за такое же время, и т. д.

Конечно, проводя исследования, всякий ученый ждет и надеется, что они приведут его к интересному и важному открытию — на то он и ученый. Но вряд ли, приступая к своим опытам, Либби мог предполагать, что именно знакомство с фараоном Сенусертом завершит открытие, которое принесет ему, Либби, мировую славу и будет увенчано одной из самых высоких международных наград — Нобелевской премией!

Ладья фараона

Погребальной ладье, предназначенной для переправы фараона Сенусерта III в царство мертвых, суждено было переплыть не воображаемый океан, отделяющий мир живых от мира мертвых, а действительный океан — Атлантический, отделяющий Америку от Европы и Африки. Когда в 1894 году французский археолог Жак де Морган раскопал руины пирамиды Сенусерта III, он нашел великолепные золотые сокровища, взятые Сенусертом в могилу (вот куда пошло нубийское золото!), и деревянные ладьи — три, сохранившиеся почти целиком, и обломки пяти других. Из трех целых две остались в Каирском музее, а третью приобрел Музей истории естественных наук в Чикаго. Она по сей день находится в одном из залов этого музея. Здесь-то ее и увидел физик Либби...

Блестящая идея

Как приходит в голову талантливому ученому блестящая идея, — трудно сказать, но когда она уже пришла и обнародована, остается лишь удивляться, почему она не приходила в голову раньше всем, кто занимался в этой области науки. Бомбардируя атомы азота нейтронами, Либби в сущности воспроизводил в своей лаборатории то, что происходит повседневно в природе: в верхних слоях атмосферы азот воздуха подвергается непрерывному воздействию космического излучения. А что такое космическое излучение? Это поток нейтронов, с бешеной скоростью несущихся от солнца. Вот вам и бомбарди-

ровка атомов азота нейтронами — совсем как в лаборатории Либби...

Но это значит, что в верхних слоях атмосферы должны происходить те же реакции, что и в лаборатории доктора Либби, — должен образовываться радиоактивный изотоп углерода C^{14} . Обнаружить его было очень трудно. Куда же он девается? Оказалось, разносится ветрами по атмосфере и примешивается к обычному углероду атмосферы, но в ничтожных количествах: 1 атом радиоактивного изотопа на 10 миллиардов атомов обычного углерода. Попробуй обнаружить!

Но современные приборы позволяют обнаружить и измерить такие и даже еще более микроскопические дозы радиоактивных веществ. И Либби обнаруживал и измерял. В воздухе есть? Есть. В воде есть? Есть. Но если есть в воздухе, значит должен быть и

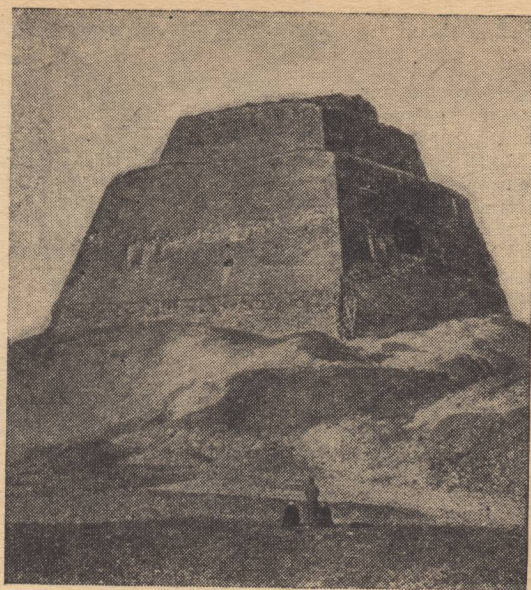

в растениях: ведь в состав их клетчатки входит углекислота, полученная из воздуха, а в углекислоте должен быть и наш изотоп углерода. Есть? Есть. А если есть в растениях, значит, должен быть и в телах животных: ведь клеточки их тела образуются из переработанной пищи — животной и растительной. И это тоже подтвердилось!

Пока растение и животное живы, дышат и питаются, в их организмы все время поступает свежий радиоактивный изотоп углерода, пополняя ту убыль, которая образуется от радиоактивного распада. И только когда дерево будет срублено, птица подстрелена, человек умрет — поступление свежего радиоактивного углерода в организм прекратится, а тот, который накопился, будет постепенно распадаться и исчезать: через 5568 лет его останется половина от нормального (для живого организма) количества, через 11136 лет (5568×2) — четверть, через 16704 (5568×3) — одна восьмая и так далее.

И вот тут-то ученого осенило! Ведь если реальна такая арифметическая задача, то мы вправе ставить и решать также противоположную задачу — зная, какое количество радиоактивного углерода сохранилось в уголке или обломке кости, высчитать, как давно сгорело это дерево или погибло животное. Определить исторический возраст! В таком случае человечество получает сильнейший инструмент для проникновения в минувшие эпохи.

Насколько это может уточнить работу геологов, занимающихся историей верхних слоев земной коры, археологов, изучающих древнейшие эпохи человечества, палеонтологов, исследующих развитие

Пирамида
египетского
фараона.

животного и растительного мира!

Но как проверить, оправдывается ли эта смелая гипотеза? Вот когда понадобился фараон Сенусерт III.

Эстафета через тысячелетия

Этот фараон, и вообще-то заметная фигура в египетской истории, оказался особенно примечателен для историков Египта благодаря одному чисто случайному обстоятельству. Оно выдвинуло Сенусерта III на первое место среди всех фараонов, пусть даже еще более значительных в свое время по могуществу и славе. Фараоны нередко заставляли высекать свои постановления на камне. Многие тысячи таких надписей попали в руки археологов. Но только одна из них (она найдена в Кахуне и получила потому название «Кахунский декрет»), сама по себе сравнительно мало важная, содержит очень ценное для историков упоминание о разливе Нила 16-го числа 8-го месяца в 7-й год царствования Сенусерта III.

Именно это упоминание стало главным стержнем, на котором держится египетская хронология. Именно благодаря этому упоминанию мы знаем, сколько времени отделяет

нас от того или иного египетского фараона. Дело в том, что хорошо передана в древнеегипетских хрониках только последовательность династий и фараонов, а вот продолжительность каждого царствования древнеегипетские историки исчисляют по-разному, запутывая современных ученых.

Помогла одна ошибка древних египтян. Они, создав четкий календарь для организации сельскохозяйственных работ, поначалу неверно определили продолжительность года: в их календаре 365 суток, а на деле в году $365\frac{1}{4}$ суток — египтяне не имели високосных лет.

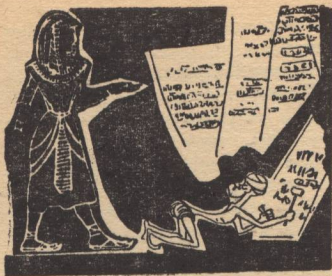
За четыре года накапливались сутки расхождения, за 8 лет — двое суток, за 12 лет — трое и т. д. Календарный Новый год, приуроченный к летнему разливу Нила, все больше убежал вперед, переходя на другие сезоны года, пока, наконец, через 1460 лет (365×4) не возвращался, обещав весь круг, к прежнему сезону и дню.

Но по календарю египтяне должны были определять, когда ожидать разлива Нила, когда сеять, когда жать. Все это сбивалось и путалось. Пришлось обратиться непосредственно к астрономическим наблюдениям: определять время года по звездам. Египтяне заметили, что первое появление

звезды Сириус из-за горизонта после долгого отсутствия (часть года она в Египте не видна) совпадает с разливом Нила. Получилось два Новых года: один реальный и постоянный — всегда в одно время года (разлив Нила, восход Сириуса), другой календарный, передвижной (то летом, то весной и так далее).

Но бывало, что оба Новых года совпадали. Как часто повторялся этот день? Конечно, раз в 1460 лет! Вот какой это был редкий и большой праздник! Какое государство, какой народ может похвастаться тем, что дважды в своей истории сумел отпраздновать столь редкий праздник? Ведь такая устойчивость традиций означала бы в наши дни исполнить предписание, выданное до образования империи Карла Великого и Киевской Руси, в годы Хлодвиг и Юстиниана. Эстафета через полторы тысячи лет... А древние египтяне отмечали этот праздник несколько раз!

Один такой праздник египтяне справляли в римское время, и римляне аккуратно отметили эту дату — по нашему это будет 19 июля 139 года нашей эры. За 1460 лет до того Сенусерт был уже давней историей: уже готовился вступить на престол знаменитый Рамсес II. Следовательно, предшествующий праздник приходится на 2781-й год до нашей эры. Но этого праздника Сенусерт не застал: при Сенусерте Новый год уже не совпадал с разливом Нила и восходом Сириуса, убежав вперед на 7 месяцев и 15 дней, то есть на 225 дней. Расхождение в 225 дней должно было накопиться за 900 лет, да еще 10 лет накопилось оттого, что у египтян вначале год был еще на 5 дней короче (12 месяцев по 30 дней), значит 7-й год царствования Сенусерта III — это 1871-й год до нашей эры, а первый год — 1878-й. Поскольку его предшественники из XII династии — все эти Аменемхеты и Сенусерты с различными порядковыми номерами — царствовали в общей сложности 113 лет, начало династии падает скорее всего на 1919-й год до нашей эры. Таким образом, именно даты царствования Сенусерта III — первые наиболее прочно привязанные к нашему времени даты египетской истории.

Значит, измерение радиоактивности древесины из его лады — лучшая проверка для гипотезы Либби.

Победа!

Почти пять тысяч лет тому назад лады фараона Сенусерта ушли в песок у стен пирамиды — немногим меньше периода полураспада. Значит, радиоактивность лады должна составлять несколько более половины радиоактивности живого дерева.

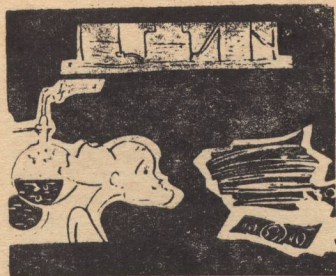
С замирающим сердцем вслушивались ученые в стук счетчиков радиоактивного распада. При измерении только что срубленного дерева счетчик зафиксировал 12 распадов в минуту на грамм углерода. Теперь самое волнующее. В камере — уголь от лады Сенусерта. Счетчик стучит почти вдвое реже — в среднем получается 7 распадов. Победа!

Прибывают балки из пирамид более древних фараонов — Джосера и Снофру. Оба жили почти за тысячу лет до Сенусерта III, и радиоактивность этих балок заметно меньше.

Эти первые измерения, сделанные почти 20 лет тому назад, сейчас кажутся уже грубыми, неточными, расчеты — наивными. Приемы измерений теперь доведены до высокой степени совершенства. В мире работает более 50 лабораторий радиоуглеродной хронологии, так был назван метод доктора Либби, в СССР таких лабораторий 6. Уже накоплены результаты примерно 50 тысяч измерений, к ним прибавляется по 2 тысячи в год.

Теперь радиоуглеродное определение возраста той или иной находки — уже не исключительное событие. Со всех концов страны шлют археологи и палеонтологи свои образцы из раскопок в лаборатории Москвы, Ленинграда, Тарту и Тбилиси.

Вот в Ленинградскую лабораторию прибывают два образца с Урала от археолога К. В. Сальникова: древесина от плаха погребя бронзового века (раскопки близ села Боборыкино) и из настила над могилой в «Царевом кургане». Вскоре из лаборатории отправляется ответ: первый образец имеет возраст примерно 3420 лет, то есть относится к XV веку до нашей эры, вто-

рой насчитывает «от роду» примерно 1620 лет, то есть относится уже к 1-й тысяче нашей эры.

В Америке это дело ставится на широкую коммерческую основу: некоторые лаборатории за доллары датируют кому угодно что угодно, за каждый образец извольте уплатить от 100 до 200 долларов. Между прочим, недешево...

Дело дошло до того, что группа американских школьников — любителей физики — смастерила самодельную установку радиоуглеродного определения возраста.

Гром с ясного неба

На фоне этих успехов особенно поражают неожиданные признания видных специалистов по радиоуглеродному методу. Речь идет о странной возможности: в самое ближайшее время основы метода могут рухнуть, а построенная этим методом хронология — опровергнута.

Источником этого смятения явилась сравнительно молодая и еще не очень опытная наука — археология, которую долго третировали ее старшие сестры в семье наук и как только ее ни называли: «наука лопаты», «наука о битых горшках», «наука безграмотных», «изучение недостоварного легковверными» и даже «то, чего никто не знает о людях, которые никогда не существовали»...

Но они существовали. От них остались руины крепостей и могилы, горшки и кости, бусы и стрелы, монеты и топоры. Все это вещи достоверные, которые можно осмотреть и пощупать, попробовать на вес, и, если угодно, даже на зуб. Добывая и анализируя эти вещи, археологи изучают историю.

Легковверны ли археологи?

Археологи очень обрадовались успехам физиков. Сами они, конечно, тоже строили хронологию, своими средствами. Разумеется, более грубую и с огромным трудом. Для них тоже в значительной мере опорой служила хронология египетских фараонов, а в основе хронологии лежало изучение древней торговли.

Скажем, раскопана гробница на Крите — к какому она времени относится? Ищи, не найдется ли в ней какой-нибудь привозной египетской вещицы и посмотри, ко времени какого фараона такие вещи относятся в Египте. Может быть, даже на самой вещи окажется имя фараона. Не нашлось такой импортной вещи в могиле? Что ж, раскопай вто-

рую такую же, может быть, десятую, двадцатую... Ну, а если надо определить возраст гробницы, раскопанной на материке, в Греции? Прямой торговли у греков с Египтом долго не было. Но зато была торговля с Критом — ищи в Греции критские вещи, а уже те получают дату по критским могилам, в которых такие вещи встречаются вместе с египетскими. А если тебя интересуют племена Дуная — разыщи следы их торговли с древними греками. И так далее — археологи вяжут сложную хронологическую сеть вплоть до Скандинавии и Урала.

Но вот физики пришли на помощь и... объявили, что согласно показаниям их приборов, все европейские памятники медного века на тысячу лет старше, чем их определяли археологи. А многие находки Средней Азии — наоборот, на тысячу и полторы тысячи лет моложе, чем считалось.

Позвольте, а как же торговля? Выходит, что какие-то племена торговали с далекими предками или, наоборот, потомками своих соседей, перескакивая через тысячелетия? Но ведь ни с покойниками, ни с людьми будущего торговать невозможно. Торгуют только живые с живыми!

С возражениями физикам выступил археолог Владимир Милойич, за ним другие...

Конечно, мы не можем ругаться за большую точность в определении длительности

торговых связей. Сколько времени шло изделие от ремесленника до продавца и дальше — до покупателя, сколько времени служило ему и его детям или внукам, пока не попало в могилу, — все это мы прикидываем на глазок. Пожалуйста, уточните наши грубые расчеты, исправьте наши цифры на несколько десятков лет, ну на век-полтора. Но на тысячи лет — уж это извините!

Некоторые исследователи ищут возможности грубых ошибок в хронологии, построенной археологами. Я тоже проверял эту постройку, и мне она представляется в основном прочной.

Но давайте обратимся к теоретическим основам радиоуглеродного метода — здесь явно не все в порядке!

Гипотеза — еще не факт!

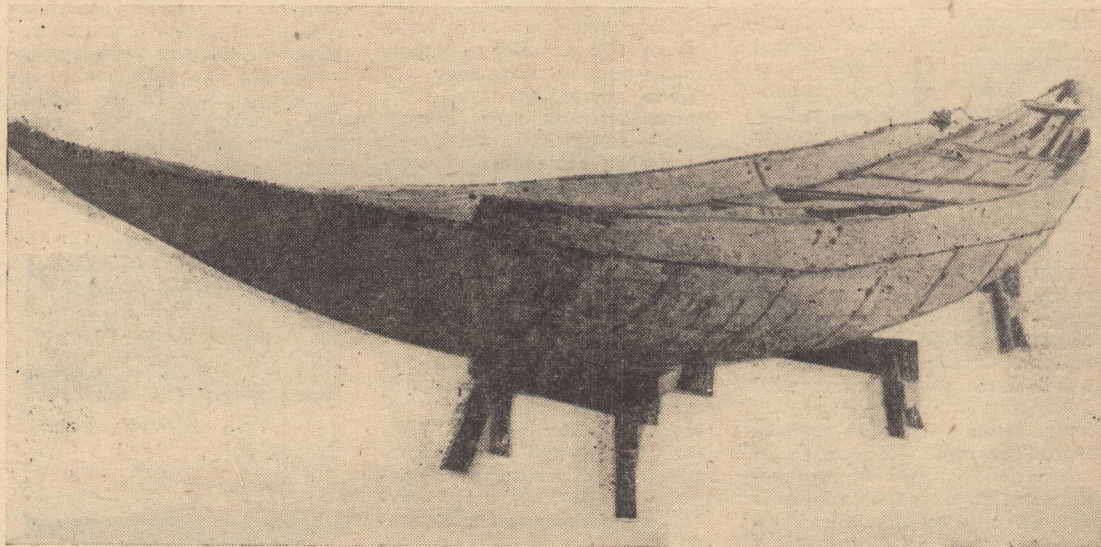
Я преклоняюсь перед талантом доктора Либби, восхищаюсь красотой, изяществом его гипотезы, но гипотеза — это еще не факт!

Несколько лет тому назад радиохимик Зюсс высчитал, что деревья, срубленные сто лет назад, более радиоактивны, чем современные. Но ведь они должны быть менее радиоактивны — в них уже сто лет происходит невосполняемый распад! Откуда же более высокая радиоактивность?

Зюсс нашел причину: окисляется, за сто лет паровозы и пароходы, заводы и фабрики выбросили с дымом в воздух массы топлива со старым углеродом, практически уже давно лишившимся радиоактивности. Этот старый углерод теперь составляет 13 процентов всего углерода атмосферы — концентрация радиоактивного углерода в атмосфере за сто лет заметно разбавилась. А ведь это не было учтено — считалось, что прежде концентрация была такой же, как сейчас! Пришлось физикам вносить поправку на 240 лет во все определения.

Но где гарантия, что дело ограничится этой поправкой?

Скорость образования радиоактивного углерода в атмосфере зависит от густоты космических лучей, а космическое излучение, как и все солнечное излучение в целом, не остается постоянным — это видно хотя бы по резким изменениям климата. Археологи и палеонтологи хорошо знают, что за несколько тысяч лет до нашей эры в Европе водились более теплолюбивые животные, а лиственные леса уходили далеко на север. Значит, солнечное излучение было тогда более сильным. И концентрация радиоактивного углерода в атмосфере — тоже. Были и обратные колебания температуры — об этом свидетельствуют следы оледенения.

Ладья, в которой Сенусерт собирался отбыть в царство мертвых.

Физики к подобным рассуждениям относятся скептически: это тоже теоретические соображения, еще одна гипотеза. Гипотеза против гипотезы? Верно. Но эта, вторая, гипотеза, отрицающая первую, вдруг нашла сильное и неожиданное подтверждение.

Потерянное тысячелетие

Еще в первые годы появления радиоуглеродного метода американец Робертс из любопытства подсчитал все накопившиеся даты, распределив их по тысячелетиям: по сколько приходится на каждое. И удивился: находок, которые бы датировались IV тысячелетием до нашей эры, не оказалось. Есть более ранние, много более поздних, а этих нет. Почему? Робертс предположил, что на это время Америка опустела: все население куда-то ушло, а потом вернулось. С какой стати — непонятно. Недавно другой американец, Елинек, повторил затею Робертса, но уже собрав даты со всего мира. И снова тот же результат: пустота в IV тысячелетии до нашей эры. Что же, на это время исчезло население всей земли? Улетало на Марс, а потом вернулось? Чепуха, конечно!

Но если люди в это время жили на земле, как раньше и позже, то среди многих тысяч находок должны, обязательно должны быть и находки этого времени. Должны встречаться даты IV тысячелетия до нашей эры — куда же они девались?

А они сместились, ушли в другое тысячелетие — вот единственное возможное объяснение этой загадки. Сместились из-за ошибки в наших

расчетах, из-за того, что мы отсчитываем распад от уровня, равного современному, а он был в IV тысячелетии до нашей эры другим, более высоким, чем современный и предшествующий. Почему? Да потому, что солнце тогда светило ярче!

Магнитное поле земного шара отклоняет космические лучи. Но сейчас известно, что две тысячи лет тому назад магнитное поле земли было на 65 процентов сильнее современного и, значит, резче отклоняло лучи, уменьшая образование радиоактивного углерода. Вот вам еще одно смещение!

В спор вступает география

Но это — смещения, сдвигающие даты в одну и ту же сторону сразу на всей земле. А ведь физики исправляют даты раз-

ных областей по-разному: даты Европы сдвигают в одну сторону (удревяняют), даты Средней Азии — в другую (омолаживают). С чего бы это?

Оказывается, и географическое распределение радиоактивного углерода по земному шару не такое уж равномерное. Я уже отмечал, что магнитное поле земли отклоняет космические лучи. В результате часть тех лучей, которые должны были бы попасть на экватор, отклоняется к полюсам, а это приводит к тому, что у полюсов радиоактивного углерода образуется в 4 раза больше, чем на экваторе.

В атмосферу постоянно поступает не только радиоактивный углерод, но и обычный, причем не только из труб фабрик и заводов. Дело в том,

что 9/10 всего углерода околоземного пространства растворено не в атмосфере, а в океане. Но ветры разносят его из океана в разные уголки земного шара по-разному. В атлантические зоны Европы поступает много старого углерода — и европейские находки становятся у физиков древнее, чем на самом деле. Пустынь Средней Азии океанские ветры не достигают, и содержание радиоактивного углерода в находках оказывается выше средней нормы — находки как бы омолаживаются.

История, астрономия, физика, радиохимия, археология, палеонтология, география — вот сколько наук вдруг оказалось завязано в одной проблеме!

„То, чего никто не знает“...

Я назвал лишь несколько искажающих эффектов. На самом деле их десятки. Но ведь все расчеты физиков построены на допущении, что концентрация радиоактивного углерода в атмосфере была всегда и везде такой же, как сейчас. Если же она не везде одинакова, то надо внести поправки по районам. Если же она была иной, то радиоактивный распад начинался с другого уровня и все отсчеты надо вести от других цифр. И пусть бы так — это бы еще полбеды, если бы этот прежний уровень был нам известен. А он пока неизвестен. Мы не знаем, на сколько первоначальные цифры смещены всеми искажающими факторами. И, видимо, не скоро узнаем, так как эти расчеты очень сложны и многое нам пока неизвестно.

Так кто же прав — физики или археологи? Спор продолжается. Недаром говорят, что истина рождается в споре...

Есть люди, которых в народе уважительно называют мастерами на все руки. А руки этих людей зовут золотыми. За что ни возьмется такой человек, все у него получается ладно и складно.

Золотые руки были и у Ивана Никаноровича Ситникова, рабочего ложевой мастерской Ижевского завода.

...Было это давно, вскоре после отмены крепостного права. Подростком, как и другие дети мастеровых, пришел Ваня на завод. Вместе с ними проходил суровую школу обучения мастерству. Впрочем, об этой «школе» один объективный автор того времени писал: «...весьма немногие из малолетних рабочих научатся теперь чему-нибудь на фабрике в смысле техники оружейного дела, но в то же время остаются непременно безграмотными».

Памятник основателю Ижевского завода
А. Ф. Дерябину. Работа скульптора-самоучки И. Н. Ситникова.

В числе этих весьма немногих оказался Ваня Ситников. Трудолюбивый и сметливый, он преодолел трудности, стал хорошим слесарем, научился и грамоте. Как ни тяжел и утомителен был долгий рабочий день на заводе, однако и дома не любил Ваня сидеть сложа руки. Увлёкся новым тогда делом — фотографией — и вскоре стал снимать так хорошо, что одно время был заводским фотографом.

Но особенно влекло Ивана к живописи. Еще в детстве частенько доставалось ему от родных за чщепренную угольными рисунками кухонную печку. Позднее научился владеть кистью, акварельными и масляными красками. От-

ХУДОЖНИК ИЗ МАСТЕРОВЫХ

сутствие необходимых художественных и прочих знаний Ситников восполнял чтением, при- страившись к нему, как и к рисованию, на всю жизнь. Впоследствии его не раз избирали членом совета бесплатной библиотеки, возникшей на заводе в 1898 году.

В занятиях рисованием и живописью помогали Ивану природная наблюдательность и выработавшаяся в труде точность и твердость руки. Провести час-другой у самодельного мольберта было для него лучшим отдыхом. Сначала больше копировал по репродукциям картины Шишкина, Перова, но немало писал и с натуры — в лесу, на пруду, на пасеке. Неплохо получались у Ситникова и портреты, в том числе скульптурные. У внуки Ивана Никаноровича, В. А. Платоновой, живущей в Ижев-

Иван Никанорович Ситников — ижевский рабочий, художник-самоучка (1855—1919).

ске, среди многих других работ деда хранится миниатюрный бюст Н. А. Некрасова, мастерски исполненный в гипсе.

В 1900 году в мансарде главного заводского корпуса, украшенного башней, был открыт театр, организованный кружком любителей из числа рабочих и служащих. Душой кружка был заведующий ложевой мастер-

ской И. Л. Васильев, непосредственный начальник Ивана Никаноровича по службе. Человек прогрессивных взглядов, широко образованный, Васильев своей просветительской деятельностью и человеческим обращением с рабочими вызывал к себе повышенный «интерес» полицейских чинов. Несмотря на контроль, установленный местными властями, в репертуаре театра, наряду с пьесками Шпагинского, Салова и других вполне благонамеренных авторов, время от времени появлялись и такие вещи, как «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского, «Мещане» А. М. Горького. В глухом захолустье, каким был тогдашний Ижевский завод, деятельность театрального коллектива, хотя бы и любительского, имела большое культурное значение.

Этому успеху в немалой степени способствовал и Ситников — постоянный художник-декоратор театра. Подолгу, иногда далеко за полночь, просиживали Васильев и Ситников за обсуждением эскизов декораций и костюмов. Зато частенько, как только поднимался занавес, в зале сразу раздавались аплодисменты: зрители выражали свое восхищение мастерством художника.

1907-й год был для ижевских оружейников юбилейным: исполнилось сто лет со дня основания завода. Комиссия, созданная для проведения юбилейных торжеств, в числе мероприятий наметила сооружение памятника основателю завода, выдающемуся горному деятелю А. Ф. Дерябину (1770—1820). Составление проекта будущего памятника поручили И. Н. Ситникову. По имевшемуся в заводоуправлении старинному портрету Дерябина он вылепил глиняную модель бюста, который затем отлили в чугуна.

Труд художника-самоучки был оценен заводским начальством весьма скромно. В отчете юбилейной комиссии, сохранившемся в архиве, имеется документ от 16 июня 1907 года «о выдаче из Ижевского казначейства мастерскому ложевой мастерской Ижевских заводов Ивану Никаноровичу Ситникову семидесяти рублей. За изготовление проекта и модели памятника и наблюдение за формовкой памятника».

Ивану Никаноровичу посчастливилось дожить до Октябрьской революции. Свободная жизнь, пришедшая в рабочий Ижевск, дала престарелому художнику новый источник вдохновения. В 1919 году, после окончательного освобождения Ижевска от белогвардейцев, культурная жизнь города забила ключом. Номера газеты «Ижевская правда» пестрели информацией о лекциях, концертах, о новооткрытых школах и клубах, о сборе экспонатов для создаваемого краеведческого музея.

В помещении бывшего Гражданского клуба открылся Народный дом. В нем, по примеру прошлых времен, организовали любительскую театральную труппу. Другим был состав актеров-энтузиастов, коренным образом изменился репертуар, в котором главное место заняли теперь пьесы революционного содержания. Но вся художественная часть — изготовление декораций, бутафории, украшения зрительного зала и фойе — по-прежнему лежала на Ситникове. Работы было много: чуть не еженедельно ставились новые пьесы, только успевая готовить оформление. Однако Иван Никанорович казался неутомимым, хотя преклонные годы и резко пошатнувшееся здоровье все чаще давали о себе знать.

Приближалась вторая годовщина Октябрьской революции. В течение двух недель Ситников написал свыше двадцати больших по размеру портретов деятелей революции. Этими портретами были украшены фасады зданий и выстроенная на центральной, Советской, улице триумфальная арка. Кроме портретов Иван Никанорович исполнил шесть больших плакатов-панно и более тридцати знамен и транспарантов для предстоящей (первой в Ижевске!) октябрьской демонстрации.

Этот труд был «лебединой песнью» художника-самородка.

Вскоре, 2 декабря 1919 года он умер, немного не дожив до 66 лет (он родился 24 января 1855 года). В день похорон «Ижевская правда» посвятила ему некролог, в котором между прочим говорилось: «Местный театр понес с его смертью огромную утрату, лишившись неутомимого, энергичного и идейного пролетарского художника».

В свое время А. Ф. Дерябин, говоря об ижевских оружейниках, восхищался их умением, искусством и подлинным мастерством. Таlantливый ижевский мастерской Иван Ситников — яркий тому пример.

О. СЕВРЮКОВ, преподаватель культпросветшколы

В ГАЗЕТАХ

50 ЛЕТ
НАЗАД

Три-четыре строчки газетной хроники, а за ними подчас целая панорама жизни страны... О чем же писали газеты в том памятном 1917 году? Итак, в этом номере — январь,

„Зауральский край“

Екатеринбург

2 января. Редкий юбилей. На днях исполняется редкий для провинции юбилей — 40-летие книжной торговли в Перми О. П. Петровской. Книжный магазин Петровской долгие годы является на Урале единственным крупным магазином, обслуживающим не только Пермь, но и всю губернию. Поэтому и юбилей магазина Петровской вместе с тем и юбилей книги в нашем крае.

8 января. К студенческому вечеру. Сегодня студенческий вечер. Многословные комментарии к этим словам излишни.

Кто не знает, в каком холоде и голоде приходится работать сотням и сотням тех, кто пробется к намеченной цели.

Все знают, и сборы студенческих вечеров доказывают это общее знание, эту чуткую отзывчивость екатеринбуржцев к студенческим нуждам.

11 января. Обыски и аресты. Обыски и аресты рабочих проходили в эти дни в Сормо-

Иван АКУЛОВ,
Лев СОРОКИН

уже давно мучила жажда. Во рту пересохло, было мучительно больно глотать вязкую, как клей, слюну. Сентябрь не остудил зноя пустыни. А раскаленная фляжка давно пуста! И все же Леонид Кравченко попытался повернуться на спину, чтобы еще раз заглянуть в опрокинутую фляжку: а вдруг в ней таится хоть капелька тепловатой воды!

56 Незаживающая язва от укуса москита, которую в простонародье зовут пендинкой, прилипла к пыльной потной гимнастерке. При движении

боль пронзала тело. Леонид невольно приподнялся, приподнялся на миг, чтобы избавиться от боли, но развалины старой крепости сразу же ошетились огнем.

Пули зарылись в нескольких сантиметрах от головы. Видно, басмачи, засевшие в крепости, хорошо пристреляли английские скорострельные винтовки.

Леонид выругался и выплюнул набившийся в рот песок. Было обидно, что на второй день непрерывной погони прорвавшаяся из-за рубежа банда раньше их захватила торчащие на такыре развалины старой крепости.

Басмачей было девятнадцать, а пограничников только восемь.

Сто десять километров, пройденные по бездорожью, измотали и людей, и лошадей. Надо было что-то предпринимать. Без воды в пустыне долго не пробудешь. А вода в крепости. У басмачей. Старая яма с остатками дождевой воды. Но она позволяла бандитам несколько дней отсиживаться под защитой древних стен.

Помощник начальника заставы собрал за барханами бойцов.

— Выход один, — устало и как-то буднично сказал он, — забросать их гранатами. Плохо, что надо ползти по открытой местности. Кто пойдет?

Леонид Кравченко мысленно прикинул расстояние.

— Разрешите мне!

Командир внимательно оглядел бойца: воспаленные от бессонницы и пыли веки, черный рот, красные глаза. Боец с соседней заставы, но обе заставы входили в состав одного пограничного отряда, и командир слышал о находчивости этого парня.

— Разрешаю! — коротко бросил он. — Остальные по местам!

Леонид зажал в руках гранаты.

Старая крепость выжидала. Басмачи не понимали, почему пограничники прекратили атаки. Тишина действовала им на нервы. Вот над дувалом показалась лохматая папаха. Пуля сразу же пробила ее. Владелец папахи выкатился в провал дувала, раскинув руки. К небу запрокинулась тощая

бородка. По халату потекли струйки песка.

Пограничники открыли по развалинам прицельный огонь.

«Пора! Под этим прикрытием можно ползти!» Леонид перекатился через гребень бархана. Он полз, зорко следя за вспышками, опоясывающими крепость.

Его заметили. Пули взбивали фонтаны песка совсем рядом. «Надо притвориться мертвым. Притвориться надолго, чтоб поверили...» Руки устали сжимать гранаты. Мышцы окаменели. Но надо лежать недвижно! Лежать и ждать, пока басмачи про него не забудут.

Многое вспомнилось Леониду, когда он лежал, раскинув руки на раскаленном песке. Вспомнилось, как приходил к ним недавно старый заслуженный пограничник с боевыми орденами на груди и рассказывал об истории отряда. Не думал Леонид, что все, о чем говорил старый пограничник, может повториться.

...Восемь лет назад, весной 1923 года, вышли на границу три эскадрона кавалерийского полка ВЧК. Этот мартовский день стал днем рождения погранотряда. И с первых же дней началась борьба с басмачами. Борьба жестокая и кровопролитная.

«Хорошо бы припомнить, как тогда определил басмачество почетный гость, — Леонид на минуту прикрыл глаза. — Ага, басмачество — наиболее зверская форма политического бандитизма. Точнее не скажешь». Басмачи вырезали селенья и заставы, прервали поступление хлеба на юг страны, не давали вывозить хлопок. Кровь и горе — вот что приносили они из-за кордона.

Леонид забылся и пошевелил рукой. Снова близко свистнули пули. Басмачей обмануть трудно! И опять лежал Леонид, вспоминая рассказы бойцов о первом начальнике отряда Степанове. Он на ликвидацию банды в сто сабель посылал всего пятнадцать пограничников с ручным пулеметом — больше не было. И пограничники побеждали. Однажды дозор из четырех бойцов наткнулся на банду в сто человек! Бойцы подползли вплотную и, командуя несуществующей ротой, открыли огонь. Банда не ожидала нападения. От первых же выстрелов погибло десять басмачей. Кто-то бросился в пустыню, а шестьдесят четыре бандита безропотно сдались в плен.

Но было и по-другому. Отряд бойцов попал в засаду басмачей. Ребята сражались до последнего патрона. В песках нашли четырнадцать обезображенных тел. Чекисты отомстили за боевых друзей — уничтожили банду, а вскоре ликвидировали и само басмачество. Но в годы коллективизации, когда обострилась классовая борьба, враги подняли голову, и в пустыне опять замелькали полосатые халаты басмачей.

Из-за границы недобитые банды прорывались с тысячами отрядами. За остатками одной из таких банд и гнались пограничники.

«Ну, уж теперь им конец!» Леонид услышал, как, отвлекая от него внимание, пограничники поднялись в атаку. Крепость перенесла огонь на атакующих. И тогда Леонид рывком кинулся к стене, швырнул несколько гранат через дувал.

Выстрелы смолкли. И басмачи — Леонид увидел это сам! — бросились наутек.

— Ура! — закричал Леонид.

— Ура! — подхватили охрипшими голосами его товарищи, и выцветшие фуражки замелькали на развалинах.

Теперь уже бандитам не скрыться.

И вдруг ноги и руки стали непослушными. Леонид хотел сделать шаг вперед и рухнул на спину. Подбежали товарищи.

— Кравченко ранен! Перевязать надо!

Над ним наклонился безусый скуластый паренек с растрепанными белесыми волосами — фуражку он где-то потерял. Он стал разрывать рукав гимнастерки — бинта под рукой не было.

Леонид открыл глаза.

— Не надо, успеется! Басмачи уйдут!.. Бейте их, бейте беспощадно... — Он еле выдавил из пересохшего горла конец слова: — ... щаднее, — и скорчился весь. Это были его последние слова.

Постановлением ЦИК СССР от 16 мая 1936 года заставе, на которой служил Леонид, было присвоено его имя: теперь это застава Леонида Александровича Кравченко.

Четвертая сторона

...И вот мы идем по тропе Кравченко.

В небе удивительно маленькое и удивительно нещадное солнце. Еще утро, а твердая, спешая от жары земля уже пышет зноем, и кажется, нигде тебе не будет спасенья от него.

В машине так жарко и душно, что думается: вот-вот мотор должен заглохнуть от перегрева. Слева от нас, спустившись в долину, идет граница.

Граница! Про нее так много прочитано, так много видено фильмов, а сколько услышано песен и рассказов! И все-таки она для нас по-прежнему осталась той романтически загадочной страной, на которую хочется взглянуть своими глазами.

Инструктор службы собак сержант Джумабек Мусабеков.

Тропа
Кравченко

Бдительно охраняют государственную границу воины-пограничники. Хорошо овладевают службой ефрейтор В. Трушкин (передний) и рядовой И. Занко.

ми хоть раз в жизни. Нам с детства граница представлялась так: посреди безмолвного поля врыт высокий оgranенный столб, а возле него застыл часовой. День и ночь стоит столб, а рядом день и ночь несет службу часовой, глядящий вдаль. Это впечатление, вероятно, навеяно плакатами, какие у нас часто посвящаются пограничникам. И мы увидели: действительно, вдоль всей границы стоят столбы, увенчанные государственным гербом СССР, а линия, по которой они выстроились, бдительно охраняется.

На перевале мы остановились возле сторожевой вышки и поднялись на нее. Теперь граница прямо под нами, а за нею — не наша, чужая земля: там другие законы, другая жизнь, чужой язык. Немного странно. Мы привыкли: куда ни пошел — все твое, всюду ты дома, всюду ты свой. И вдруг одна из четырех сторон — чужая, недостижимая. Правда, можно глядеть, и мы глядим на ту, сопредельную сторону. Глядим за границу. Мы знали и до этого, что страна, которая лежит перед нами, бедна. Народ ее трудолюбив, но нищ и гол. Много ли узнаешь с одного места, издали? Оказалось, много. Дома из желтой глины, унылые, почти без окон и совсем без привычных нашему взгляду шиферных крыш. А рядом на квадратиках наделной земли — люди с кетменями в руках. На одном из участков молотят овес: разложили его на земле и гоняют по нему быков с волокушей. Для нас это взгляд в наше проклятое и невозвратное прошлое.

58 Граница идет вдоль ручья, подымается на увал и скрывается в горах. Мирно и покойно выглядит она. Но пограничники хорошо знают цену тишине.

Жаркий ветер буквально обжигает лицо, мешаят глядеть, слепит. На зубах песок, хотя в воздухе никак не ощущается его присутствие.

— Это у нас райская погода, — улыбается солдат. По тому, как он произносит слово «погода», легко узнать, что он украинец. Нелегко нести службу в этом краю парню из Донбасса. На память невольно приходят слова песни:

Я служу на границе,
Где полярная мгла.
Ветер в окна стучится,
Путь метель замела...

Здесь никогда не бывает зимы, но бывает метель. Метель из песка.

А машина между тем мчит нас вдоль границы. Впереди застава Кравченко. Маленькое мирное селенье, прибранное заботливыми руками пограничников. Белые стены, кольцом охватившие заставу, и белые строения слепят под отвесным и знойным солнцем. На флагштоке то обвиснет, то встрепенется вслед жаркому ветру государственный флаг Советского Союза. Этот флаг, пожалуй, только и говорит о том, что селение, к которому мы подъехали, необычно.

Застава Леонида Кравченко! Много она видела на своем боевом посту, много пережила. Каждый камень ее овеян славой, каждый метр здешней клеклой земли хранит память о делах пограничников. Мы молча стоим перед гранитным обелиском, воздвигнутым в память о подвиге Леонида Кравченко. Мимо, печатая шаг, по асфальтовой дорожке проходит наряд. Лица солдат суровы: кто знает, какова будет вахта — граница всегда есть граница. Ведь и Леонид Кравченко перед своим подвигом уходил в такой «мирный» наряд.

В такой же будничной наряд на этой же заставе десятки и сотни раз уходил на охрану границы Иван Иванович Кияшко, знатный человек во всем пограничном крае. На заставе хорошо помнят Кияшко, хотя далеко не всем довелось встречаться с ним лично. Еще в Управлении войск нам наказывали:

— Познакомьтесь со старшиной Кияшко. Правда, он служит теперь на другой заставе, но вы не пожалеете, сделав крюк.

Спасибо за совет. Мы не жалеем, что по пути на заставу Леонида Кравченко встретились с ее ветераном Иваном Ивановичем Кияшко. Да, он двадцать лет прослужил на прославленной заставе и надо, видимо, о старшине Кияшко сказать особо.

18 задержаний, 8 медалей

Ранний рассветный час. И горы, и долины, и камыш внизу — все затопил густой туман. Напряжение, которое не покидало всю ночь, начинает спадать. К утру всегда бывает так. К утру приходит облегчение: минула ночь, будто взят перевал. Только вот туман какой-то особенно вязкий. Кияшко вытянет руку и не видит своих пальцев. Напарник Старухин в одном окопчике, слышно его дыхание, а самого не видно. По времени пора сниматься, но — что-то удерживает. Есть ли у человека чутье, способность предвидеть? Наверно, есть. Опыт подсказывает: нельзя оставлять дозор в такой туман.

Вдруг справа какой-то шорох. Суслики затеяли возню? А может, шакал? Устал Кияшко за ночь. Каждый камень готов принять за нарушителя. Напарник молчит. Слышит ли он, как покатился камень? Так катиться камень может только из-под ноги.

— Витя, — позвал Кияшко, — Ты что-нибудь слышал?

— Это человек, товарищ старшина.

«Надо обойти сопку, — решил старшина. — Оттуда ветер, там меньше туман. В тыл. В тыл».

Кияшко лисьим шагом пошел по скату, и каждый камень, каждый кустик заставлял сильнее биться сердце. А когда он, обойдя сопку, увидел нарушителей, то на первых порах не поверил своим глазам.

Нарушители — их было двое — осторожно крались за камнями на нашу территорию. Они не подозревали, что в их спины наведено дуло ав-

томата. Кияшко буквально подстроился к ним и вдруг скомандовал в полный голос:

— Руки вверх!

Тот, что шел впереди, упал и покатился вниз. Но в то же время подбежал Старухин, и Кияшко бросился за нарушителем. Он догнал его под обрывом и ловким ударом сбил с ног. Несколько секунд Кияшко тяжело дышал, потом повернул голову к Старухину. И в тот же миг незнакомец, оправившись от удара, бросился на Кияшко. Только второй удар заставил его покорно поднять руки.

На час позже пришел на заставу старшина Кияшко со своим дозорным Старухиным, а перед ними уныло брели нарушители.

...Январь на границе — неласковый месяц. Ветер и снег. Снег, ветер и дождь. А в этот год и морозы принес январь. В горах на несколько дней установилась зима.

Как-то в полдень старшина Кияшко и его напарник объезжали свой участок верхом на лошадях и в каменистом распадке заметили подозрительные следы. Под скалой следы вдруг терялись, будто на небо вознесся человек, если он был тут. А может, это прошел волк, и ветер где углубил его следы на снегу, а где и просто слизал. Нет,

Братья-близнецы Шихалесвы на охране государственной границы. Слева направо: Валерий, Геннадий и Михаил.

надо все-таки проверить. Оставив напарника с лошадьми внизу, Кияшко начал взбираться наверх. Выше. Еще выше. Вот уже и коней не видно, зато впереди до самой границы открылся белый простор. Пусто, ни души. Кияшко уже совсем хотел спускаться вниз, как вдруг заметил, что в камнях на равнине кто-то пошевелился. Старшина вскинул бинокль — человек. Нарушителя и пограничника разделяло по меньшей мере три километра снежной равнины. О возвращении к лошадям не могло быть и речи. Значит, надо спешить наперерез. Только секунды решат исход поединка.

Нарушитель тоже заметил пограничника и уже, не таясь, не припадая к земле, встал в полный рост и побежал. Кияшко прикинул расстояние до границы, смерил взглядом свой путь и с ужасом понял: враг опередит его. Что же делать? Стрелять нельзя, надо взять живым. А загнанное сердце уже бьется где-то под горлом. Нет, быть того не может, чтобы Кияшко упустил нарушителя. Шапка, за ней полушубок, бинокль, ремень — все полетело на снег. Через несколько сот метров Кияшко сбросил и валенки и, босой, летел по снегу. Нарушитель по-прежнему, почти по прямой, тянул к границе, но силы и у него уже были на исходе. Вот они выравнялись, и оба, задыхаясь от усталости, едва держа на ногах, остановились друг перед другом. «Стой, — прохрипел Кияшко, — стрелять буду...» Нельзя стрелять, не будет стрелять Кияшко, — нарушитель это знал. Видна уже вспаханная полоса, незнакомец сделал последний рывок, но Кияшко успел встать поперек его пути. До границы оставалось ровно сорок шагов...

Ивана Ивановича Кияшко поздравляла вся застава: он сделал почти невозможное. Только сам старшина смущенно улыбался, потому что не запомнил место, где выбросил свой портсигар.

Кияшко худощав, подобран, чувствует, крепко на ногах, а в глазах все время что-то озорное. И говорит он о своих делах с неизменной шуткой, будто все то, что с ним случилось, — так себе, пустяки. И оттого, что никогда не бахвалится, любит шутку, солдаты тянутся к нему.

А рассказывать Кияшко любит.

— Давно это было. Давно, но очень памятно. Звонит мне с поста солдат Коньшин: старшина, четыре или пять кабанов прошли теклиной — руслом, значит, — к вам идут. Может, организуешь одного. А было нам в ту пору разрешено стрелять кабанчиков. Кабанчики-то кабанчики, а если это покрупнее зверь? Ну ладно, думаю, то и другое можно иметь в виду. Беру с собой солдата — и айда. Раз, думаю, идут эти кабанчики ручьем — значит свернуть им некуда: берега отвесные. Подошли мы к устью, автоматы взяли наизготовку, ждем. Не сейчас, так через минуту зверье должно показаться. Ждем. Никого. Неужели прошли? Нет, следов вроде не видать. Может, повернули? А солдат мой: пошли да пошли. Нет, говорю, пограничник должен уметь ждать. Подождем. И только так-то сказал, а по ручью хрюканье. Какое-то приглушенное, ворчливое. Ого, думаю, зверь матерый. Всей заставе праздник будет. Хорошо, что я предупредил дежурных по кухне: котлы, небось, уже растопили. А по ручью опять вроде хрюканье, злое, недовольное, но снова приглушенное: таятся звери. С опаской идут. Вот и камешки к нам посыпались... Мы — из-за камня, а перед нами — четыре нарушителя. Руки вверх! Только и разговоров. Пришли на заставу, а солдаты пытаются: товарищ старшина, где ж твои кабанчики? Да вот, говорю, чем не зверь? Смех.

...Восемнадцать задержаний на счету старшины Кияшко. Восемь медалей украшают его грудь. Много лет и безупречно прослужил он на южной границе, накрепко связал себя с тревожной жизнью заставы. Отслужившие свой срок солдаты пишут из дому письма своему старшине, приглашают в гости, зовут на жительство.

— Да нет, — шутит Иван Иванович, — привык к жаре. Когда бываю дома, у отца, воду подогреваю, чтоб была тепловатой, как в пустыне. Двое сынов у меня. И из них пограничников сделаю. Им нравится моя служба.

Когда Кияшко узнал, что мы едем на его родную заставу, попросил кланяться ей. Мы передали поклон заставе имени Леонида Кравченко от бывалого старшины и немного пожалели, что здесь уже не служит сам Кияшко.

Дозор в ущелье

Солнце еще долго висело над хребтом круглым раскаленным диском, потом словно кто-то потянул за лучи-ниточки, и оно, задев за острые скалы, исчезло. Сразу стало темно. Темнота еще больше сгустилась, когда застава погасила огни. Казалось, выйдешь в эту тьму — и застрянешь в ней. Но вот выплыл серебряный, повернутый рожками вверх месяц, необычно ярко заблестели звезды. Их стало так много, что они замерцали, словно отталкивая друг друга лучами. Засверкала широкая полоса Млечного пути, звездный ковш опрокинулся вверх ручкой. Мы, на ощупь угадывая дорогу, шли к тесному проходу между склонами гор, к наиболее вероятному пути нарушителей: ночью не поползешь по отвесным скалам. Сапоги тонули в песке, вместо шагов был слышен лишь легкий шорох.

Автоматы пригрелись на груди пограничников, казалось, спали. По этой тропе хаживал когда-то и Леонид Кравченко. Тишина.

Мы невольно вздрогнули, когда откуда-то с земли, раздался тихий голос:

— Пароль?

Старший дозора назвал пароль, спросил отзыв, и только тут мы увидели окопчик, а в нем смеявшихся солдат. По деловому быстро, без лишних слов произошла смена, и старый наряд будто растаял в темноте. Мы уже заметили, что пограничники умеют ходить, а когда надо и объясняться друг с другом совершенно беззвучно.

Запахнувшись в плащ-палатки, прилегли у камней. Из ущелья тянул резкий, холодный сквозняк. Удивительное место! Всюду тепло, а в горловине ущелья даже при дневном зное ветер.

Тихо. Очень тихо. Но если хорошенько прислушаться, то можно уловить, как где-то плещется сонный арык, около него беспокойно шуршит камыш и о чем-то шепчется верблюжья колючка.

— Кажется, шакалы! — шепнул старший наряд. — А может быть?.. — он поднял ракетницу, и ракета врезалась в ночь и несколько секунд отчетливо стали видны горы, ущелье, дорога, арык.

Ракета гаснет, и темнота смыкается.

Старший наряда достает из кармана телефонную трубку с коротким проводом. Отползает на шаг, подключает к невидимому штепселю.

— «Чайка!», «Чайка!» — вызывает он. — Я «Орел!» На границе все спокойно! Все спокойно!

А было и по-другому, когда не одна, а тысячи ракет озаряли всю границу...

След!

В то утро на заставу прибыл новый заместитель начальника — младший лейтенант Вячеслав Габов, выпускник пограничного училища.

Габов — потомственный чекист. Отец его, по профессии учитель, стал в годы войны разведчиком и, когда подрос сын, направил его по своей тропе.

Уже на первом курсе высшего пограничного командного училища Вячеслав, что называется, хлебнул лиха. Практику ему пришлось проходить в песках. А это сотни километров от населенных пунктов. Жара. Жара такая, что видно, как воздух колышется. При Вячеславе в песках произошел случай, который ему рассказал больше, чем десятки наставлений.

Нарушитель пытался перейти границу, но был сражен солнечным ударом. Афганец, сильный бурман, занес его песком. А ведь этого нарушителя специально готовили, тренировали. Какими же надо обладать качествами, чтобы служить в этих местах!

На заставу Леонида Кравченко Вячеслав привез и свою жену Валю. Молодые супруги только-только расположились в двухкомнатной квартире и не успели разобрать чемоданы, как раздался телефонный звонок:

— След!

Вячеслав сорвался с места, застегивая на ходу ремень, поцеловал жену.

— Я скоро!

— Смотри, орден в первый-то вечер не заработай, — пошутила Валя и занялась квартирой... Вот уже и полночь, а мужа все нет и нет.

На заставе тревожно. Беспокойный свет заливал белые домики, плац, вышку. Ракеты. Вот что значит «след».

Ночью заглянула жена начальника заставы.

— Привыкай, Валечка. Ведь мы — жены пограничников.

И тут же спохватилась:

— Что же мы сидим, девочки! Вернутся солдаты голодные, а завтрака нет. А ну-ка, за дело! Утром на заставу приехал генерал. Поблагодарил личный состав и тепло пожал руку женам офицеров:

— Спасибо за помощь!

А потом в комнату к Вале ворвался возбужденный Вячеслав.

— Нарушителей задержали!

* * *

И последнее, о чем нельзя не рассказать. В пограничном поселке, где мы ждали автобус, нам довелось столкнуться с ватагой мальчишек. Верховодил ими высокий черноволосый и черноглазый парнишка со значком «Юный друг пограничника».

— Ребята, как пройти к арыку? Попить бы на дорожку.

О чем-то спорившие мальчишки разом притихли, а двое из них вдруг бросились бежать в разные стороны, только пятки засверкали: за пограничниками! Когда все выяснилось, мы познакомились с юными друзьями заставы.

— Джан Муратов, ученик шестого класса! — сказал один из ребят.

— Ресул Бердыев, — как взрослый, протянул руку предводитель ватаги.

А час спустя ребята провожали нас, как старых знакомых, расспрашивали об Урале, о нашем журнале, и все удивлялись, что возле Свердловска тоже проходит граница, только между Европой и Азией.

— Прощай, граница!

— Прощай, граница!.. — нам показалось, что кто-то повторил эти слова. Обернулись: рядом — в полной парадной форме, при знаках и медалях, улыбающийся боец, с которым мы познакомились еще на границе.

— Виталий Клычков?

— Так точно.

— Куда же это?

— Домой, демобилизовался.

— А заставка? Как она без вас?

— Ребята добрые остались. Будьте спокойны! Помните песню?

Когда поют солдаты,
Спокойно дети спят...

Пограничники очень любят петь.

КРОСС С ЮРИДЕЯ

Очерк

Ген. КАЛАБИН

Рисунки А. Гуссица

Последнюю точку отстреляли к вечеру, когда небо уже потемнело, и фиолетовые тени от сугробов стали совсем незаметными. Легкий ветерок тянул поземку, причудливо ее закручивая. Балагин дал команду свертываться. И парни потопали к балкам, которые были от них метрах в двухстах.

Усталые, разгоряченные, они вваливались в вагончики, и сразу стало душно, запахло снегом и потом. От железной печки накатывалась теплота, тянущая ко сну. Но в это время принесли термосы. И все задвигались, долго и вкусно хлебали чуть подостывшее варево, а наевшись, курили, негромко, лениво переговариваясь.

Тракторист Егор Храмов осторожно смел крошки, достал лист бумаги и сел писать письмо. Но после первых же строк охота пропала, и Храмов вышел из балка.

Ночь была тихая. Звук тракторного дизеля (его не глушили из-за освещения, да и утром холодный трудно заводить было) медленно таял в этой тишине. Послушав, Егор подошел к трактору, открыл капот и, приложив к уху трубочкой кулак, подслушал к блоку. Чуткий, тренированный годами слух уловил сбой. Егору стало холодно, и он побежал за полушубком.

В балке похрапывали, желтовато светила под потолком двенадцативольтовка. Храмов накинул пропахший соляркой полушубок.

На выходе столкнулся со своим помощником — долговым Колькой Гореловым. Махнув рукой — «топай за мной!» — Егор побежал к трактору. Там, снова через кулак, прослушивал двигатель. И Колька, вытягивая шею, завернув одно ухо у шапки, тоже залез под капот.

— Понял? — спросил Егор.

— Понял... — неуверенно сказал Колька, хотя ничего еще не расслышал.

— Коренной, — не то утверждая, не то спрашивая, сказал Храмов.

— Угу, — неопределенно промычал Колька и сочувственно добавил: — Дела-а...

— А дела завтра будут! — вдруг закричал Храмов. — Глуши шарманку!

Но когда Колька полез в кабину, остановил: — Погодь — к Балагину схожу.

Он вернулся вместе с начальником отряда, что-то яростно доказывая. До Горелова издали донеслось храмовское хриплое: «...на износ... сколько раз... не работа...». Потом они подошли ближе и слышно стало хорошо.

— Может еще завтра денек? До плана, а?

— А если там? — Егор махнул рукой на север.

Балагин потерял подбородком о кулак и тоскливо подумал, что «там», в тундре, если трактор встанет, будет еще трудней: трактор им служил и тягачом, и электростанцией, и вездеходом. Без трактора план не выполнить ни за что.

Храмов перекрыл топливо, и через полминуты стало так тихо, что зазвенело в ушах. Погасли мутно-желтые окна балков и сразу около них запрыгали яркие белые пятна — парни с фонариками, в наброшенных наскоро куртках, высквалили узнать в чем дело.

— Все, отстрелялись, — протянул кто-то в темноте.

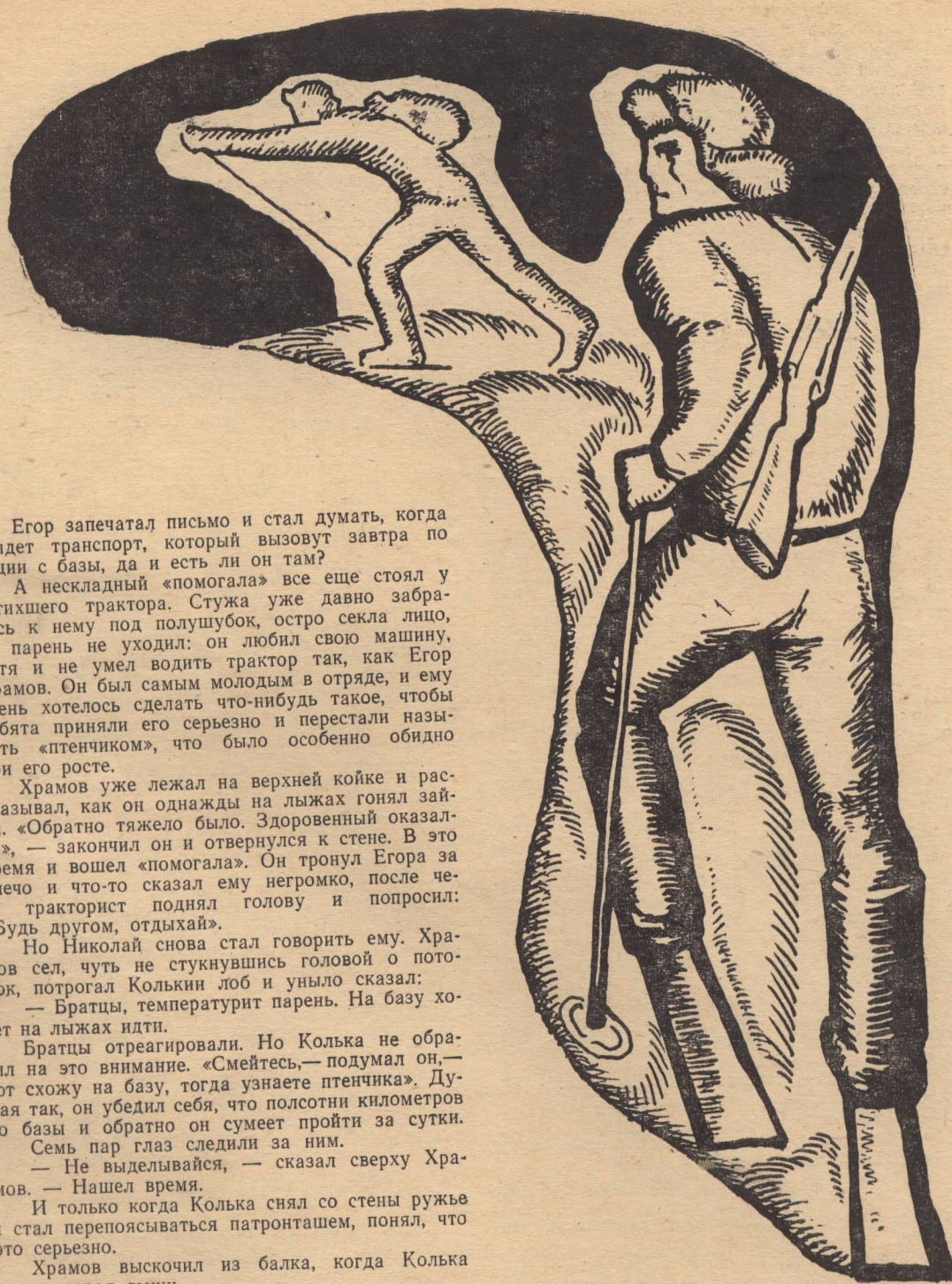
— Плакал теперь план, — поддержал другой голос.

Егор пробурчал себе что-то под нос и пошел в балок. Остальные потянулись за ним.

В вагончике уже зажгли керосиновую лампу с потемневшим обломанным вверх стеклом. И Егор, присев у стола, стал дописывать письмо.

«...Ты не думай, что если здесь Заполярье — то край света и одни страхи. Это я, полагаю, больше для красоты пишу. А у нас сегодня конец января, но погода совсем хорошая.

И к тому же, опять, в смысле заработков. Если наш отряд передовой, то всегда, значит, дополнительно премия. На этот месяц тоже план отстреляли и теперь гоним сверхпроцентно...» — тут Егор на минуту задумался: может вычеркнуть насчет премии? Но очень хотелось, чтобы друг приехал, и вычеркивать не стал. — «Если надумаешь, приезжай. Можно потолковать с начальством, чтобы на один трактор. А то помогалу дали совсем нескладного...».

Егор запечатал письмо и стал думать, когда придет транспорт, который вызовут завтра по рации с базы, да и есть ли он там?

А нескладный «помогала» все еще стоял у затихшего трактора. Стужа уже давно забралась к нему под полушубок, остро секла лицо, но парень не уходил: он любил свою машину, хотя и не умел водить трактор так, как Егор Храмов. Он был самым молодым в отряде, и ему очень хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы ребята приняли его серьезно и перестали называть «птенчиком», что было особенно обидно при его росте.

Храмов уже лежал на верхней койке и рассказывал, как он однажды на лыжах гонял зайца. «Обратно тяжело было. Здоровенный оказался», — закончил он и отвернулся к стене. В это время и вошел «помогала». Он тронул Егора за плечо и что-то сказал ему негромко, после чего тракторист поднял голову и попросил: «Будь другом, отдохай».

Но Николай снова стал говорить ему. Храмов сел, чуть не стукнувшись головой о потолок, потрогал Кошкин лоб и уныло сказал:

— Братцы, температурит парень. На базу хочет на лыжах идти.

Братцы отреагировали. Но Коляка не обратил на это внимание. «Смейтесь, — подумал он, — вот схожу на базу, тогда узнаете птенчика». Думая так, он убедил себя, что полсотни километров до базы и обратно он сумеет пройти за сутки. Семь пар глаз следили за ним.

— Не выделяйся, — сказал сверху Храмов. — Нашел время.

И только когда Коляка снял со стены ружье и стал перепоясываться патронташем, понял, что это серьезно.

Храмов выскочил из балка, когда Коляка уже надевал лыжи.

— Снимай, — жестко сказал Егор, и он послушался. — Дура, разве по одному в тундру ходят? Да еще ночью...

— Пусти, — дернул плечом «помогала». — Пусти Егор. Я на рации был — вездеход на базе разутый стоит.

Егор взял Кошку за рукав, подтолкнул к балку.

— Жди здесь.

У Балагина пробыл недолго: Храмов умел доказывать.

Вернулся в балок, вытряхнул все из вещмешка, сунул в него буханку хлеба, пару банок тушенки, заставил Кошку повесить ружье на место — начальник дал ему карабин.

Вышедшие проводить их парни долго смотрели, как две темные фигурки уходят в ночь.

Они шли по тракторной колее, переметанной недавним бураном. Но снег уже слежался в добрый наст, поземка вычистила его, и поэтому двигались ходко. Храмов шел равномерно, шагом человека, уверенно стоящего на лыжах. И Колька старался идти шаг в шаг. Но это ему не удавалось, и он отстав, начинал быстрее двигать своими длинными ногами, отчего сбивалось дыхание, а сердце начинало частить.

Когда он отстал первый раз, Егор подождал его.

— Ты, — спросил он, — на лыжах-то можешь?

— Ходил... В школе заставляли...

— В школе, — передразнил Храмов. — Птенчик.

И они снова пошли, но Егор больше не останавливался, только время от времени оглядывался назад. «Проучить надо салажонка, — думал он. — Ишь, герой, в тундру решил самодина». Но настоящей злости на «помогалу» не было, было только досадно, что не он, Егор Храмов, охотник и старый полярник, надумал про лыжи.

А Колька ничего не думал. Он видел спину впереди идущего и старался не отстать. Было жарко и теплые струйки пота катились под рубашкой, мягкий комок стоял в груди, отчего дышать становилось все труднее, а комок все рос.

Потом Колька упал, и лицо его не чувствовало холода снега, было даже приятно. Кровь сильно колотилась в висках и вставать не хотелось.

— Вставай! — услышал он голос Храмова. — Ну!

Горелов почувствовал, что его поднимают за лямки вещмешка, и медленно встал на ноги. Ноги были ватными и чужими.

— Иди! — голос Храмова донесся издалека. — Впереди иди, дура!

И Колька пошел вперед, точно во сне, кланясь всем телом, не столько отталкиваясь палками, сколько опираясь на них, чтобы не упасть. Иногда он почти останавливался, и тогда лыжи Храмова наезжали на него, заставляли идти.

А потом он приноровился к темпу, пошел ровнее и почувствовал, как тает в груди комок, и стал дышать полной грудью. А в голове появилась какая-то дурацкая песенка. «Чи-ки-ча-ки-чук», — крутилась она сама по себе в такт шагам.

— Колька! — донесся голос Храмова.

«Чи-ки-ча-ки», — шагнули ноги.

— Да стой ты!

Храмов взял у него вещмешок, вскрыл банку консервов, разломил хлеб.

— Подороги смотали, перекусим, — сказал он.

Хлеб был вкусный, хотя и замерзший, как камень.

— Не сморился? — спросил Храмов. — Ничего, я из тебя разрядника сделаю. Двигай.

Дальше была низина, и снег в ней лежал мягкий, лыжи то и дело проваливались, идти стало совсем трудно. Вдруг шедший впереди Егор исчез, словно провалился. Едва Горелов понял это, как полетел сам куда-то вниз, кувыркаясь. Банка в вещмешке больно ударила его по затылку.

Пока он стряхивал с лица налипший снег,

Егор принес палки, которые вылетели у Кольки из рук.

— Во, забурились, — засмеялся он. Но в смехе звучала тревога. «Дорогу потеряли, — догадался Горелов. — Тут таких обрывов не должно быть».

— Жди здесь, — сказал Храмов, подавая карабин. — Я быстро. — И он пошел по ложине.

Колька взял карабин на руку и осмотрелся вокруг, как будто кто-то мог появиться сейчас, здесь, в ночном безмолвии тундры. А Храмова уже не было видно. Кольке стало одиноко и тоскливо. Он поднял лицо к небу: там насмешливо дрожали колючие звезды. «Ага, — перемигивались они, — заблудились. Пропадете...».

«Пропадем, — подумалось Кольке. — Храмов где меня найдет?» И вспомнились ему слышанные истории о тех, кого взяла тундра. Холод забрался под телогрейку, по телу пробежала дрожь.

— Вре-е-те! — закричал он во весь голос звездам.

И совсем рядом откликнулся вдруг Храмов. ...Они не поверили глазам, когда увидели поселок базы. Путаясь среди похожих, как две капли воды, домиков, нашли квартиру механика и долго колотились в дверь, доведя до изнеможения поселковых собак. Наконец послышались шаги и недовольный голос спросил: «Кто там?».

Они сказали.

— С Юридея? — переспросил голос. — Ври больше. Вчерась туда транспорта не было. — Тогда Храмов стал колотить еще сильнее. — Хулиганичь?! — завопили за дверью. — Пса спущу!

— Спускай, — вдруг тихо сказал Храмов, приваливаясь к косяку. — Трави, Масляков, Егора Храмова. Только двери открой сперва.

И было в его голосе что-то такое, что заставило хозяина открыть.

— Егор... да и в самом деле... — трогал он Храмова за руки, пропуская в дом. — Да как же вы, ребята?

Масляков быстро сообразил поест, налил в лузатые граненые стаканчики спирт, потянулся чокаться. Храмов поднял стопку, посмотрел на свет и тут же поставил, прикрыв ладонью.

— Пошли на склад, — сказал он, — нам запчастей нужны.

— Ночью-то, Егор? — заволновался Масляков.

— Ага, ночью, — подтвердил Храмов.

— Завтра...

Храмов потер руками лицо.

— Завтра будет завтра. А мне сейчас надо, механик, — и оглянулся на спящего в углу Кольку. — Не порть мне настроение ради бога.

— Настырный ты, Егор. Сиди, отдыхай — один схожу.

— Настырный — это точно, — сонно согласился Храмов. — Иначе нельзя.

...Они вышли утром, когда едва-едва намечалась заря, туманная, серая, какие бывают в этих местах в январе.

И когда огни поселка потерялись за мысом, Храмов остановился и досадливо выругался.

— Ты — что? — спросил Колька.

— Письмо... понимаешь, забыл бросить. А! — махнул он рукой и весело подмигнул «помогале».

И они пошли.

ДЕГТЯРСКАЯ СТАРИНА

Знаешь ли ты, что...

В 1964 году Дegtярский рудник широко отмечал свое пятидесятилетие. Не такой уж для предприятия солидный возраст, а вот поди же — очень мало сохранилось сведений об истории его. Меня это заинтересовало. Я стал расспрашивать старожилых, искать документы в литературе и в архивах. Увы, нашлось пока очень немного. Но, может, и это окажется интересным для следопытов!

В давние времена домны Северского завода, что стоит в 70 километрах от Свердловска, работали на древесном угле. Большие группы рабочих-сезонников выжигали для них уголь в тайге, а попутно гнали деготь и древесную смолу. Из года в год под горой, которая сейчас называется Караульной, весной собирались углежоги и дегтяри, приезжая сюда семьями, строили здесь себе хижинки, копали землянки.

Со временем некоторые семьи поселились здесь навсегда. Жили они вольно, вдали от надзора демидовских приказчиков. Поселочек из рубленых на скорую руку домов, прилепившихся к восточному склону горы, окрестные жители стали называть Дegtяркой, как и речку, протекавшую под горой.

В лесу охотники установили на ветках высоких деревьев помосты, на которых поджидали и выслеживали зверей. Эти помосты назывались лабазами. Поэтому и гору дегтяри тоже именовали Лабазом.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия возле горы появились искатели подземных кладов. Старателям Осипу Малышеву и Якову Пивоварову в один из солнечных дней коросткого уральского лета повезло: они нашли куски железной руды красно-бурого цвета.

Слухи о находке дошли до Петербурга. В 1890 году знаменитый русский геолог, академик Александр Петрович Карпинский, сделал научный прогноз о залегании в районе Дegtярки еще и мощного колчеданного тела. И тогда потянулись к Лабазу жадные руки заводчиков.

Хозяин Ревдинского завода Редько-Рожнев откупил участок и начал строительство карьера и маленького поселка: два барака и четыре избы. Новый поселок под горой Лабаз, с северной ее стороны, стал называться Ревдинской Дegtяркой, а прежний поселок, с юго-восточной стороны Лабаза, — Северской Дegtяркой. Северская Дegtярка принадлежала Сысертскому горному округу, а Ревдинская — сначала Редько-Рожневу, а затем петербургскому промышленнику Солодовникову. Старожилы утверждают, что прежний хозяин проиграл ее в карты.

Две Дegtярки разделяла «граница» — широкая просека. Она охранялась лесной стражей до самой революции 1917 года. Даже грибников и ягодников не пропускали через нее. Просека заметна и сейчас — она идет по северному склону горы Лабаз, через Липовую гору и дальше до Первоуральска северным концом, а южным — на Северский завод.

На горе Лабаз располагался караул Сысертского горного округа — для него была построена отапливаемая караулка. С этих пор гора получила новое имя — Караульной.

Ветеран труда И. Захаров вспоминает, что честь открытия месторождения меди на северном склоне горы Караульной народная молва приписывает пытливому уму и беспокойному характеру подрядчика Фаддея Семкова. Он работал на отвозке руды из Дegtярского карьера на Ревдинский завод. Долго ходил он по болоту около карьера и искал разгадку заинтересовавшего его явления: почему берега речки Исток, протекающей недалеко отсюда, поросли густой травой, а вот русло маленького ручейка, впадающего в эту речку, лишено всякой растительности. Ручеек брал начало от родника, вокруг которого также не было ни травинки. Фаддей положил в родник железку, а на другой день она стала медная. Семков набрал в бутылку воды из родника и отвез в Екатеринбург. Там и установили, что в воде есть медь. В районе рудника заложили шурф, и он подтвердил наличие медного колчедана.

М. СНИЦКИЙ, горный инженер

...композитор Иоганн Брамс, написавший знаменитые «Венгерские танцы», никогда в Венгрии не был? Они созданы им благодаря знакомству с венгерским скрипачом Ремени, у которого Брамс и записал народные венгерские мотивы;

...первый русский перевод «Фауста» Гете, сделанный поэтом Э. И. Губером в 1835 году, был запрещен царской цензурой. Переводчик с досады разорвал рукопись и только по настоянию А. С. Пушкина занялся переводом вторично;

...одним из первых, заметивших гениальные способности Шуберта, был престарелый Сальери, тот самый, которого подозревают в отравлении Моцарта. Познакомившись с произведениями одиннадцатилетнего композитора, он воскликнул: — «Да это истинный гений! Для него нет ничего невозможного! Песню, мессу, квартет, оперу — он все может написать!».

Кстати, Сальери был единственным настоящим учителем будущего композитора.

— Заяц?

См. стр. 67

65

Р. Яров

Фантастический рассказ

Рисунки Г. Перебатова

— Пока, — сказал по-свойски шофер и полез в кабину. Взревели моторы, от гусениц поплыла назад каменная волна. Колесов поспешно отскочил в сторону. Вспыхнул прожектор, луч его гигантским парашютом крылом прошел над вершинами дальних деревьев. Машина удалялась. Вот уже и гул моторов растворился в ночной тишине...

Колесов остался один. Вокруг была ночь. Очень темная, совсем не похожая на земную, даже безлунную и беззвездную. Один из великих физиков когда-то взвесил на Земле свет; здесь можно было взвешивать темноту.

Колесов стряхнул с себя легкое оцепенение, вызванное этой долгожданной — один на один — встречей с доверенной ему планетой. Где-то рядом прячется домик, в котором он должен отметить свой выход на маршрут. Со временем здесь будет сооружена станция планетофизиков и, возможно, вырастет даже целый городок, но пока... Пока этот домик — сторожевой пост, конечный пункт, куда дотягиваются руки новоселов этой планеты, названной за цвет почвы Силеновой. Что же делать? Отправиться на поиски? Допустим, найдешь. Есть ли там, в домике, кто-нибудь, чтобы стоило стучать? А если и есть, то ведь надо постучать так, чтоб люди, хотя и проснулись, но даже секундной недоброжелательности не почувствовали... Колесов сделал несколько шагов, и камни перестали хрустеть под

его ногами: он ощутил мягкую упругость травы. Каждая травинка как рессора, — говорил ему кто-то еще на Земле. Трава действительно пружинила под ногами.

Он достал фонарик, повесил его на сучок ближайшего дерева, усмехнулся: похож, наверно, на театрального кладовщика. Но дело предстояло взавтраднее: достать палатку, поужинать, ничего не потерять в темноте...

Уже лежа в палатке, Колесов попытался представить себе свой завтрашний и послезавтрашний ночлег. Дни были неясны, но ночевки — все в той же самовоздвигающейся и самоотпливающейся палатке — были вполне реально представляемы. А потом? А потом он прилетит на Землю, войдет спустя некоторое время в аудиторию. Профессор Павлович станет спрашивать: к каким выводам пришли вы, молодой человек? И надо будет сказать ему: жить там можно, но планета суше и в то же время несколько холоднее Земли, кроме того, у нее нет спутника, и это сильно обеднит эмоциональную

сторону жизни людей, которые там поселятся. Больше Колесов ничего подумать не успел — заснул.

Проснулся он от гулких ударов травы о стенки палатки, — казалось, в трюме корабля очутился. Вылез. Над деревьями стояло в дымке солнце — красное, резко очерченное.

От леса к палатке шла женщина. Она была одета в тот же одинаковый для всех попадающих на новые планеты костюм — куртку и брюки из синей ткани, не чувствительной к любым тепловым, химическим или механическим воздействиям.

— Ольга, — сдержанно представилась она.

— Евгений Колесов, студент. Прибыл сюда на практику.

— Зарегистрируйте прибытие. А когда кончите практику — уход...

— Практика моя с ухода и начнется. — Колесов оперся ладонью о ствол дерева. — Понимаете, есть на Земле такое высшее учебное заведение, где людей учат размышлять и сопоставлять...

— По-моему, этому учат везде, где хоть чему-нибудь учат.

— Да, в рамках своей специальности. Нас же учат общему анализу окружающего мира, выявлению каких-то общих закономерностей...

Ольга повернулась лицом к дороге и замерла, вслушиваясь. Колесов тоже прислушался, но ничего особенного не услышал.

— А вообще,— закончил он сухо,— срок нашего обучения — десять лет. Вот и судите сами, сколько мы должны знать. — Он вскинул рюкзак, поправил лямки.

Женщина была сдержанна, и это передавалось ему. Если б хоть раз она улыбнулась, он с удовольствием с ней поговорил.

— Маршрут у вас,— сказала Ольга деловито,— один-единственный — до базы. Это всего сто километров. Вездеход преодолевает их за четыре часа, вам потребуется...

— Три дня.

— Я отмечу ваш выход, но связи с базой у нас нет.

— Откуда она может взяться, если основные закономерности планеты еще неизвестны? — он притопывал, пробуя обувь. — Для того и иду...

Подъем начинался почти от самой дороги. Тропинка из насыпанного белого камня указывала направление. Вскоре она кончилась, еще несколько метров прямой травы, но вот и трава распрямилась, встала во весь рост.

— Эй,— услышал Колесов. Женщина внизу махала руками. — Выбор направления...

Он улыбнулся ее опасениям и показал на небо. Он двинется по солнцу, а если придется идти ночью — по звездам. Ничему их не учили так тщательно, как определению курса: по пяям, по солнцу, звездам, компасу и мхам на Земле, по протяженностям каменных гряд на Сторожевой, наклону травы на Муравьиной, хвостам животных на... Это был уникальный случай, а здесь все укладывалось в банальные рамки.

Поднимаясь, Колесов дышал размеренно и спокойно, неторопливо передвигал ноги, помня старую поговорку горцев: «Ты быстро идешь, значит, скоро отстанешь». Он вновь очутился в своем мире, и след от встречи с Ольгой постепенно затягивался. Солнце было прямо перед Колесовым, и он знал, что должен идти только на него. Оно двигалось здесь все время по вертикали, не сходя с нее, и опускалось почти в той же точке, в которой появлялось, — с небольшим, незаметным для глаза отклонением. Линия его движения перемещалась, конечно, каждый день, и полный цикл такого перемещения означал, что прошел год. Но сейчас ориентир на солнце означал путь к базе, и сбиться в сторону было просто невозможно.

Собственно, не спешил Колесов еще и потому, что должен был не только пройти, но запомнить увиденное, составить отчет, испытать себя на пригодность для этой работы. Ведь и неплохие студенты привозили порой на Землю отчеты, в которых не оказывалось и десятой части необходимого. Кроме того, путь, по которому шел Колесов, был открыт для практики впервые: серьезных исследований на Сиреновой еще не проводилось.

— Хватит отчетов для архивных полок,— сказал профессор Павлович,— потрудитесь-ка для пользы дела!

Ну, что ж... А через год, когда кто-нибудь вновь пройдет этой же дорогой и потом сядет сдавать зачет, перед преподавателем уже будет лежать, как эталон, отчет Евгения Колесова. Все несовпадающие места будут подчеркнуты. Новое, что замечено, старое, что прошло мимо, наблюдения, противоречащие ранее сделанным,— все это выловит, подчеркнет, отметит закладками электронная машина. К отчету же будут приколоты ленты показаний приборов...

Тропинка поднялась довольно высоко, и, наверное, он пересек какой-то климатический пояс, потому что трава стала ниже — до стопы. «Все,— решил Колесов,— все». Он вытащил из рюкзака блокнот и вставил его в нагрудный карман так, чтобы обе обложки попали прямо в зажимы контактов.

Осталось щелкнуть рычажком — и все, что он подумает, тут же окажется записанным в блокноте. Поэтому надо быть аккуратным и внимательным. Говорят, в старину становились такими, лишь когда принимались писать,— да и то не всегда. А в мыслях черт-те что творилось. Сколько это должно было доставлять неудобств!.. Однако еще раз, в последний,— хватит случайных мыслей. Иначе придется их стирать, а профессор Павлович не любит пропусков. «Интимная мыслишка в голову пришла,— говорит он, ткнув пальцем в белую строчку или абзац,— А не пропустили вы чего-нибудь в этот момент? Где ваш максимум внимания, где культура наблюдения!» Итак, в последний уже раз,— все! Он перевел рычажок.

...Дорога идет вверх — моя дорога, потому что никакой протоптанной тропинки нет. Да и кому было топтать ее? Деревья здесь невелики. Самое большое — не выше фонарного столба. Кора на них серого цвета, гладкая, даже блестит слегка. Из этого дерева будут, не обрабатывая, делать мебель... Удивительная пустота вокруг — какой-то заброшенный ботанический сад. Не то, чтобы волка, лисицы, не говоря уж про льва,— даже насекомых нет. Странно, как могла жизнь остановиться у порога животного мира? Наверное, поэтому так беден здесь растительный мир... На новых планетах любой факт требует анализа, и даже самый неглубокий анализ перерастает в гипотезу. А гипотеза — это уже почти открытие. И как хочется его сделать!.. На Земле и думать об этом бесполезно: все настолько изучено, что можно лишь вводить поправочные коэффициенты к поправочным коэффициентам. А здесь имеешь полное право любую гору назвать своим именем. Два года назад Валька Чесалин обнаружил разумных существ, которые в минуту опасности становились невидимыми. Все законы оптики летели к чертям!.. Он же и механизм определял. Тут-то он, конечно, ничего не сделал, но «эффект Чесалина» остался в терминологии. А Юра Львович?.. Увидев погоню одних четвероногих за другими, он не

— Нет, кажется, страус...

См. стр. 74

растерялся, засек ориентир, нажал стрелку секундомера и определил, что скорость их составляет что-то около пятисот километров в час. И это на планете, где ускорение силы тяжести — 11,4 м/сек²! Статья его в журнале «Биология космических объектов» была признана сенсацией года номер один... Да, до чего же хочется сделать открытие! Не для славы — тому, кто за ней гонится, ее все равно никогда не хватает, — а чтоб подтверждено было и признано, что ты недаром занялся делом, к которому столь многие стремятся...

Подъем кончился, началось плоскогорье. Дорога была нетрудной, на Земле приходилось одолевать гораздо более сложные маршруты. Поднимались на высочайшие вершины мира, бродили по дну Атлантического океана, пересекали ледниковые страны. А здесь?! Не практика — прогулка... Когда-нибудь потом, пробираясь по колено в концентрированной кислоте, сквозь облака аммиачных паров, ожидая, что

вот-вот покажется какая-нибудь ужасная морда, или лапа с когтями загородит дорогу, будешь вспоминать, как идиллию, как прощание с беззаботной молодостью, эту планету, спокойный ее воздух, блеклое нежаркое солнце, густые, влажные деревья. Кто назвал ее Сиреновой? К черту! Планета бабьего лета — вот что это такое... Но день кончается: солнце уже готово нырнуть за горизонт, чтоб завтра выплыть на том же самом месте. Можно садиться, ставить палатку, разводить костер...

В старину для этого собирали сучья, дрова рубили. Вот возни было! А сейчас горит воздух. Правда, горелку выдают только первопроходцам: на Земле воздух берегут. Но зато здесь — жги на здоровье, воздуха предостаточно! А остановиться можно хотя бы вон у тех трех камней — пригнувшись, чуть подавшись вперед. Кстати что-то блестит на гранях этих камней — быть может, крупницы руды? Вот была бы находка!..

Вплотную к камням Колесов подходить не стал: от подобных поступков предостерегал один из первых параграфов кодекса безопасности. С камней мог свалиться обломок; они могли обрушиться сами; вполне реальными могли оказаться в них норы диких зверей или полуразумных живых существ; почва под ними, расплываясь тысячами, быть может, дожидалась последнего, вызывающего землетрясение толчка, — шага человека... Все это учили еще на первом курсе и повторяли в конце каждого следующего.

Колесов расположился на открытой площадке метрах в двухстах от камней. Даже обрушившись, они бы его не тронули, разве только специально покатались бы на него. Но таких случаев пока еще не было. Правда, пункт девяносто шестой того же параграфа строжайше запрещал ориентироваться на прошлые случаи и предписывал при любых обстоятельствах перебирать любые возможные варианты. Но не висеть же было в воздухе!.. По возвращении на Землю надо будет заявить Павловичу, что в существующей формулировке пункт не имеет смысла: «любые возможные варианты» следует заменить на «максимально вероятные».

Он достал палатку, положил на нее руку, для четкости представления прикрыл глаза. Маленький островерхий домик возник в его мыслях. И тотчас же поползли вверх телескопические штанги, выпрямились полимерные растяжки,— палатка была готова.

Полуживая разогретыми на горелке консервами, Колесов вдавил опустевшую банку в почву. Через несколько дней она распадется там на атомы, предотвращая заражение чужой планеты земными отбросами... Потом он лежал в палатке, смотрел сквозь открытую дверь на огонек горелки и думал о том, до чего удачно все складывается. Планета попала не злая, и, пожалуй, это даже хорошо, потому что кто знает, по каким дорогам придется идти в будущем, сколько раз проваливаться и сколько тонуть?..

Он проснулся утром в самом отличном состоянии духа. Завтрак, сборы— все заняло совсем немного времени. Чтобы выйти на прямую, ведущую к солнцу, нужно было обогнуть камни. Колесов прошел, почти касаясь их неровных, будто бы с рябью боков, с такими же, как на воде, отблесками. Возле первого он остановился, отбил молотком кусок породы, сунул в рюкзак и двинулся дальше. Он шел прямо на солнце, а оно поднималось все выше, подпираемое дымящимся столбом. Когда, став похожим на шляпку от гвоздя, солнце встало прямо над его головой, он лег под дерево и спал два часа, а потом снова шел по плоскогорью, пока не достиг некрутого склона. Здесь он двигался параллельно вершине— траверсировал, как на Земле учили его говорить альпинисты. Шагалось ему легко, и мысленно он был уже на Земле, и беседа с профессором осталась уже позади, и навдвигался вечер. Об окружающем он не думал, потому что вокруг ничего не менялось.

Солнце опустилось, а он все шел. Ему хотелось выбрать ориентир, как вчера. Наконец, он увидел группу камней, удивительно похожих на вчерашние. Чем ближе он подходил, тем отчетливей проступало сходство. Что это? Дома без дверей и окон, сооруженные обитателями планеты? Или знаки, оставленные какими-нибудь иными гостями из космоса? Когда, с какой целью? Определить что-нибудь, когда солнце село, было трудно. Он поужинал, лег и быстро заснул. Но спал он будто бы на тех же самых камнях— так спокойно было. Одна только мысль— даже во сне— ободряла: если и в конце третьего перехода он увидит такие же камни— это будет означать след разума и, стало быть, открытие, связанное с его именем. Доклад в студенческом научном обществе, публикация, разговор на равных с большими людьми...

Наутро он собрался быстро, но к камням начал приближаться медленным шагом, оглядывая их все сразу. Они были абсолютно похожи на вчерашние, однако никакого впечатления, что это сооружение искусственное, не возникало. Он приблизился вплотную и, как вчера, стал так же медленно обходить камни слева. Они были серые, тусклые. И только в одном месте на поверхности выделялась маленькая ямка. Колесов пригнулся, волнуясь, открыл рюкзак, достал вчерашний кусок породы и приложил к светлому пятну. Серая каменная волна снова обрела свой гребень. Форма получила завершение. Это были те самые камни, мимо которых он шел вчера...

Колесов отступил немного и испуганно огляделся. Идти целый день, строго придержи-

ваясь определенного направления, и вернуться к исходной точке— удовольствие небольшое. Да, вон дерево, а вон группа кустов. Где же он мог сбиться? В те минуты, вероятно, когда, переставая думать о чем бы то ни было, просто шел, может быть, даже покачивая головой в ритм своим шагам... Хватит, однако, думать— факт зафиксирован в контрольном блокноте, надо двигаться.

Снова вскинув на плечи рюкзак, Колесов зашагал вперед. Он глядел прямо перед собой, и красный солнечный шар, как путевой знак, указывал ему дорогу. От вчерашней беспечности не осталось и следа. Колесов был собран, настроен, внимателен и даже, хотя ни одной живой души не было вокруг, шел упругой походкой следопытов, и трава распрямлялась вслед за ним, и никто— из людей, по крайней мере,— не догадался бы, что здесь прошел человек. Он искал то место, где вчера сбился с пути,— но не находил ничего, что помогло бы как-то сориентироваться.

Один раз он остановился и осмотрел все шкалы блока приборов, потом достал ленты. Напряженность магнитного поля была очень низка. Вот вчерашний день— кривая на ленте почти горизонтальна, с небольшими, едва выступающими пиками. С точки, где начинался сегодняшний отчет, кривая в точности повторяла вчерашнюю. А вот линия радиации: пики и впадины, пики и впадины. Нейтринометр дает прямую,— уровень нейтрино везде в космосе одинаков. Стрелка дзетаметра на нуле, и записи нет... Да, ни одним из приборов воспользоваться не удалось. Выбор направления пути— самое, казалось бы, нехитрое дело на этой планете— превратился в задачу, не поддающуюся разрешению.

...Далеко-далеко от Земли, на планете, почти равной ей размерами, где и живет-то всего не более тысячи человек, идет один. Отвратительное нежаркое солнце, угрюмые, серые деревья, полное безветрие— даже листья не шевелятся, гнетущая тишина гиблого места...

Усилив воли Колесов отогнал от себя не веселые мысли, постоял несколько минут, сжимая и разжимая кулаки, и двинулся дальше.

Так он шел и шел, пока не начало темнеть, а когда солнце стало как бы мглистым, припопорошенным, он увидел вдаль темный предмет... Он и раньше шел быстро, но теперь еще прибавил шаг. Очертания предмета прояснились, и вскоре видно стало, что это все те же вчерашние и позавчерашние камни. Он не бросил рюкзак на поляну в полукilометре от камней,— он подошел к ним вплотную, нашел излом и приложил отколотый кусочек. И тот оказался столь же на месте, как ключ в замке.

Колесов отошел к месту своей вчерашней и позавчерашней стоянки, сел на траву. Теперь уже думать надо было со всей серьезностью. Он пока не чувствовал страха: слишком казалось нелепым— попасть в переделку на такой безобидной с виду планете, всего лишь в двух днях пути от поселка. Но где же выход?

Пункт сто пятый правил поведения на изучаемых планетах гласил, что если две любовых попытки не удались, то незачем предпринимать третью. Сейчас это правило стало реальной необходимостью. Ну, что ж... Отлично. Он больше не пойдет в поселок. Он вернется к исходному пункту и оттуда прибудет на базу на вездеходе. В конце концов, он столкнулся с неожиданным природным явлением— это тоже откры-

тие, не худшее, быть может, чем встреча с другой цивилизацией. И задача номер один — довести его до сведения людей.

Он поднялся и уже почти спокойно полез в рюкзак за палаткой...

— Ну, прощайте, — сказал он утром серым камням, пологой поляне вокруг них, с кучкой стоящих отдельно деревьев, и небольшому озерцу пресной воды. Два дня подряд он уходил отсюда, и последнее возвращение породило у него какое-то странное, уважительное отношение к этому месту. Колесов вскинул на плечи рюкзак и, чувствуя на затылке теплое дыхание встающего солнца, двинулся в обратный путь.

Он торопился: хотелось скорей дойти до людей, оборвать полутревожное состояние, попасть хотя бы на окраину Обитаемого Мира.

«Я предполагаю, профессор, что этот эффект объясняется...» Не в силах мыслями своими свернуть с одной темы, он шел весь день, а вечером, когда солнце уходило за свою финишную черту, почувствовал, что начинается подъем. Ему стало не по себе. Он взбежал на гребень и увидел знакомую эллипсовидную долину и группу камней в центре ее.

Путь назад привел туда же, что и путь вперед... Можно было теперь двинуться вправо или влево. Но зачем? Вправо — чтоб через день пути упереться в обрывистые стены горной страны, вершины которой видны и отсюда. Влево — редкий лесок сменялся непроходимой тайгой... Что там — слева и справа — не знает никто. Была выбрана кратчайшая дорога между двумя точками — строящейся станцией планетофизиков и базой для прибывающих. И он не в силах ее пройти!

Его найдут, конечно, но здесь так мало людей и у каждого из них так много дел, что прибавлять к ним еще одно... Нет, он должен найти выход сам, — добраться до людей, рассказать, оповестить. Здесь предполагаются большие работы. Надо, чтобы знали: с каждым может случиться эта странная вещь. Практика кончилась, он отвечает уже не только за себя.

Колесов сел на траву и начал думать. Аналогичных ситуаций не припоминалось. Неужели из всей суммы фактов, крепко вошедших в его голову за десять лет, не удастся выбрать хоть что-нибудь, что подсказывало бы выход?

Он сидел, думал... И в голове его, наконец, зашевелилась неясная мысль...

Несколько лет назад, роаясь в каталоге Большой библиотеки, он остановился на одной из карточек. На ней стояло: «Г. М. Франковский. Возврат к инстинктам». Среди своих специальных книг — как раз тогда сдавали палеонтологическое материаловедение — он заказал и эту. Он любил такие неожиданные скачки в сторону: в книгах на далекие темы обнаруживалась вдруг такая бездна полезных сведений, и так приятно было следить за ходом мысли автора, и чувствовать, что понимаешь его, как бы видеть перед собой человека, рассказывающего то, что он знает лучше всего на свете!..

«Психика современного человека, — писал Франковский, — представляется нам как нечто ясное и гармоничное. Однако же, не утратил ли человек на своем пути к этому уровню... не утратил ли он чего-то такого, что, отнюдь не обедняя его, как венец природы, позволило бы ему чувствовать себя более свободно и уверенно в разных неожиданных ситуациях?

В те времена, когда моторного транспорта не существовало и ездить приходилось на лошадях, бывали случаи, что людей застигала пурга. Люди откладывали вожжи в сторону, доверяясь лошадям, а те вывозили их к жилью. Как они находили дорогу? Этот вопрос никто серьезно не исследовал. Я попытался заняться им, но применительно к человеческой психике. Человек был когда-то зверем, и где-то в глубинах его психики хотя бы остатки инстинктов должны были сохраниться. Естественно, что они постепенно подавлялись и вытеснялись более сознательными стимулами. Действительно, зачем живущему там, где все развивается по общественным законам, этот почти не контролируемый аппарат?..

Теперь времена изменились. Человек ступил на порог освоения других планет. И если мы хотим оснащать будущие экспедиции самыми совершенными техническими средствами, то неплохо было бы или даже необходимо оснастить и самого человека, обогатив его психику вещами полезными. С этой целью я предпринял ряд экспериментов.

Я пытался вызвать в себе какую-то частицу ощущения окружающего мира, давно утраченную человечеством в целом. Никакими средствами, затумавивающими сознание, я не пользовался. Конечно, можно было бы подобрать что-нибудь из арсенала фармацевтики, но ведь этих препаратов в критических ситуациях может не оказаться. Спасение — в фиксации мысли на опасности, в вызове к активности тех свойств, которые ныне кажутся несуществующими. Усилие воли, влияние окружающей обстановки — и целый ряд приемов, которые я нащупывал очень медленно...

— Что же он делал? — Колесов упорно старался воскресить в памяти забытые страницы.

«...Я пытался абстрагироваться от окружающей обстановки, забыть, кто я и что я, полностью перестать существовать, как мыслящая личность. Подобно буддийским монахам, доводящим себя до иступления повторением одних и тех же фраз, я повторял без конца: «Я не профессор психологии Георгий Франковский!..»

Опыты не были доведены мною до конца. Я чувствовал, что начинаю впадать в беспамятство, и выключался. Я боялся, что мое сознание распадется необратимо, — тогда вся проделанная работа была бы ни к чему, ибо кто рассказал бы о ней? Однако ж, я думаю, что мои опыты, или хотя бы мои мысли кому-то пригодятся...

В свое время Колесов рассказал об этой книжке Павловичу.

— Явление обычное, — успокоил ученика профессор. — Всякий раз, когда жизнь выдвигает какие-то новые требования, появляется куча проектов и изобретений. Это неизбежно. Но осуществяются лишь те из них, которые наиболее выгодны и удобны. Предложение вашего чудачка было высказано как раз перед началом массовой разведки на планетах. Никто его опытов не продолжил. И, как видите, обошлось! И даже если все правильно — он был на грани распада сознания. А это слишком жестокая цена.

Колесов загрустил тогда — ему понравилась идея человека, жившего за столетия до него. Но понемногу он забыл эту книгу — еще сто тысяч на самые разные темы пришлось прочесть. И вот всплыла. Память — надежная кладовка.

Ну, попробовать по методу доктора Франковского? Собственно, другого выхода нет... Но

если и в самом деле — распад сознания? Ну, что ж. Ни одна высказанная мысль не должна оставаться без проверки. Сейчас самый удобный случай...

Он встал, повернулся в ту сторону, где должно было подняться солнце.

— Я не студент Евгений Колесов, прибывший сюда на практику... Я не студент Евгений Колесов...

Он медленно шел, повторяя эти слова, ужасаясь тому, что вот он один — до смешного маленький человек! — идет по пустынной, такой далекой от Земли планете. И чувство времени постепенно начало покидать его.

Мужчина и женщина в белых халатах шли по коридору, с одной стороны которого были двери, с другой — сплошная стеклянная стена. Прямо из пола росли пальмы, и столько света проходило через стекло, что казалось — весь коридор поднят на гребень остановившейся световой волны.

Мужчина открыл одну из дверей, пропустил женщину и вошел следом сам. Они оказались в небольшой комнате с зеленоватыми стенами. На кровати в углу лежал человек. Глаза его были закрыты.

— Посмотрите, Ольга Илларионовна, это он? — спросил мужчина.

Женщина подошла к кровати.

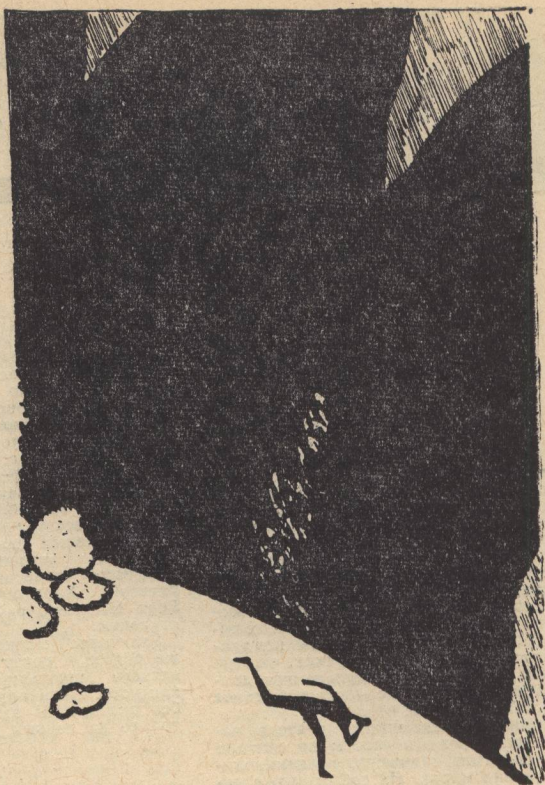
— Да, доктор, он.

— Вы, вероятно, последний человек, который видел его в нормальном состоянии...

— Я разбиралась в этой истории. Его подобрали возле базы для прибывающих. Он шел и был как будто спокоен, на деле же находился в бессознательном, наподобие сомнамбулического, состоянии. Его блокнот позволил понять, что произошло, а показания приборов объяснили многое из природы Сиреновой. Там очень невелика напряженность магнитного поля, поэтому создать прибор типа земного компаса — нельзя. Но зато очень четко отделены друг от друга линии радиоактивности. На этой основе и можно будет создать навигационное средство... Однако главное — почему, идя по Солнцу, он все время возвращался на одно и то же место? Он первый столкнулся с этим фактом, и, прочтя об этом в его блокноте, мы провели наблюдения. На Сиреновой своеобразная атмосферная оптика. Солнце многократно отражается в облаках, и даже когда оно закрыто тучами, вам кажется, что вы его видите. Беда лишь, что совсем не в том направлении, где оно есть на самом деле... Нас заинтересовало это событие, и группа наших планетофизиков хочет сейчас пройти той же дорогой. Они ждут только меня.

Крик заставил обоих обернуться. Больной сидел на кровати. Лицо его было совершенно белым. По одеялу, судорожно стиснутому руками, зигзагом прошла складка.

— Не посылайте людей — они заблудятся!.. Не посылайте людей — они заблудятся!.. Не посылайте!..

Неподвижные его глаза были широко раскрыты, рот разрывался в крике...

— Успокойтесь, — сказал доктор, — никто никого не пошлет. — И повернулся к женщине. — Это первый раз какая-то осознанная реакция. Давайте выйдем... Сдвиг, наконец, произошел, пусть он успокоится.

Они вышли.

— Вот и все, — сказала женщина. — Впрочем, это уже продиктовано мной. Пленка давно отправлена. Вы разве не получили?

— Она есть, — отозвался доктор рассеянно, — в истории болезни, в графе «Обстоятельства заболевания». Я думал, вы дополните чем-то.

— Как видите, нет. Только лишь сопутствующими новостями. Но ведь они к больному не относятся... Я могу быть свободна?

— Да, конечно.

Доктор поглядел ей вслед и снова вошел в палату. Больной сидел на кровати. Пальцы его рук были широко расставлены, и складка на одеяле медленно распрямлялась. Отчетливо и спокойно он повторял:

— Я студент Евгений Колесов. Мне двадцать шесть лет. Я студент Евгений Колесов. Мне двадцать шесть лет. Я...

ОСКОЛКИ

Ты и твоё хобби

Прежде всего — что это такое — хобби?

Это бескорыстная страсть, интересное занятие на досуге, не оставляющее места для скуки, настолько сильное увлечение, что сплошь и рядом оно превращается во вторую профессию человека.

Человек — существо ненасытное в стремлении к разносторонним познаниям, и как бы он ни был поглощён главной своей работой, всегда остаётся место для других интересов. Даже если заняты все двадцать четыре часа в сутках, он отыщет способ пристегнуться к ним двадцать пятый час — вот что такое истинное хобби.

Многие выдающиеся деятели находили время и совсем не считали пустяками, например, коллекционирование марок. Их собиранию с наслаждением посвящали свой досуг А. М. Горький и А. П. Чехов, М. И. Калинин и М. М. Литвинов, известные всему миру ученые И. П. Павлов и И. П. Бардин, Георгий Димитров и Вильгельм Пик, Джавахарлал Неру и многие, многие другие.

Людей, увлекающихся марками, ныне настолько много, что недавно в нашей стране было создано Всесоюзное общество филателистов.

Областной клуб коллекционеров имеется и у нас в Перми. Предыстория его создания восходит еще к первым годам Советской власти — к 1919 году. Секретарем его был Борис Ушков, увлекавшийся собирательством с дошкольного возраста. Когда общество распалось (в тридцатых годах), Ушков подарил свои коллекции марок и бон Пермскому и Свердловскому музеям, а сам переключился на энтомологию (насекомые, бабочки) и орнитологию

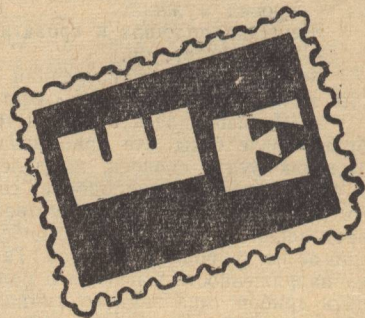
(птицы). Сейчас Борис Сергеевич инженер-лесопатолог, «лесной доктор», и, конечно, член Пермского клуба коллекционеров.

Этот клуб был вновь создан в 1959 году и считается одним из старейших в стране. Он объединяет филателистов, филокартистов, филуменистов, нумизматов, бонистов, значистов, экслибристов. Единство интересов привлекает в клуб самых разных людей. Этой «любви» все возрасты покорны — профессор зоологии Дмитрий Евстратьевич Харитонов и школьник Гера Иманаев, рабочие, инженеры, студенты.

Увлечение марками — это такое же острое и почти неизбежное для всякого школьника заболевание, как корь. Поначалу он собирает все без разбору. И это правильно. Но только на первых порах.

Но, как говорится, — более на здоровье!

Первые месяцы всеядного собирания кое-чему научили тебя: ты познакомился с многообразием марок, получил представление о том, как распознать их и располагать в коллекции, почти бессознательно придерживал у себя те марки, которые тебе нравились, и обменивал те, которые не очень нравились. И только теперь ты стал перед выбо-

ром: на чем же остановиться, что и как собирать, какова твоя цель? От этого зависит очень многое: ты можешь стать филателистом на всю жизнь, а сможешь вскоре охладеть к своей коллекции.

Я не берусь выписывать рецепт: собирай то, не собирай этого. Лучше расскажу о том, что и как коллекционируют другие. А уж ты сам решишь, что тебе больше подходит.

Итак, давай заглянем к нескольким пермским филателистам.

Весь мир

Иной начинающий, собрав тысячу-другую марок и увидев, что это несложно, мечтает собрать все или хотя бы почти все сто с лишним тысяч, выпущенных за 125 лет существования почтовых знаков оплаты.

Но такая дерзость, такое безрасудство возможно только по неведению. Ни один человек в мире нынче не может собрать марки всего мира.

Увлечение марками для Саши оказалось пожизненным. Причем, как он начал собирать марки всего света, так и продолжал. Это хронологический, или так называемый «классический» способ коллекционирования. Марки располагаются на листах альбомов по континентам и странам, а внутри стран — по годам выпуска.

Но мое увлечение, как у большинства мальчишек, оказалось преходящим. С годами появились другие интересы, мало-помалу вытесняя детскую привязанность к маркам.

по многим вопросам истории, географии, экономики, геральдики и т. д. Кроме того, со мной самим приключился рецидив бывшего увлечения, и теперь трудно разобрать, кто из нас больше увлечен — мой сын или я.

Раньше марки у Лямзина хранились в специальных шкафчиках. Каждая серия выносилась на отдельную карточку, стопки карточек группировались по годам выпуска, затем в алфавитном порядке по странам и континентам располагались в ящиках шкафов. Сейчас коллекционер соорудил стеллаж, на котором стоит сотни полторы альбомов-классеров. Для того чтобы перенести все марки из карточек в альбом, понадобится еще целый год. Это и понятно. Мой сын бегло листал классеры, и то за весь вечер успел посмотреть только одну полку.

Лямзин продолжает собирать весь мир как бы по инерции, но сознание безнадёжности такого предприятия изрядно отравляет ему удовольствие. Потому-то он и советует юным коллекционерам не подражать ему. Это говорит человек, накопивший за 42 года собирательства около 60 тысяч марок.

— Собирали бы вы Советы.

Советский Союз занимает первое место в мире по выпуску почтовых марок. Первая серия (РСФСР) вышла в 1921 году, а сегодня насчитывается уже около 3400 разных видов советских марок. Разнообразие тематики и богатство сюжетов так велико, что даже не из всех, а только из части почтовых миниатюр можно собрать интересную коллекцию. Недаром советские марки очень высоко ценятся за рубежом.

Ана вот и не всегда! Среди советских миниатюр немало ценностей, о которых годами мечтают коллекционеры многих стран, но очень редким удастся украсить ими свои коллекции. Вот попробуйте сейчас найти, например, серию из трех марок, выпущенную в 1933 году в честь стратостата «СССР-1»; марку «Будь героем», появившуюся в первые дни войны с фашизмом; две «алюминиевые» марки, посвященные XXII съезду КПСС. Многие марки старых выпусков давно осели в коллекциях. Пермский коллекционер Д. В. Кузнецов собирает все отечественные марки. Из марок дореволюционной России, к примеру, у него не хватает всего четырех штук. Довольно полно представлены земские марки и марки русской почты в Китае, Польше, Финляндии, Турции, на острове Крит. Различные марки периода гражданской войны. И, конечно, «Советы» — так сокращенно называют коллекционеры марки Советского Союза.

Из всех советских миниатюр у него недостает лишь двенадцати. Например, он не имеет редчайшей советской марки, выпущенной в 1935 году в честь перелета Героя Советского Союза С. Леваневского. На

ЗЕРКАЛА

марке с портретом летчика была сделана памятная надпечатка: «Перелет Москва — Сан-Франциско через Сев. полюс 1935».

В коллекции Е. А. Когана не хватает сорока советских марок. Но зато у него есть знаменитая марка с изображением Леваневского.

Неплохие коллекции Советов составили инженер из Кировского района Перми Татьяна Игнатьева, восьмиклассник из школы № 9 Саша Отавин и другие...

Тема

По-видимому, старый, «классический» способ коллекционирования отжил свое. На смену ему, особенно в последние годы, широко распространилось коллекционирование тематическое. В этом случае можно также собирать марки всего мира, но они должны быть посвящены лишь какой-то одной избранной теме: скажем, только флора и фауна, только искусство и т. п.

Успехи советского народа в освоении космоса сделали общепризнанной всемирной темой № 1 тему «Человек покоряет космос». В нашем городе марки, посвященные этой популярнейшей теме, собирают очень многие. Но, пожалуй, наиболее полные по охвату и глубине по разработке коллекции у мастера одного из заводов Л. С. Свириленко и офицера Советской Армии Л. С. Рябцева. Капитан Рябцев познакомил меня со своей коллекцией.

У филателистов существует такой термин — манколист. Иногда это объемистая тетрадь, иногда один-единственный листок — список, куда заносятся сведения о тех марках, которых еще нет в коллекции. По мере приобретения недостающих экземпляров они вычеркиваются. Так вот, в манколисте Рябцева незачеркнутым остается перечень каких-нибудь двух-трех десятков марок.

Открывается коллекция предисторией путей в космос: здесь портреты зачинателя астронавтики К. Э. Циолковского, марки с изображением выдающихся астрономов, видами обсерваторий, с астрономическими приборами. Затем — главная часть коллекции — ракетостроение, первые искусственные

спутники Земли, и, наконец, марки, посвященные первым космонавтам.

Среди пермских ребят авторитетом пользуется восьмиклассник школы № 96 Саша Никитин, собравший неплохую коллекцию марок о космосе.

Но тема космоса — далеко не единственная, пользующаяся популярностью у собирателей. Людмила Груздева, увлекающаяся марками в пятом классе, сейчас — студентка третьего курса филологического факультета Пермского университета. Она коллекционирует марки, отображающие животный и растительный мир нашей планеты, а кроме того, посвященные писателям и поэтам. Шестиклассник из двенадцатой школы Гера Иманев отдал предпочтение спортивным маркам. А ученик седьмого класса школы № 77 Игорь Дьяков считается «крупным специалистом по колониальным странам».

Политическая история

Из заключение хотелось бы познакомить тебя еще с одним типом коллекции. Это — нечто среднее между хронологическим и тематическим способами коллекционирования. Есть немало людей, все еще тяготеющих к «классике», к собиранию марок всего мира, хотя они превосходно сознают невозможность этого. А собирание марок одной страны или даже группы стран, как и тематическое коллекционирование, кажется им узким, ограниченным. Как же тут быть?

Мне выход подсказал инженер Е. А. Коган — председатель Пермского клуба коллекционеров. Его собственная коллекционерская судьба сложилась драматично. Собирательством увлекся, как многие, в восьмилетнем возрасте. К началу войны с Германией у него уже была хорошая коллекция — Россия, Советский Союз, Персия, богатый подбор всех стран, дублетные фонды. Но в осажденном Ленинграде вся эта коллекция погибла. Он так и думал, что бросит коллекционирование. Но не сумел преодолеть страсти и начал все заново. Снова собрал почти все Советы, почти всю послевоенную Чехословакию. Но главное его детище — политическая история мира в марках.

Что это такое? Сейчас в мире существует около 180 государств. Первый этап — собирание марок всех ныне существующих стран — не так уж сложен даже для начинающего, если не ставить себе задачи обязательно собирать все до единой из вновь выходящих марок. А эта задача и не стоит: нужны не все, а лишь наиболее характерные марки наиболее важных периодов в жизни той или иной страны.

Когда «Географическая карта» мира подобрана, встает более сложная и увлекательная задача: представить марками политическую историю каждого государства. Возьмем, к примеру, Камерун. До первой мировой войны это была германская колония. Во время войны Камерун оккупировали англичане и французы, и поделили добы-

чу: большая часть стала французской колонией, а меньшую англичане присоединили к Нигерии. И вся дальнейшая борьба, приведшая в конце концов народ Камеруна к освобождению от колониального гнета, превосходно отражена в марках. Наиболее характерные марки каждого из этих периодов Коган сумел собрать.

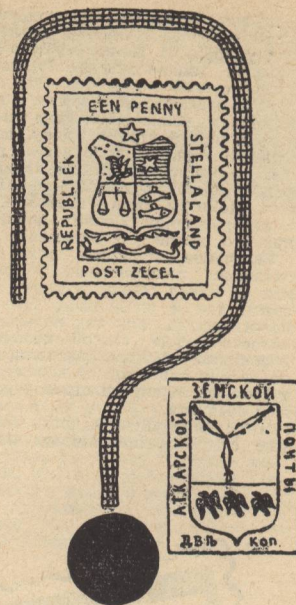
Собирать такую коллекцию никогда не соскучишься. Ведь история не стоит на месте, и в марках отражаются все процессы мирового развития. Например, в них, как в зеркале, особенно наглядно виден распад колониальной системы. В 1943—1959 годы независимости добились 21 страна, в 1960, вошедшем в историю как «год Африки», — 17 африканских государств и 1 страна в Азии. Затем получили самостоятельность еще 15 стран. К началу 1965 года в колониальных, полуколониальных и зависимых странах находилось около 40 миллионов человек (немногим более одного процента населения земного шара).

Такая коллекция может дать достаточно полное представление о мире и в то же время не отпугивает собирателя недоступностью цели. Пусть даже у тебя никогда не будет уникального «голубого Маврикия», ты можешь не отчаиваться: есть другие, менее редкие и вполне для тебя доступные марки острова Маврикия, отражающие его политическую историю.

После того, как я познакомился с коллекцией Е. А. Когана, мы с сыном твердо решили: собираем политическую историю мира.

Ну, а что решишь ты, зависит от тебя.

Каждая марка — это, образно говоря, — осколок; собранные в одну коллекцию, они составят то волшебное зеркало, в котором отразится многообразие мира.

Нужно сказать, что в Челябинске в период декабрьского вооруженного восстания была создана крепкая подпольная организация во главе с рабочим депо Романом Пивкиным. Она фактически захватила Челябинский узел, и отстранив администрацию, взяла управление движением поездов в свои руки. Местные военные власти растерялись перед организованным выступлением рабочих и не решились применить репрессии, боясь, что солдаты из эшелонов, находящихся на станции Челябинск, поддержат «бунтовщиков».

На обороте листовки сообщалось о прокламациях, полученных из Омского, Томского, Екатеринбургского и Курганского комитетов РСДРП — 4650 экземпляров. Как доносил жан-дармский ротмистр Шамлевич, их сотнями разбрасывали в Челябинске на базаре, у стен кладбища (сейчас здесь построен кинотеатр имени Пушкина), в солдатских казармах, в поездах, в депо, на станции и в других общественных местах. Находили прокламации и у крестьян в селах Петровском и Картабанском, в поселке Чебаркуль. Даже в городской тюрьме обнаружили 30 листовок.

А. КОЗЫРЕВ

КОСМИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Мне не приходилось находить метеориты ни на полях, ни в горах, ни в лесах. Но зато их «следы» я обнаружил в старинных книгах...

Просматривал как-то «Труды Бакинского отделения Русского Технического общества» за апрель 1900 года. И вижу краткое сообщение, озаглавленное: «Нефть в аэролитах». Вот что писалось там:

«При раздроблении метеорных камней, упавших на землю, нередко в очень твердой породе находили нефть. Полагали, что только наиболее малые мировые единицы, которыми и являются аэролиты, могут заключать в таком виде нефть, и объясняли образования эти быстрым изменением температуры, охлаждением и нагреванием. Но в последнее время и на такой большой планете, как наша Земля, были найдены подобные образования. В США, в штате Алабама, найдены в совершенно прозрачных кварцевых кристаллах пустоты, наполненные нефтью... Нужно заметить, что вблизи месторождения этих кристаллов нефть встречается в больших количествах в природе. На Кавказе включения нефтеобразной жидкости в кристаллах горного хрусталя известны в Сололакской горе около Тифлиса».

Как нефтяник, я заинтересовался этим старинным, теперь уже забытым известием. В современных научных трудах свидетельств о присутствии нефти в аэролитах я не нашел. Но существование космического битуминозного вещества (производного нефти) подтвердилось.

В одном из своих трудов академик **76** В. Г. Фесенков, председатель Комитета по метеоритам Академии наук СССР,

отмечает, что в некоторых каменных метеоритах содержится повышенное против обычного количество углерода, серы, связанной воды и других летучих веществ — компонентов нефти.

Впервые органические соединения в метеоритах были открыты в 1834 году в углистом хондрите, упавшем на землю около городка Алэ во Франции. Позднее их обнаружили в «посланцах космоса», найденных в Венгрии, Южной Африке и в России.

Но только в наше время, лет тридцать назад, ученые начали внимательно изучать метеоритное органическое вещество. Эксперименты показали, что в его состав входят, главным образом, высокомолекулярные парафинистые углеводороды, подобные углеводородам озокерита, а также органические соединения, содержащие кислород, то есть окисленные углеводороды.

Ученым давно известно, что земной озокерит — горный воск — и озокеритоподобные вещества являются ближайшими «родственниками» нефти и одним из верных признаков нефтеносности тех или иных территорий. Так не говорят ли нам подобные вещества, содержащиеся в метеоритах, о том, что на далеких, существовавших когда-то, планетах была нефть? Может быть, она есть и на планетах нашей солнечной системы?

Сейчас пока еще нет определенного ответа на этот вопрос. Но советские ученые упорно работают над разрешением нефтяной космической загадки.

* * *

Вторая находка имела иной характер. В 1804—1815 годах в Петербурге издавался первый в России специализированный технологический «повременник»,

имевший длинное и мудреное название: «Технологический Журнал, или Собрание Сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое Императорскою Академиею Наук». Главным редактором журнала был выдающийся русский ученый минералог, академик В. М. Севергин.

Среди разных «известий» мое внимание привлекла обширная (объемом 45 страниц) статья — «О камнях, падающих из Атмосферы» (1811 год, том 8, часть IV, стр 101—145). Под заголовком статьи указано: «Сообщено Корреспондентом Академии Т. С. Борноволоковым».

Значительную часть статьи занимал обширный обзор описаний метеоритов или упоминаний о них в трудах других авторов. В ней использовано более 30 источников, в том числе сочинения таких выдающихся ученых прошлого, как Гассенди, Лемери, Агрикола, Декарт, Пуас-

сон, Паллас. Борноволоков критически разбирает разноречивые мнения о «твердых телах, которые падали из Атмосферы», дает этому явлению материалистическое объяснение («оно не являет ни малейшего вида чудесности»), классифицирует метеориты, разделяя их на «каменные» и «железные», систематизирует все собранные им материалы о падении метеоритов с древнейших времен, рассматривает химическое строение их и т. п. Таким образом, статья Борноволокова представляет собою *первый* опубликованный в России обстоятельный научный труд о метеоритах.

Во второй половине статьи автор рассказывает об обнаруженной им в старинной рукописи — «Летописец Белоозерскаго Кирилова Монастыря» запись о падении «по близости монастыря того вскоре по его устройению, камней с неба». Один из них «был вложен в стену, а другой положен на паперти». Другое сообщение о метеоритах он нашел в рукописи XIII века, в «Бытоописании Устюга Великого»: «Тучи страшные, с блистаниями и громами, отъидоша на пустынная места отстоящая от града за двадцать поприщ, и тамо одождившие камене велие, разженное, многие леса сокрушиша и пожгоша...»

Борноволоко в предпринял расследование этих древних сообщений, посетил места падения «камней с неба» и описал их в своем труде.

Таковы мои «космические находки» в старинной литературе. Продолжаю поиски. Ведь каждое неизвестное ранее упоминание о метеоритах — драгоценно для науки о космосе!

К. КОСТРИН, профессор

Реплика

КАК ЖЕ ЭТО?!

Мне позвонила по телефону знакомая читательница и спросила, видел ли я журнал «Вокруг света» № 9 за 1966 год.

— А что? — спросил я.

— Возмутительная вещь, — быстро заговорила она, волнуясь. — Скажите хоть вы свое слово против. Звоню вам потому, что вы не раз писали о любви к животным...

А случилось вот что.

Негодование читательницы (и не ее одной — после этого по тому же поводу со мной разговаривали еще многие) вызвал очерк «В котиковом царстве, котиковом государстве», помещенный в этом журнале, а точнее — не сам очерк, а многокрасочная фотография, на которой изображено избивание палками беззащитных котиков. В тексте поясняется: «механика забоя несложна...»

Можно лишь удивляться, как этот снимок попал на страницы журнала, который в основном читает молодежь.

Да, «механика забоя несложна». Да, человек вынужден убивать животных для своих нужд. Но давайте пройдем на ферму. Мы увидим, как много любви вкладывают доярки, свиноводы, телятницы в уход за животными. Именно любви! И наоборот, что мы повели бы этих людей на экскурсию... на бойню.

Мне кажется, что журнал «Вокруг света» — в целом интересный, полезный журнал, который я очень люблю, — поступил именно так. В погоне за «изюминкой» он потерял чувство меры. Нужно ли смаковать такие подробности? Убежден: не нужно. Более того: вредно.

Борис РЯБИНИН

ЛОВИТЕ

ОТРАЖЕНИЕ

Радуйтесь, рыболовы! Я придумал, как ловить рыбу без крючка и сетки.

Делается это очень просто. Вы берете удочку, привязываете к ней зеркало и опускаете в воду. Когда опустите — клева не ждите. Никто ваше зеркало глотать не будет. А будет вот что.

Возле зеркала сразу же замельтешат красноперки, плотвички и прочие мелкие рыбки, которые загорятся желанием посмотреть на себя, причепуриться. Пока происходит вся эта эстетическая сценка, вы незаметно все ближе и ближе подтягивайте зеркало к берегу — до тех пор, пока весь рыбный хоровод не заплывет своим ходом в хитро подставленный вами сачок. Некоторые хитрецы подобным способом заманивают рыбу непосредственно в чугунок и сразу варят уху. Словом, ручаюсь за изобретение: рыба пойдет куда угодно, и вы пользуйтесь этим.

Однако тут же сразу нужно предупредить рыболовов, что на маленькое зеркало можно ловить только мелкую рыбешку. Кто пожелает ловить крупную, пусть забрасывает в воду такое зеркало,

Книжная
полка

Истины и легенды

Всесоюзное общество «Знание» ежегодно проводит конкурс на лучшие научно-популярные произведения печати. Когда в прошлом году были подведены итоги очередного такого конкурса, то оказалось, что в числе призеров его — два свердловчанина. И оба они — активные авторы и давние друзья нашего журнала — геолог, профессор А. А. Малахов и химик, доцент Д. Н. Финкельштейн. Поздравляя от имени читателей наших друзей с успехом, мы печатаем небольшой рассказ о книге А. А. Малахова «Наперекор судьбе», вышедшей в Москве, в издательстве «Молодая гвардия».

Какой драгоценный камень останавливает кровь? А какой снимает любовные чары? Что надежнее спасает от лихорадки — сапфир или гранат? А мо-

жет вас одолевают лихие мысли? Немедленно найдите аметист. Он их изгоняет бесследно! Еще более широкая компетенция у гиацинта: он-де и грозу отвращает, и бессоницу как рукой снимает, и даже способен сделать вас богатым!..

Нет, не шутки ради приводим мы здесь эти курьезные советы. О таинственном могуществе драгоценных камней веками передавались изушенные поверья. Камни эти, согласно древнейшим преданиям, исправляли и направляли судьбу, являли чудеса пророческого дара, заклинали и исцеляли, губили живых и воскрешали мертвых — и какими только еще сверхъестественными силами не обладали! Но что уж действительно было и в чем сомневаться не приходится — это то, что царедворцам и церковни-

чтобы перед ним могли помодничать стройная щука, спесивый судак или солидный язь.

Некоторые спросят: ну, а как поймать сома-пудовика? Физиономия же у него немалая? Даже на среднее зеркало его не возьмешь.

Что тут можно посоветовать? Хочешь поймать большого сома — вези на речку семейное трюмо, а еще лучше трельяж.

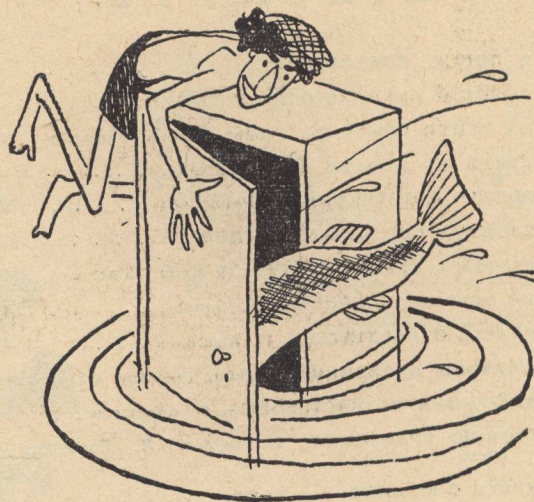
Как вы уже сумели убедиться, изложенный мной способ и надежен, и сулит большие уловы. Но еще лучший эффект дает лов на кривые зеркала, наподобие тех, что бывают в комнатах смеха. Только вы опустите в воду — начнется смех среди рыб на всю реку. Забывая всякую подводную субординацию, смеются и щуки, и красноперки, и сазаны, и окуни...

Вот только над кем?

Впрочем, какая разница! Не зевайте, берите удочку и идите к реке, ловите на зеркало и смейтесь себе на здоровье.

В. ОЛЕКСА

Перевод с украинского Василия СМЕРНОВА.

Рисунки Г. Перебатова

кам драгоценные камни верно служили для соблазна и подкупа, помогали им плести невидимую паутину интриг, кончавшуюся смутами и войнами, возвышением и падением монархий.

Много крови пролито ради манящего блеска и необоримой власти таящейся в драгоценных камнях, прежде чем они, став капиталом, перекочевали в кованные сундуки Шейлоков, Гобсеков и тысяч других Скупых рыцарей бессовестной и безумной наживы.

О страшном и роковом могуществе драгоценных камней повествуют нам средневековые сказания. Докатилось и до нашего времени множество этих поэтических легенд, в которых тесно сплетались и фантастический вымысел, и реальные события.

А. Малахова, автора очень интересной книги «Наперекор судьбе», привлекла, однако, не одна лишь таинственная и романтическая атмосфера, неизменно окружавшая драгоценные камни.

Высокий уровень современных знаний позволяет не только понять обстоятельства рождения поверий и легенд, связанных с драгоценным камнем, но и выявить их определенную социально-историческую сущность. Автор выступает прежде всего как ученый и нигде не упускает возможность взвесить каждую легенду на беспристрастных весах исторической объективности, всесторонне ее «прозондировать» новейшими гипотезами геофизики, проверить последними достижениями в изучении земных недр и космоса.

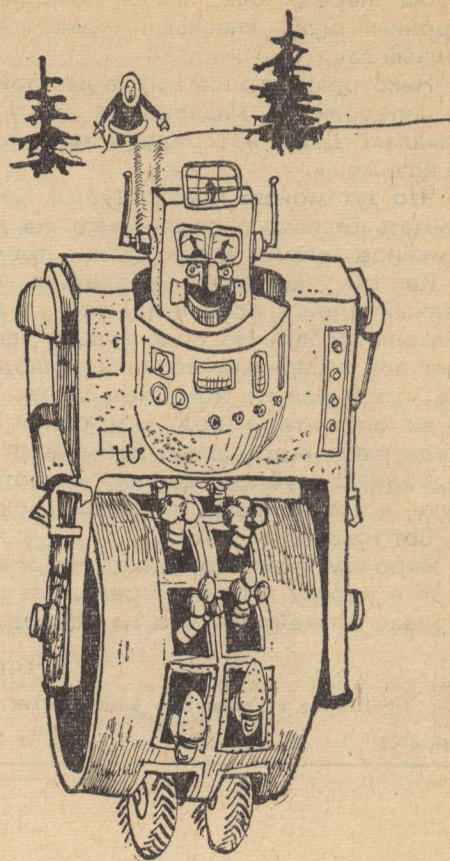
Трудно остаться равнодушным и сдержать свое восхищение перед вековой мудростью людей труда — перед пытливым наблюдательностью древних рудоискателей и горщиков, находивших верный путь к богатствам земных недр. Об этом А. Малахов рассказывает в главах: «Волшебная стрела», «Удивительные камни», «Камни радости», в очерках «Седьмое чудо», «Ущелье Дразнящего Эха» и «Святая гваделупе».

В последнем разделе книги, носящем название «Урал и библия», А. Малахов горячо спорит с теми, кто все еще держится за нелепые утверждения библийских постулатов. Ведь многие из верующих готовы «голову на плаху возложить», что гора Аракуль — это не что иное как библийская гора Арабат, что уральский горный хребет Аваляк носит имя сына Адама — Авеля, что гора Сефар подтверждает легенду о всемирном потопе, и т. д. Страница за страницей следует увлекательное повествование о разоблачении и этих «неопровержимых» суеверий.

Книга «Наперекор судьбе» А. Малахова, как и многие другие его книги, уже давно вышедшие в свет, порадует читателей, неравнодушных к тем научно-популярным произведениям, где главным героем — страстный научный и следопытский поиск.

В НОМЕРЕ:

В ПОИСК, СЛЕДОПЫТЫ!	1
НОВОЕ О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ	3
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ. Леонид Фомин. Новеллы	12
СТИХИ. Ю. Трифонов, И. Лисянская	14
РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ. Е. Раппопорт	15
ХРОНИКА СЛЕДОПЫТСКИХ ДЕЛ	16
СЕВРЮГА, СЕРЕГА, СЕРГЕЙ. Л. Квин. Повесть	17
НА ОСТРОВЕ СОКРОВИЩ. Е. Бабкин	46
УЧАСТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ. П. Казанцев	47
ФАРАОНЫ И ФИЗИКИ Л. Клейн, археолог. Очерк	48
ХУДОЖНИК ИЗ МАСТЕРОВЫХ. О. Севрюков	54
ТРОПОЮ КРАВЧЕНКО. И. Акулов, Л. Сорокин, очерк	56
КРОСС С ЮРИДЕЯ. Ген. Калабин	62
ДЕГТЯРСКАЯ СТАРИНА. М. Сницкий	65
СЕДЬМОЙ КРУГ АДА. Ю. Яров. Фантастический рассказ	66
ОСКОЛКИ ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛА. А. Ожегов	72
ЧЕЛЯБИНСКАЯ ЛИСТОВКА. А. Козырев	75
КОСМИЧЕСКИЕ НАХОДКИ. К. Кострин, профессор	76
ЛОВИТЕ НА ОТРАЖЕНИЕ. В. Олекса. Юмореска	78
ИСТИНЫ И ЛЕГЕНДЫ. Б. Селезнев. Книжная полка	78

Обложка В. Воловича и С. Киприна.

На второй странице обложки рисунок Н. Мооса.

**СКАЗАНИЕ
О
ГРАДЕ
НОВО-КИТЕЖЕ
РОМАН ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

**ЧИТАЙТЕ
В нашем журнале
с февральского номера**

Технический редактор
Э. Максимова

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редакция, Д8-04-49, производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 26/ХІІ 1966 г.
НС 21418.

Тираж 110 000.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л.
Цена 30 коп.

Уч.-изд. л. 10,39.
Заказ № 827.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

В

С

Т
Р
А

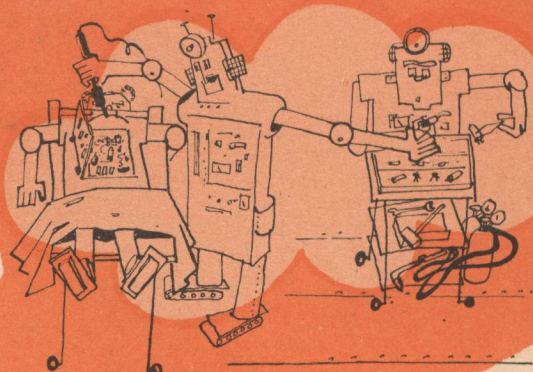
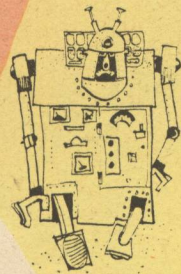
Н
Е

К

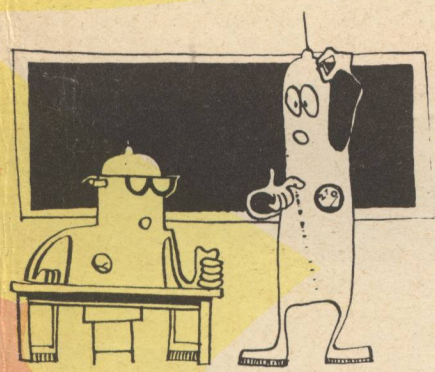
И
Б
Е
Р
Л
А
Н
Д

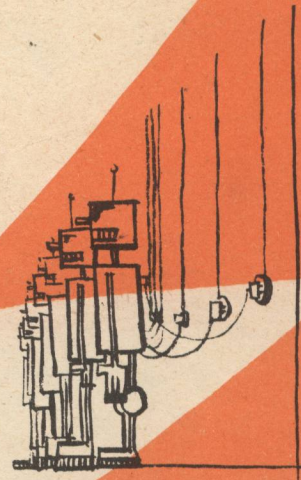
До чего же труд довел человека!

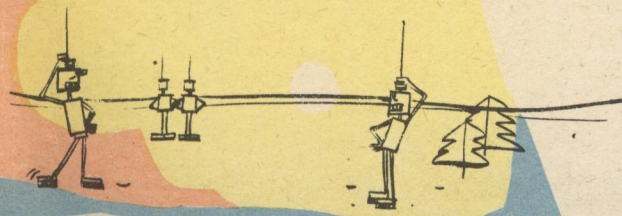
— КЖ8, пожалуйста!

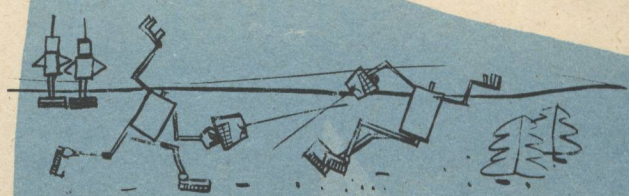
— Вы не выучили?
— Что вы, у меня просто сел
аккумулятор памяти.

Утренняя зарядка.

Дуэль.

Рисунки А. Медведева, Н. Мамиева,
Е. Музыкаина и Б. Демидова.

Н. НИКУЛИНА

ДОЧЬ ЛЕСНИКА

130-14

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ